

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ЭТНО-ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ЙОШКАР-ОЛИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЗАПАД – ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2015

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

MARI STATE UNIVERSITY

LABORATORY OF ETHNIC AND GENDER RESEARCH

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

YOSHKAR-OLA BRANCH

WEST – EAST

SCIENTIFIC AND PRACTICAL YEARBOOK

Joshkar-Ola, 2015

Редакционный совет:

И. Шварц,

Институт истории Восточной
Европы Венского университета,
Австрийская Республика

Н. Л. Пушкарева,

Центр этногендерных исследований
Института этнологии и антропологии
РАН, Российская Федерация

М. Даниш,

Университет Данубиас,
Словацкая Республика

И. И. Шарифжанов,

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Российская Федерация

И. Р. Чикалова,

Белорусский
государственный
педагогический университет,
Республика Беларусь

В. Кейдан,

Университет г. Урбино,
Итальянская Республика

Л. Гарбулева,

Прешовский университет,
Словацкая Республика

Е. П. Серапионова,

Институт славяноведения РАН,
Российская Федерация

Редакционная коллегия:

Г. В. Рокина (главный редактор)

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории,
Марийский государственный университет

Г. Ф. Горбашова,

канд. ист. наук, доцент,
Марийский государственный
университет

О. Б. Земцова,

канд. пед. наук, доцент,
Марийский государственный
университет

Е. В. Лежнина,

канд. ист. наук,
Марийский государственный
университет

Ю. С. Обидина,

доктор филос. наук, профессор,
Марийский государственный
университет

Г. Е. Шкалина,

доктор культурологии, профессор,
Марийский государственный
университет

И. М. Эрлихсон,

доктор ист. наук,
Рязанский государственный
университет им. С. А. Есенина

КРЫМСКИЕ ТЕКСТЫ В ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЕ И ПОЛИТИКЕ

(вместо предисловия)

Прошедший год во взаимоотношениях Запада и Востока во многом прошел под знаком Крыма: с одной стороны, это было связано с присоединением Крыма к России, с другой, – в русском и зарубежном сознании Крым давно является одним из самых популярных этнокультурных символов. Восьмой выпуск ежегодника, как и предыдущие номера, является тематическим по своему содержанию [4]. Тема нашего очередного ежегодника посвящена т. н. Крымским текстам. В данном случае редколлегия отошла от общепринятого понятия «Крымского текста», которое уже во многом «монополизировали» литературоведы [1; 2]. Концепт «Крымский текст» был впервые обоснован в монографии известного российского и крымского культуролога А. П. Люсого. Этим ученым на основе разработанной в последние годы методологии изучения пространственного фактора в литературе осуществлено конституирование Крымского текста русской литературы (по аналогии с выделенными ранее в филологии Петербургским и Московскими текстами). Именно А. П. Люсый одним из первых предположил, что Крымский текст возник в рамках Таврического мифа, являющегося в свою очередь южным полюсом Петербургского мифа.

Используя концепт «Крымский текст», в тематике и сюжетах представленного ежегодника ему придаются иные смысл и содержание. Под «Крымскими текстами» в нашем случае подразумеваются научные статьи, в которых авторы апробируют результаты своих научных исследований сюжетов из истории Крымского полуострова; статьи крымских авторов – ученых научных институтов и университетов Крыма; а также материалы по истории, литературе и политике, в которых Крым занимает центральное место или является историческим фоном судеб неординарных личностей – писателей, политических и общественных деятелей Запада и Востока.

Рубрику журнала «Статьи и сообщения» открывает статья известного крымского политолога, профессора Севастопольского государственного университета А. А. Ирхина, в которой автор представляет современные методологические аспекты противостояния России и Запада. Эта публикация важна и в том смысле, что открывает для российских ученых уровень политической науки наших крымских коллег

и новые возможности для взаимного сотрудничества. В этом же разделе опубликована статья аспирантки севастопольского профессора – Н. Е. Демешко, посвященная изучению истории применения методов интеграции крымско-татарского этноса в общероссийское пространство на примере одного российского периодического издания XIX века.

Античной истории Крыма посвящена статья доктора философских наук Ю. С. Обидиной; средневековое Крымское ханство представлено в аннотированном переводе работы французского ориенталиста, впервые предпринятого в отечественной историографии ученым Марийского госуниверситета А. Г. Бахтиным. Мемуары современника о Крыме XVIII века опубликованы в приложении к статье словацкого историка М. Даниша, в которой приведены малоизвестные факты из жизни французского посла в Крыму в период русско-турецкой войны - барона Ф. Тотта.

XIX век в истории Крыма также представлен женской историей фрейлины российской императрицы Марфы Стефановны Сабининой; эта статья размещена в разделе «Гендерные исследования в гуманитарных науках», так как написана с учетом современных подходов гендерной истории и фамилистики. Автор проводит анализ сложного пути женщины в истории российской благотворительности.

Особое место в данном выпуске ежегодника отведено теме крымско-татарского населения: это статьи симферопольского ученого Р. Д. Куртсеитова и ученого из Марий Эл К. Н. Санукова. В этих научных исследованиях, основанных на редких архивных и мемуарных материалах, перекликаются истории судеб депортированных в период Великой Отечественной войны в Марийскую АССР представителей коренного населения Крыма.

Документальными иллюстрациями к этим статьям стали впервые опубликованные материалы Государственного архива Республики Марий Эл о спецпоселениях крымских татар и повторная публикация из крымской газеты «Янъы дюнья» на крымско-татарском языке (1994 год) рассказа «Лошадь» Д. Куртсеитова о тяжелых годах изгнания в марийских лесах. Автор рассказа «Лошадь» – Джафер Куртсеитов (10.04.1931 г. – 24.10.1995 г.), родился в многодетной семье ветерана-инвалида первой мировой войны Аблямита Куртсеитова в д. Ени-Сарай Карасубазарского района Крымской АССР, РСФСР. В 13 лет, в мае 1944 года, вместе со всем крымско-татарским народом был выслан из Крыма, семья попала в спецпоселение в Суслонгерский леспромхоз Марийской АССР, где прожила до отмены режима спецпоселений в 1958 году. В связи с запретом возвращения на Родину, Джафер со своими малолетними детьми из Марийской АССР переехал в Казахскую ССР, где успешно трудился в одном из совхозов более тридцати лет и стал одним из лучших виноградарей республики, вырастил шестерых детей. Только через 48 лет, в 1992 году, вернулся в Крым в с. Аргъын (с. Балки) родного района. Один из его сыновей – Р. Д. Куртсеитов, автор публикации данного ежегодника.

Крымский полуостров занимает важное место в истории литературы и культуры России. С ним связаны судьбы и творческая история шедевров М. В. Ломоносова («Тамира и Селим»), А. С. Пушкина («Бахчисарайский фонтан»), Л. Н. Толстого («Севастопольские рассказы»), драматургии и прозы А. П. Чехова («Вишневый сад», «Три сестры»), И. А. Бунина («Жизнь Арсеньева»), А. Грина («Бегущая по волнам», «Алые паруса»), раннего Горького и других. На рубеже XIX–XX веков

Крым стал значимой частью культурной жизни России: волошинский Коктебель (сообщество блистательных поэтов Серебряного века) и чеховская Ялта (Мекка представителей нового реализма). Крымские тексты о писателях А. И. Куприне и И. С. Шмелеве, чьи творчество и судьбы были связаны с Крымом, подготовлены профессором МГИМО, сотрудницей Института славяноведения Российской академии наук – Е. П. Серапионовой и доцентом кафедры филологии и журналистики Марийского госуниверситета И. Г. Чесноковой.

В разделе «Научная хроника и библиография» в этом выпуске размещены рецензии на малодоступные издания, которые будут интересны как историографические источники при изучении истории Крыма, – это коллективный труд «История Крыма» 2015 года издания и книга Е. М. Литвиновой «Царская семья в Крыму», опубликованная в 2014 году. Рецензии, скорее, носят характер аннотаций на книги, имея целью привлечь внимание ученых и молодых исследователей к этим работам.

Кроме крымской тематики, в этом разделе представлена проблематика британских исследований, которые традиционно проводятся на кафедре всеобщей истории Марийского госуниверситета. Это развернутая рецензия на книгу английского автора середины XIX века Фавелл Ли Мортимер «Самые негодные народы Европы», сделанная специалистом по истории викторианской Англии Г. Ф. Горбашовой. Актуальность этой расширенной аннотированной рецензии на книгу английской писательницы придает тот факт, что так называемый «вредный» туристический путеводитель середины XIX века вновь был переиздан в Лондоне. Книга была создана в эпоху, когда Великобритания находилась в зените своей имперской славы и ее жители искренне считали иностранцев беднягами, которым не повезло родиться британцами. Автор трехтомного путеводителя по миру миссис Мортимер за всю жизнь не покидала пределов родной Англии. Свой мир миссис Мортимер придумала за письменным столиком. Во многих случаях наблюдения писательницы сегодня можно назвать откровенным расизмом. «Синдром миссис Мортимер» или этнические стереотипы на бытовом уровне живучи до сих пор, часто они подпитывается телевидением и информацией в Интернете. Но не все потеряно для человечества. То, что книжка миссис Мортимер вызывает, мягко говоря, недоумение – хороший знак.

В разделе «Публикация документов и материалов» впервые опубликованы архивные документы о спецпоселениях крымских татар на территории МАССР, а также размещены воспоминания крымского переселенца Д. Куртсеитова.

Научная хроника Йошкар-Олинского отделения Российского общества интеллектуальной истории включает информацию о проектной деятельности ученых Марий Эл в прошедшем году, а также новостью о создании молодежного сектора отделения – студенческого исторического клуба «Запад – Восток».

1. Батлер О. Ужасный, ужасный мир миссис Мортимер // Независимая газета. 23.11.2007.
2. Горбашова Г. Ф. История повседневности: «мир» человека викторианской эпохи // Запад – Восток: науч.-практ. ежегодник. Йошкар-Ола, 2009. № 2. С. 63–70.

3. Горбашова Г. Ф. Круглый стол «Российское англоведение в XIX – первой четверти XX вв.». Москва, 14 марта 2011 года // Запад – Восток: науч.-практ. ежегодник. Йошкар-Ола, 2012. № 4–5. С. 175–178.
4. Запад – Восток: науч.-практ. ежегодник. 2012. № 4–5. С. 3–4.
5. Крымский текст в русской культуре XVIII–XIX веков: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 года / под ред.: Н. Букс, М. Н. Виrolайнен. СПб., 2008. 250 с.
6. Курьянов С. О. Несколько слов о Крымском тексте // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Т. 27 (66). № 2. С. 171–176.
7. Люсьи А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003.
8. Предисловие // Запад-Восток: науч.-практ. ежегодник. 2008. № 1. С. 3–4.
9. Предисловие // Запад-Восток: науч.-практ. ежегодник. 2009. № 2. С. 3–4.

1. Batler O. Uzhasnyj, uzhasnyj mir missis Mortimer. *Nezavisimaja gazeta*. 23.11.2007.
2. Gorbashova G. F. Istorija povsednevnosti: «mir» cheloveka viktorianskoj jepohi. *Zapad – Vostok: nauch.-prakt. ezhegodnik*. Yoshkar-Ola, 2009, no. 2, pp. 63–70.
3. Gorbashova G. F. Kruglyj stol «Rossijskoe anglovedenie v XIX – pervoj chetverti XX vv.». Moskva, 14 marta 2011 goda. *Zapad – Vostok: nauch.-prakt. ezhegodnik*. Yoshkar-Ola, 2012, no. 4–5, pp. 175–178.
4. Zapad – Vostok: nauch.-prakt. ezhegodnik. 2012, no. 4–5, pp. 3–4.
5. Krymskij tekst v russkoj kul'ture XVIII–XIX vekov: materialy mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 4–6 sentjabrja 2006 goda. Pod red.: N. Buks, M. N. Virolajnen, SPb., 2008. 250 p.
6. Kur'janov S.O. Neskol'ko slov o Krymskom tekste. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. T. 27 (66), no. 2, pp. 171–176.
7. Ljusyj A. P. Krymskij tekst v russkoj literature. SPb.: Aletejja, 2003.
8. Predislovie. *Zapad – Vostok: nauchno-prakticheskij ezhegodnik*. 2008, no. 1, pp. 3–4.
9. Predislovie. *Zapad – Vostok: nauch.-prakt. ezhegodnik*. 2009, no. 2, pp. 3–4.

Г. В. РОКИНА,
главный редактор,
доктор исторических наук, профессор

УДК 94"19/20"

Россия и Запад: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ КОНКУРЕНЦИИ

А. А. Ирхин

*ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия*

Анализируется методологический аспект конкуренции и столкновения России и Запада, в том числе на современном этапе. Рассматриваются Запад и Восток как сложные иерархические системы и исторические примеры противостояния Запада и Востока. Автор приходит к выводам, что существующая модель мировой экономики сильно ограничивает разработку и реализацию самостоятельной российской внешней политики, а также о необходимости поиска геополитического компромисса.

Ключевые слова: Россия, Запад, системный подход, конкуренция, методология, геополитический компромисс.

История взаимоотношений России и Запада полна столкновений. Статистические данные, которые приводит российский исследователь С. Г. Кара-Мурза, потрясают своим устойчивым характером – за 538 лет, прошедших со времени Куликовской битвы и до Брестского мира, Россия провела в войнах 334 года, причем из них 134 года – одновременно с несколькими противниками. Главным направлением был Запад – 36 войн, 288 лет, если суммировать войны с одним противником [2, с. 394]. И это без учета Великой Отечественной войны и последовавшей холодной войны. При этом различного рода столкновения проходили в условиях, когда лидерство на Западе переходило от одного государства к другой державе (Польша, Швеция, Франция, Великобритания, Германия, США), в то же время Россия сохраняла свое положение, оставаясь главным и экзистенциальным противником западной цивилизации.

Данная статья посвящена методологическому аспекту понимания проблем столкновения Запада и России. На этом уровне необходимо определить для начала,

что из себя представляет Запад и что Россия. Каждый из субъектов – это разновидности систем, которые в свою очередь состоят из четырех составляющих – участники внутри системы, связи между ними, время и пространство, в котором существуют субъекты.

Современный Запад (на примере глобальных империй – Великобритании и США) представляет из себя многоуровневые иерархические системы: 1) ядро империи (метрополия), 2) сателлиты (доминионы), 3) колонии (периферия капиталистического мира), 4) враг. Данное видение принадлежит российскому аналитику, полковнику военной разведки Е. Ф. Морозову [3, с. 125].

Американский экономист И. Валлерстайн раскрывает западные империи через глобальную мир-экономику, которая состоит из центра, полупериферии и периферии.

При этом Запад представляет собой относительно открытую систему, стремящуюся к постоянной экспансии, что мотивируется капиталистическим характером экономики. Развитие последней постоянно нуждается в расширении рынков сбыта и рынков сырья.

Россия как система представляет обратную, чем Запад, модель развития. Российская империя – это сухопутный имперский организм, состоящий из центра и имперских окраин. Такие имперские организмы – от Византии до СССР – имеют общие законы развития и функционирования: отсутствие национальной ассимиляции в качестве методов достижения этнической монолитности, приоритет идейной составляющей развития перед материальной (что свойственно западным империям), высокая степень консолидации власти и авторитаризм и так далее. Имперские окраины в восточных империях были наиболее развиты, и Запад в течение веков пытался через них разрушить ядро своего конкурента [1, с. 19].

Успешная конкуренция с западной системой возможна на всех ее уровнях системного взаимодействия.

Враг является необходимым элементом данной четырехуровневой системы. Отсутствие последнего элемента делает невозможным ее мобилизацию и сохранение военного превосходства.

Современный Запад имеет два ядра и включает США и Западную Европу (Великобритания, Германия и Франция), однако, безусловным лидером является Вашингтон. В качестве союзников (доминионов) можно выделить: страны Балтии, Польшу, остальную Восточную Европу и часть центральной и южной Европы, исключая Германию, все доминионы Британского содружества, самые крупные из которых Австралия и Канада; Израиль, современную Грузию, Иран (до 1979 года), Турцию (до 2008 года), монархии Персидского залива, Японию, Южную Корею, Россию (с 2003 до 2007–2008 гг.).

Колониями являются все страны современной экономической периферии, которые поставляют в центр Западной империи исключительно сырье, а вывозят продукцию с высокой добавленной стоимостью: страны Латинской Америки, страны постсоветского пространства, исключая Россию и страны Балтии, Ближний и Средний Восток, кроме указанных сателлитов – США, Индия, Китай (до середины XX века), Россия (до 1917 года, с 1991 по 2003) и другие.

Враг – экзистенциальная необходимая составляющая системы. Один из вечных законов существования империй – под любой из них должна струться

кровь. Место врага поочередно занимали Россия, Китай, Япония, Германия, СССР. После окончания холодной войны конкретного государства-носителя угрозы не оказывается. Тогда Запад объявляет угрозой международный терроризм. В качестве врага терроризм является нефункциональным объектом. По своей сути терроризм – это тактика борьбы за политические и экономические ресурсы, поэтому уже к середине первого десятилетия 2000-х годов необходимым условием сохранения американского мира (*Pax Americana*) стало появление нового врага. Идеальными претендентами являются Россия и Китай. В отношении обеих держав США реализуют механизмы военно-политического сдерживания. Однако элита Москвы и Пекина не готова и не имеет желания принять на себя роль врага глобальной империи. Современные Москва и Пекин гораздо более зависимые и поэтому более слабые противники США, чем Китай Мао и СССР Сталина.

При этом сама Россия после поражения в холодной войне и распада СССР прошла путь от западного доминиона, через колонию к образу врага в имперской системе *Pax Americana*.

Наиболее уязвимой составляющей любой системы является система связей между ее элементами. В качестве последней в американской глобальной империи выступают: 1) финансовая долларовая система; 2) глобальная система экономического разделения труда; 3) система военно-политических союзов; 4) система военных и военно-морских баз США и других стран НАТО; 5) система экономических связей и технологических цепочек, 6) система культурных и, шире, цивилизационных связей; 7) стратегические водные коммуникации, которые позволяют поддерживать военное и торгово-экономическое лидерство американской глобальной империи, глобальные СМИ.

Вторым по уязвимости элементом является система колоний. Известным историческим фактом было стремление Франции и России ударить по английскому могуществу в Индии, которая составляла четверть богатства Великобритании. В современном мире неоколониальных отношений колониями являются государства экономической периферии в системе, приведенной И. Валлерстайном. При всей видимости свободы экономического выбора у них сильно ограничена возможность всякого экономического и геополитического маневра, поэтому борьба за доступ к ресурсам (к современным колониям), который усиливает центр империй, имеет следующее после разрушения системы связей значение.

Прямое военное столкновение с ядром глобальной империи в настоящее время бессмысленно вследствие технологической отсталости, однако, возможно применение методов скрытой (партизанской) наступательной войны.

Исторический опыт противостояния Запада и России показывает две методологические модели, когда Москва безапелляционно выигрывала в этой конкуренции: модель императрицы Екатерины II и Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина.

В период развития капитализма Российская империя в экономическом разделении труда была периферией Запада, но при этом Екатерина II решила три внешнеполитические задачи: возвращение украинских и белорусских земель, закрепление России на Черноморском побережье (Крым, Кубань) и на прибалтийских берегах (современные страны Балтии). Ее успех объясняется, кроме прочего, и тем,

что в течение долгого времени – с 1688 по 1815 годы – Британия и Франция постоянно воевали между собой преимущественно за пределами Европы (разброс фронтов был от Западного полушария до Юго-Восточной Азии). Они боролись за статус мировой державы номер один, который оставила за собой Британия. Континентальными же вопросами были заняты Пруссия, Австрия и Россия, именно они делили Польшу. Затем конкуренция переместилась в Европу, и Россия сформировала Венскую систему международных отношений, которая просуществовала до Крымской войны.

Модель Екатерины II показывает, что Россия может успешно противостоять Западу, будучи его экономической периферией, и возвращать русские земли при условии, что Запад разобщен, а наибольший эффект достигается, когда он занят внутренними конфликтами между ведущими державами западной цивилизации, как во время «длинного восемнадцатого столетия». История наполнена подтверждающими примерами этой модели и после времени Екатерины II, но «прорыв» в продвижении российских интересов в периферийном положении российской экономики произошел именно при великой императрице. На методологическом уровне в этой модели система связей, союзов и колоний была заорганизована внутренними конфликтами.

Модель И. В. Сталина предполагала проектную автаркию (экономическую, военно-политическую, технологическую, культурно-духовную) и, как следствие, большую возможность в реализации своих интересов в независимости, или, по крайней мере, в меньшей зависимости от силы или слабости Запада.

При современной существующей экономической модели развития Россия показала свою неготовность противостоять Западу. Вследствие экономического давления США и ЕС российская экономика вошла в острую стадию структурного экономического кризиса. Дальнейшее давление западной цивилизации приведет государство уже к системным проблемам не только экономического, но и социально-политического характера, что при дальнейшем внешнем воздействии поставит вопрос о целостности России.

Ввиду указанного понимание сути структурного и системного кризисов является краеугольным. Системный кризис – это всеобъемлющий кризис совокупности элементов и связей между ними во времени и пространстве. Структурный кризис – это кризис совокупности элементов и связей между ними в пространстве. Таким образом, у России в условиях структурного кризиса экономики есть время для того, чтобы провести изменения и избежать системного кризиса и его последствий.

Если подходить к итогам 2014–2015 годов с точки зрения реальной политики, то Москва оказалась в следующих условиях:

1. Россия продемонстрировала частичность своего суверенитета, по крайней мере, в экономической сфере, за счет прямой зависимости в кредитно-денежной системе от ФРС США.

2. Россия оказалась в ситуации, когда она не может проводить самостоятельную внешнюю политику, противоречащую интересам Запада, без негативных последствий для себя.

3. Российская экономика показала свою уязвимость, а концепция «энергетической империи» показала свой логический конец (цены на энергоресурсы формируются в США и для США).

Российская элита продолжала все это время искать компромисс с Западом, которому сама и объявила войну. Именно таким образом в США была расценена попытка Москвы переиграть американцев на территории Украины.

В существующих экономических реалиях Россия играет с Западом в западную игру по западным правилам и на западном поле. На системном уровне победа в таких условиях является в принципе недостижимой. Если только сама система мировой экономики не рухнула бы под давлением различных обстоятельств внешнего и внутреннего порядка. Возможно, на это делался расчет, однако, он не оправдался. В 2013 году американские конгрессмены и президент с большим трудом приняли бюджет на 2014 год, а в мировой финансовый мир вошел термин «финансовый обрыв США».

В стратегической культуре российской и даже советской элиты есть несколько элементов, которые не позволяли выигрывать конкуренцию у англосаксов. Один из них – это недооценка возможностей своего противника. В американской культуре существует обратная традиция – они предпочитают переоценивать своих конкурентов, что имеет и практический смысл в виде бюджетных ассигнований.

Кроме естественных преимуществ, которые позволяют Западу уже 500 лет выстраивать под себя мировой порядок (рента с открытия Нового Света и принципы морской стратегии, которые в 2,4 раза эффективнее сухопутной), США создали систему, которая позволяет им переманивать лучшие мозговые ресурсы мира, в том числе и российские, которые затем после переезда в США работают на поддержание модели *Rax Americana*. На протяжении всей холодной войны и в настоящее время Вашингтон всегда задавал темп и правила противостояния, таким образом навязывая советской и российской системе рамки, правила и ресурсы для конкуренции, изматывая российскую (советскую) систему. При этом ресурсная база всегда была на их стороне. Исключением может являться Карибский кризис 1962 года, когда Москва создала точку напряжения в Западном полушарии, а затем обменяла свои позиции на американские в Турции [4, с. 18–19].

Интересным исследовательским наблюдением является и тот факт, что системный подход был открыт в США в конце 1930-х гг., а работы по системному анализу также появились в США уже в 1950-х в корпорации РЭНД. Последняя является ведущим мозговым центром, обслуживающим интересы ВВС США. Советская наука быстро осваивала американские достижения. Данные работы переводились и тщательно изучались советскими учеными, многие из которых впоследствии выехали в США и пополнили американские «фабрики мысли».

Исходя из логики системного подхода и системного анализа, а последний в американском понимании является научной дисциплиной анализа систем, который позволяет выбрать оптимальное решение сложных проблем в условиях неопределенности, Вашингтон создал систему (несколько центров, связанных между собой во времени и пространстве единой целью и координирующим центром) дальнейшего наступления на российские позиции, как по периферии российских границ, так и в самой России. Цель нового «крестового похода» – переход российского структурного кризиса в системный.

С начала 2000-х годов экономическая и державная мощь РФ обеспечивалась за счет мирового роста цен на энергетическое сырье и повышения уровня государственного контроля над процессом добычи и сбыта углеводородов. Пока цены

на мировых, а читать – американских, рынках росли, росли и экономические и внешнеполитические возможности России. Необходимо отдать должное В. В. Путину, который обеспечил максимально возможные рамки развития государства в этой системе, но происхождение последней не являлось российским, и, как показали манипуляции по снижению цен на нефть и обрушение рубля, РФ не имеет никаких возможностей влиять на нее. США построили мировую экономическую и политическую систему, когда все страны и державы второго и третьего плана платят налог на поддержание американского мира Pax Americana. Этот налог формируется из простых и понятных потоков: в США формируются цены на всю экспортную продукцию всех стран, мировая торговля ведется в долларах США, США обладают самыми мощными военными технологиями для поддержания такого экономического порядка.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, процессы формирования новой системы международных отношений проходят в условиях доминирования ведущих держав западной цивилизации, которые на протяжении последних нескольких столетий успешно выигрывают конкуренцию в борьбе за ресурсы в самом широком понимании данного термина (от человеческих и информационных до углеводородных). Запад интегрирует своих «партнеров» в свой мировой порядок, создаваемый ими исключительно под себя, используя военные, экономические, информационные, культурные и элитные технологии периферизации своих конкурентов.

Во-вторых, на методологическом уровне Запад, оперируя морской стратегией в противостоянии с Россией, имеет преимущество в 2,4 раза, что отражается на качестве решений и темпе конкуренции. Следовательно, для эффективного противостояния российская элита должна принимать решения в 2,4 раза более эффективные, чем западные конкуренты, чтобы только уравнивать позиции геополитического преимущества.

В-третьих, успешное российское противостояние созданной американской системе в условиях, когда Москва является подсистемой американской экономики, невозможно. Выбора только два – либо искать геополитический компромисс, который будет американским, либо менять экономическую систему развития, которая не должна быть в будущем подсистемой американской глобальной экономики.

1. *Ирхин А. А.* Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь, 2011.
2. *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. М., 2008.
3. *Морозов Е. Ф.* Геополитика Евразии и будущее России // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: материалы международного научного симпозиума. Симферополь, 1996.
4. *Переслегин С. Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.; СПб., 2005.

1. Irkhin A. A. Geopoliticheskie tsikly Evrazii i natsional'nye interesy Ukrainy. Sevastopol', 2011.
2. Kara-Murza S. G. Demontazh naroda. M., 2008.

3. Morozov E. F. Geopolitika Evrazii i budushchee Rossii. *Krymskaya (Yaltinskaya) konferentsiya 1945 goda: uroki i perspektivy: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*. Simferopol', 1996.

4. Pereslegin S. B. Samouchitel' igry na mirovoi shakhmatnoi doske. M.; SPb., 2005.

**RUSSIA AND THE WEST:
METHODOLOGICAL ASPECT OF COMPETITION**

A. A. Irhin

*Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*

The article analyses the methodological aspect of competition between Russia and the West, including the modern period. Russia and the West are viewed in their confrontation as complex hierarchical systems. The author concludes that the current global economy model significantly limits the development and the implementation of the independent Russian foreign policy. The article also suggests the necessity to find geopolitical compromise.

Keywords: Russia, the West, system approach competition, methodology geopolitical compromise.

Об авторе:

Ирхин Александр Александрович, доктор политических наук, профессор, Севастопольский государственный университет, Севастополь, alex.irhin@mail.ru

About the author:

Irhin Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Full Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, alex.irhin@mail.ru

УДК 03.09.23

**ТАВРЫ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ:
«ИФИГЕНИЯ ТАВРИЧЕСКАЯ» КАК ОБРАЗ
В МИФЕ И МИФОЛОГИЧНОСТЬ ОБРАЗА**

Ю. С. Обидина

*ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия*

Рассматривается миф об Ифигении как пример взаимоотношений между греками и племенами, населявшими Причерноморье до эпохи греческой колонизации. Показано, что образ тавров как образ «врага» сложился не только под влиянием взаимоотношений греков с местными племенами, но и как результат развития мифологемы от мифологической архаики к классической греческой мифологии.

Ключевые слова: миф, Причерноморье, тавры, Ифигения, Еврипид, колонизация.

История и культура древнего Причерноморья, быт и нравы населявшего эту территорию народов нашли отражение в древнегреческой мифологии. Реальные исторические данные весьма причудливо сочетаются с пластичностью греческого художественного слова. Специфика источников, а это в первую очередь эпос и мифы, не представляют возможности провести четкую историческую реконструкцию Причерноморья догреческого периода. Тем не менее отражение образа жизни тавров, их обычаев и верований в мифологии говорит о том, что эти народности сыграли важную роль в жизни материковой Греции, поскольку способствовали формированию мифологем и мифогенных конструктов.

Пожалуй, самыми яркими примерами подобного рода конструктов могут стать миф об Ифигении, включенный в «Илиаду» Гомера, «Аргонавтика» и драма «Ифигения в Тавриде» Еврипида.

Говоря об образе тавров, необходимо оговориться, что следует различать образ в мифе и мифологичность образа. Дело в том, что «образ тавров» в античных источниках – это всегда классический «образ врага». Мифологичность же образа говорит о скрытых интенциях, которые не всегда лежат на поверхности.

Наиболее яркими мифами, в которых тавры предстают в соответствующем образе врага, являются «Аргонавтика» и миф об Ифигении в Тавриде, изложенный Еврипидом в одноименной драме. Миф об аргонавтах, как и миф об Ифигении в Тавриде, имеет одно связующее звено – отсутствие шансов для греков вернуться из чужих краев обратно на родину.

К этому же роду представлений можно отнести миф о Сцилле и Харибде, описанный у Гомера (Гомер. Одиссея. XII, 85–100; 245–259). Сцилла и Харибда – это сталкивающиеся скалы, которые не дают путешественникам возможности попасть из Средиземного моря в Черное. При этом данный миф имеет под собой реальную основу. Дело в том, что в Боспорском проливе существовало два течения, направленных в противоположные стороны. Неслучайно греки называли Черное море негостеприимным – Понтос Аксейнос. Одно из этих течений не позволяло греческим судам пройти через Босфор в Черное море.

К этому же кругу мифологических представлений можно отнести и представления о Киммерии. В «Одиссее» Гомера Киммерия изображена как «грустная область, покрытая вечно влажным туманом и тучами» (Гомер, Од., XI). Здесь также прослеживаются представления о Боспоре Киммерийском как о местности негостеприимной и о трудностях и невозвратности пути туда.

По всей вероятности, киммерийцы стали общим нарицательным названием варварского населения Причерноморья. Сюда же, видимо, можно отнести и племя тавров, населявшее Крымский полуостров [3, с. 28; 12].

Миф об Ифигении также содержится у Гомера в «Илиаде» (Гомер. Илиада, IX), но, в отличие от мифа о Сцилле и Харибде, имеет самостоятельное значение в культурных представлениях понтийских греков. Этот миф, пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует проблему взаимоотношений балканских греков с варварской периферией в тот период времени, когда данная проблема еще окончательно не получила своего теоретического обоснования (существует точка зрения, что противопоставление греков и варваров как своих и чужих сложилось только со времен Греко-персидских войн) [10, pp. 24–28]. Окончательно миф об Ифигении сложился в Греции в VII–VI вв. до н. э., а наиболее ранний его вариант был зафиксирован в «Киприях» – эпической поэме начала VII в. до н. э., посвященной предыстории Троянской войны. Миф повествует о том, что во время сбора греческих кораблей в беотийской гавани Агамемнон убил лань Артемиды. Разгневанная богиня наслала на флот северный ветер, который не только мешал кораблям отплыть к Трое, но и крушил корабли в самой гавани. Артемида потребовала себе в жертву Ифигению, дочь Агамемнона. Девушку вызвали из Аргоса под предлогом бракосочетания с Ахиллом и закололи на алтаре Артемиды. Однако богиня спасла девушку от жертвенного ножа, перенесла Ифигению в далекую Тавриду (нынешний Крым), где Ифигения стала жрицей в ее храме (Еврипид. Ифигения в Тавриде, 6–30; 210–220, 358–377; 783–786).

В этой форме миф распространился не только в Элладе, но и далеко за ее пределами. Геродот, сообщая о существующем у скифов в Тавриде культе богини Девы (местный эквивалент греческой Артемиды), добавляет, что они называют эту богиню Ифигенией, дочерью Агамемнона (Геродот, IV, 103).

Кроме того, наряду с мифом, в Аттике также существовал культ Ифигении – жрицы Артемиды. Причем здесь влияние скорее обратное – вернувшаяся на родину Ифигения становится жрицей, но в ее храме уже не приносятся человеческие жертвы. Налицо противопоставление «цивилизованного» мира греков «варварской» периферии Причерноморья.

Данные культа и мифа впервые объединил, по-видимому, Софокл в своей не дошедшей до нас трагедии «Хрис»: когда Орест, мстя за Агамемнона, убил свою

мать Клитемнестру, Аполлон приказал ему отправиться в Тавриду, где по приказу местного царя в жертву Артемиде приносили всех попавших в эти края греков (Еврипид, Ифигения в Тавриде, 31–39), похитить там деревянную статую Артемиды и привезти ее в Элладу (Еврипид, Ифигения в Тавриде, 82–92; 972–982) [16, с. 578].

Таким образом, в мифе об Ифигении отразились напластования различных периодов общественного сознания: Артемида первоначально – зооморфная богиня, почитаемая в виде медведицы или лани, со временем она становится покровительницей этих животных и мстит человеку за их убийство. Человеческое жертвоприношение со временем начинает считаться непростительной жестокостью, поэтому Ифигения не погибает у жертвенного алтаря, а обычай приносить в жертву людей приписывается «варварам» (ст. 380–390), из чьих рук Орест и должен спасти изображение богини, оскверняемое пролитием человеческой крови [16, с. 571]. На этот мифологический контекст накладывается и историческая реальность, которая проявлялась во взаимоотношении балканских греков с причерноморскими соседями.

В середине V в. до н. э. состоялось путешествие к берегам Скифии Геродота, и античная традиция дополнилась новыми свидетельствами касательно повседневной жизни тавров. В своей «Истории» он подробно описал и Великую Скифию, и поход Дария на скифов, и самих тавров, и их религиозные верования [6].

Миф об Ифигении находит свое отражение и у Павсания в его «Описании Эллады» [14]. Причем, несмотря на прошедшие столетия, мифологические образы отнюдь не перестали представлять из себя образы «вражеские». В частности, ссылаясь на Гесиода и Геродота, Павсаний пишет: «... Я знаю, что, по словам Гесиода в “Каталоге женщин”, Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой». Согласно этому Геродот пишет, что тавры, живущие в соседстве со Скифией, приносят потерпевших кораблекрушение в жертву деве и эту деву называют Ифигенией, дочерью Агамемнона (Павсаний. Описание Эллады. I, 43, 1).

О том, что Ифигении было даровано Артемидой бессмертие, сообщает и Аполлодор (Apollo. Epit. III, 21–22). По сути Ифигения становится самой ипостасью богини [15, с. 90].

Интересна трансформация образа Ифигении при переносе с балканской Греции на полуостров и обратно. При этом образ девушки, жертвующей собой ради общего дела, заменяется образом страшной старухи-колдуньи, жительницы подземного мира и приносящей живым исключительный вред. То есть мы видим удивительную трансформацию мифологического образа, который оказывается под воздействием представлений о народе, населявшем Причерноморье. Стоило же Ифигении вернуться на родину, как ее жестокость вмиг улегучилась, и она становится защитницей и покровительницей, а не разрушительницей и губительницей.

Сама возможность такой трансформации указывает на то обстоятельство, что греки познакомились с северным берегом Черного моря задолго до того, как стали выводить туда свои многочисленные колонии. Возможно, первоначально это была «разведка боем», и впечатления о местных природных условиях и жителях наложило свою негативную окраску. Затем греки решаются на создание в Причерноморье временных торговых факторий. И лишь впоследствии дело дошло до основания здесь постоянных поселений-колоний.

Видимо, во время этих процессов произошла и эволюция в наименовании Черного моря от Понта Аксинского – Негостеприимного моря – до Понта Эвксинского – Моря Гостеприимного.

Исторические коннотации можно обнаружить и в процессе возвращения Ифигении на родину. Дело в том, что с заселением греками Причерноморья совпадает «начало знаменательного периода в истории Эллады, который часто называют то “греческим чудом”, то духовной революцией или культурным переворотом» [9, с. 28].

Рассказы древних авторов о таврах впечатляют своей красочностью и кровавостью. Геродот, Еврипид, Аполлодор и Овидий свидетельствуют о том, что «если кто-либо из воинов-тавров захватывал пленника, то собственноручно обезглавливал его, нес голову домой и сажал ее на длинный шест над дымоходом, чтобы его домашние могли жить под защитой убитого. Более того, любой потерпевший кораблекрушение или укrywшийся в бурю у их берегов моряк приносился публично в жертву Артемиде Таврической. Совершая подготовительные обряды, они убивали пленника дубиной, отрубленную голову прибавляли к столбу, а тело или погребали, или бросали в море со скалы, на которой стоял храм Артемиды. Если же в их руки попадал пленник, принадлежавший к царскому роду, то его убивала мечом девственница – жрица богини, и швыряла труп в священный огонь, пробивавшийся наверх из Аида на принадлежавшем храму участке» (см.: Геродот IV. 103; Овидий. Письма с Понта III. 2. 45 и сл.; Аполлодор. Мифолог. библиотека, VI. 26; Еврипид. Ифигения в Тавриде, 40 сл., 88). Но у того же Геродота мы встречаем оговорку, что «Некоторые, правда, утверждают, что эта жрица руководит обрядами, предварительно приносит очистительную жертву и срезает волосы у жертвы, но не убивает самого пленника» (Геродот, IV. 105).

Образ Ифигении как никакой другой образ имеет коннотации со многими аспектами древнегреческой реальности. Уже в древности Ифигения рассматривалась не только как жрица Артемиды, но и как руководительница обряда жертвоприношения, колдунья и жестокая мстительница, другими словами, ее образ был хорошо адаптирован для переноса из материковой Греции в Причерноморье и наоборот. В этом образе заключается множество метафор, которые позволяют говорить о взаимоотношениях эллинов и варварской периферии не только в области мореплавания, торговли, но и в области культурных и религиозных представлений.

Причем в разные периоды истории образ Ифигении трактовался в фокусе социокультурных запросов эпохи, и Ифигения не всегда была в центре внимания мифа. В римское время на первый план в мифе выходила, например, тесная дружба Ореста и Пилада, особенно стремление каждого умереть вместо другого. Именно взаимная преданность двух друзей находит отражение и получает развитие в творчестве Цицерона, Овидия, Марциала, а Лукиан возводит их в ранг легендарных героев среди скифов, которые приносят им жертвы в храмах. Эти примеры говорят не только о смещении акцентов среди персонажей, но также о миграции мифа в новые жанры, такие как ораторское искусство, элегия и философский диалог [17, p. 121].

Отдельно следует сказать несколько слов и о самой трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Текст Еврипида был найден в XIV в. и опубликован Альдом

Мануцием в 1503 году. Именно он во многом послужил образцом для воссоздания классической греческой драмы. При этом в эпоху Возрождения сюжет Еврипида разыгрывается в христианских реалиях. Ифигении отведена роль благочестивой монахини, а Оресту – образ святого самопожертвования [17, p. 121].

Но не следует забывать, что «Ифигения в Тавриде» – это в первую очередь «черноморская» трагедия Еврипида, поэтому несомненна трансцендентная значимость образа Ифигении. Она по сути является уникальной героиней в греческом театре. Таврическая Ифигения выходит на первый план, когда появляются социокультурные причины для объяснения роли и места женщины в истории и даже для насаждения европоцентристских настроений.

Таким образом, эта драма Еврипида впитала в себя не только и не столько исторические реалии, и даже не приписываемые мифологемами социально значимые поступки и нормы. Неслучайно еще Аристотель считал характер Ифигении непоследовательным, так как «горюющая Ифигения нисколько не походит на ту, которая является впоследствии» (Аристотель. Поэтика, гл. V).

Ифигения становится олицетворением человечности, тем образом, который позволяет говорить о созидательной силе цивилизации и ее победе над варварством. При этом ей удастся не просто остаться при этом в живых, но и вернуться на родину, что крайне важно для законченности мифологического образа.

Кроме того, Ифигения представляет собой этиологический образ, который связывает северное побережье Черного моря с важными культовыми местами в Аттике, что сложно проследить исторически за неимением убедительных свидетельств источников. Это означает, что существовало не только экономическое, но и двустороннее этническое и культурное взаимодействие между метрополией и варварской периферией, и в этой области значений дихотомия «свой – чужой» не всегда являлась преобладающей.

Таким образом, в своей трагедии Еврипид представил миф об Ифигении как иллюстрацию исторической и культовой общности Балканской Греции и Причерноморья. Подводя итог, можно сказать, что образы античной мифологии самым причудливым образом переплетаются с историческими реалиями, которые, за редким исключением, мы можем выявлять лишь опосредованно. Поскольку античный период в Крыму начинается примерно с VI в. до н. э., то есть во время появления первых греческих городов на территории полуострова, практически всю предысторию данного периода мы вынуждены восстанавливать по данным античных авторов, которые питали к жителям Тавриды совсем не дружеские чувства. Тем не менее в мифологии греков, тавров, скифов и других народов Северного Причерноморья эта предыстория представляет единый процесс, который лег в основу последующей европейской цивилизации.

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер., ст. и прим. В. Г. Боруховича. Л., 1972.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 1064–1112.
3. Белов Г. Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Л., 1948.
4. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича; изд. подг. А. И. Зайцев. М., 1990.

5. Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковского; под ред. И. М. Тронского. М., 1985.
6. Геродот. История в 9 книгах / пер. Г. А. Стратоновского. Л., 1972.
7. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / пер. с англ. К. П. Лукьяненко; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. М., 1992.
8. Еврипид. Трагедии: в 2 т. Т. 1 / пер. И. Анненского. М., 1999.
9. Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004.
10. Обидина Ю. С. Восток-Запад: проблемы диалога и конфронтации греков и варваров // *Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji Wschodnie partnerstwo – 2013. Vol. 10. Politologija. Przemysł*, 2013. P. 24–28.
11. Обидина Ю. С. Женские образы в комедиях Аристофана: источниковедческая перспектива и воображаемый реализм // *Запад-Восток: научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола*, 2014. № 7. С. 119–125.
12. Обидина Ю. С. Представление о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар-Ола, 2007. Гл. 1.
13. Овидий. Скорбные Элегии. Письма с Понта / пер. С. Шервинский, Н. Вольпин, З. Морозкина, С. Ошеров, М. Гаспаров, А. Парин. М., 1978.
14. Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. / пер. С. П. Кондратьева. М., 1994.
15. Селиванова Л. Л. Сравнительная мифология. М., 2003.
16. Ярхо В. Н. Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии // Еврипид. Трагедии: в 2 т. Т. 1 / пер. И. Анненского. М., 1999. С. 567–590.
17. Edith Hall. *Adventures with Iphigenia in Tauris: A Cultural History of Euripides' Black Sea Tragedy*. Onassis Series in Hellenic Culture. Oxford; New York, 2013.

1. Apollodor. *Mifologicheskaya biblioteka*. Per., st. i prim. V. G. Borukhovicha, L., 1972.
2. Aristotel'. *Poetika. Aristotel'. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii*. Minsk, 1998, pp. 1064–1112.
3. Belov G. D. *Khersones Tavricheskii: istoriko-arkheologicheskii ocherk*. L., 1948.
4. Gomer. *Iliada*. Per. N. I. Gnedicha; izd. podg. A. I. Zaitsev. M., 1990.
5. Gomer. *Odisseya*. Per. V. A. Zhukovskogo; pod red. I. M. Tronskogo. M., 1985.
6. Gerodot. *Istoriya v 9 knigakh*. Per. G. A. Stratonovskogo. L., 1972.
7. Greivs R. *Mify Drevnei Gretsii*. Per. s angl. K. P. Luk'yanenko; pod red. i s poslesl. A. A. Takho-Godi. M., 1992.
8. Evripid. *Tragedii: v 2 t. T. 1*. Per. I. Annenskogo. M., 1999.
9. Zubar' V. M., Rusyaeva A. S. *Na beregakh Bospora Kimmeriiskogo*. Kiev, 2004.
10. Obidina Yu. S. *Vostok-Zapad: problemy dialoga i konfrontatsii grekov i varvarov. Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji Wschodnie partnerstwo – 2013. Vol. 10. Politologija, Przemysł*, 2013, pp. 24–28.
11. Obidina Ju. S. *Zhenskie obrazy v komedijah Aristofana: istochnikovedcheskaja perspektiva i voobrazhaemyj realism. Zapad – Vostok: nauchno-prakticheskij ezhegodnik*. Joshkar-Ola, 2014. no. 7, pp. 119–125.
12. Obidina Ju. S. *Predstavlenie o bessmertii dushi v kul'ture drevnej Grecii: stanovlenie, jevoljucija, transformacija v hristianskoe voskresenie*. Joshkar-Ola, 2007. Gl. 1.
13. Ovidii. *Skorbnye Elegii. Pis'ma s Ponta*. Per. S. Shervinskii, N. Vol'pin, Z. Morozkina, S. Osherov, M. Gasparov, A. Parin. M., 1978.
14. Pavsanii. *Opisanie Ellady: v 2 t*. Per. S. P. Kondrat'eva. M., 1994.
15. Selivanova L. L. *Sravnitel'naya mifologiya*. M., 2003.

16. Yarkho V. N. Dramaturgiya Evripida i konets antichnoi geroicheskoi tragedii. *Evripid. Tragedii: v 2 t. T. I.* Per. I. Annenskogo. M., 1999, pp. 567–590.

17. Edith Hall. Adventures with Iphigenia in Tauris: A Cultural History of Euripides' Black Sea Tragedy. Onassis Series in Hellenic Culture, Oxford; New York, 2013.

**TAURI IN GREEK MYTHOLOGY:
“TAURIS IPHIGENIA” AS AN IMAGE
OF THE MYTH AND THE MYTHOLOGICAL IMAGE**

Yu. S. Obidina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

The article deals with the myth of Iphigenia as an example of the relationship between the Greeks and the tribes inhabiting the Black Sea region before the era of the Greek colonization. It is shown that the image of taurus as the image of the “enemy” was formed not only under the influence of the Greek relations with local tribes, but also as a result of the development the myth from mythological archaic to classical Greek mythology.

Keywords: myth, the Black Sea region, tauri, Iphigenia, Euripides, colonization.

Об авторе:

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, basiley@mail.ru

About the author:

Obidina Yuliya Sergeevna, Doctor of Philosophy, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, basiley@mail.ru

УДК 94(4)"15/19"

**ФРАНЦУЗСКИЙ ОРИЕНТАЛИСТ ЛУИ-МАТЬЁ ЛАНГЛЕ
О КРЫМСКИХ ХАНАХ XV–XVI ВЕКОВ**

А. Г. Бахтин

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия

Дается аннотированный перевод статьи ориенталиста Луи-Матьё Лангле «*Langlès L. M. Notice chronologique des Khans de Crimée*», опубликованной в 1802 г. в Париже на французском языке. Луи-Матьё Лангле на основе трех турецко-крымских рукописей XVII–XVIII вв. представляет краткое изложение истории зарождения и существования Кипчакского царства (Золотой Орды) начиная с Чингизхана, с последующим переходом к истории Крымского ханства. Для того времени это был несомненный шаг в изучении средневековых татарских государств и расширении источниковой базы. Труд Л.-М. Лангле написан на основе сочинений Абдуллы б. Ризвана «Летопись Дешт-и Кыпчака», Хаджи Хальфа «Упорядочение истории» и Абд ал-Гаффара Кырими «Краткое историческое изложение о крымских ханах». Кроме указанных восточных источников Л. М. Лангле пользовался историко-географическими сведениями из различных сочинений современников. В сочинении приведен краткий пересказ с французского истории правления ханов Золотой Орды и Крымского ханства, начиная с Чингизхана и до Шагин-Гирея. Сделан вывод о том, что все ханы вели ожесточенную борьбу за власть. Статья Лангле опубликована более 100 лет назад и ограничена кругом использованных источников, до сих пор нет перевода статьи на русский язык. На сегодня в вопросе изучения истории Крыма наука продвинулась далеко вперед, поэтому в публикации даются уточнения и интерпретации, известные из трудов более позднего периода, что не умаляет значения сочинения французского историка.

Ключевые слова: востоковедение, письменные источники, Золотая Орда, Кипчакия, Крымское ханство, Османская империя, ханы, царевичи, борьба за власть, Россия.

В конце XVIII века внимание европейской общественности и политиков было приковано к событиям на востоке Европы. Там происходили столкновения стремительно набирающей силу России и слабеющей, но все еще сохраняющей немалый потенциал Османской империи. Следствием Русско-турецких войн в эпоху императрицы Екатерины II произошел переход бывшего вассала Турции Крымского ханства в состав России. Этим завершился процесс гибели осколков Золотой Орды и объединение их под властью России. К этому времени Казанское, Астраханское, Сибирское, Касимовское, Казахское ханства, земли Большой и Ногайской Орды уже находились в подчинении России. Столь замечательное событие,

как завершение существования Крымского ханства не могло быть обойдено вниманием ученых мужей Европы. Жан де Люк, Иоганн Тунманн, Клод Шарль Пейсонель и другие европейские путешественники писали о Крыме в XVII–XVIII веках. Не оставил без внимания историю Крыма и Луи-Матьё Лангле.

Французский академик, востоковед, лингвист, переводчик и библиотекарь Луи-Матьё Лангле (фр. Louis-Mathieu Langlais) родился 23.08.1763 г. в г. Перен (Уаза). Почетный иностранный член Российской академии наук с 11.02.1818 г. Умер 28.01.1824 г. в Париже. Он много путешествовал, исследовал и публиковался. В приложении к сочинению «Путешествие из Бенгалии в Петербург» он поместил пространную работу «Хронологическая заметка о крымских ханах» по истории Крыма, крымских ханов и Половецких (Кипчакских) степей, известных позднее как Южнорусских. Особо ценно, что автор поставил целью ввести в оборот до него не известные или малоизвестные восточные источники.

Сочинение не осталось незамеченным отечественными исследователями. Для начала XIX в. это было очень значимое, актуальное историческое сочинение, не потерявшее, впрочем, своего значения по сей день. В. Д. Смирнов (1846–1922) в своей монографии «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» ссылается на статью Луи-Матьё Лангле «Хронологическая заметка о крымских ханах» 1802 г. [10, с. 325–492], использовавшего, как он пишет, три турецких и персидских рукописи [6, с. 31]. В статье французского историка имеются весьма интересные сведения не только по истории Крымского ханства, но и Восточной Европы в целом. Л.-М. Лангле был совершенно прав, когда писал, что для европейских историков история Крыма и прилегающих территорий представляла собой белое пятно [10, с. 327]. Источниками для Л.-М. Лангле послужили три рукописи, о которых он сам же и пишет.

Первое сочинение принадлежит османскому автору XVII в. Абдулле б. Ризвану, известному как Абди. Называется оно «Летопись Дешт-и Кыпчака» и закончено в 1638 году [2, с. 83]. «Летопись Дешт-и Кыпчака» исследована и опубликована на французском и турецком языках историком Ананияшом Зайончковским (1903–1970) по французскому переводу XVIII в., хранящемуся в Парижской национальной библиотеке, и списку турецкой рукописи 1778 г. из собрания дворца Топкапы в Стамбуле [1, с. 10–27; 12]. В сочинении дается описание Крыма, кратко перечисляются некоторые правители Золотой Орды, начиная с Берке, сообщается о Тохтамыше и Тамерлане. Затем автор переходит к повествованию о крымских правителях, начиная с Хаджи-Гирея [1, с. 15–17].

Вторым источником является сочинение «Таквим ат-теварих» («Упорядочение истории»), другое название «Историко-хронологические таблицы» турецкого же автора Мустафы ибн Абдаллах Кятиб-Челеби, известного как Хаджа Хальфа (1609–1657), написанное в 1648 году. В этом сочинении изложены важнейшие события истории от сотворения мира до времени жизни автора; особое внимание уделено османам, их военным походам, завоеваниям, вступлениям на престол султанов, датам смерти знаменитых людей и т. п. По этому сочинению Л.-М. Лангле сверял даты [10, с. 330]. Необходимо отметить, что, несмотря на все старания, анахронизмов и неточностей в датах в труде Л.-М. Лангле хватает. Небрежность в датировке – характерная особенность многих восточных рукописей.

Третьим источником стало написанное в стихах на турецком языке сочинение секретаря дивана при крымских ханах Каплан-Гирее I (1712–1714, 1730–1736) и Фатих-Гирее II (1736–1737) Абд ал-Гаффара Кырыми, полное имя которого ал-Хаджж Абд ал-Гаффар бин ал-Хаджж Хасан бин ал-Хаджж Махмуд бин ал-Хаджж Абд ал-Ваххаб ал-Кырыми (ок. 1690 – после 1758), «Краткое историческое изложение о крымских ханах», законченное около 1743 года. Автор использовал в качестве источников арабские, персидские и тюркские сочинения, многие из которых до нас так и не дошли [2, с. 183; 3, с. 378–390].

Таким образом, Л.-М. Лангле пользовался при написании своей «Заметки» двумя турецкими и одной крымско-турецкой рукописью. Привлечение персидских, арабских и тюркских сведений было опосредовано.

В начале своей работы Л.-М. Лангле, основываясь на немногих сочинениях европейских авторов, например, Иоганна Тунманна [8], сообщает о географическом положении Крыма, климате, национальном составе населения. Пишет о четырех кланах татар, их языке. Дается краткий обзор истории Крыма киммерийского и скифского периодов. Появление греков в районе Херсонеса Таврического в работе относится к VI в. до н. э. Скифов вытеснили сарматы (аланы), тех в свою очередь германцы-готы. Боспорское греческое царство прекратило существование к концу IV в., затем через Крым прокатились волны нашествий гуннов, венгров, хазар, печенегов и половцев. На Южном берегу Крыма основали свои города и фактории итальянцы, ведущие прибыльную торговлю со степняками и горцами. В 1475 году власть генуэзцев в Кафе была уничтожена турками.

Вторжение монголов привело к крушению половцев. В Крыму установилась власть татарских царевичей и улусных беков Золотой Орды. Все это продолжалось до тех пор, пока в 1478 г. Менгли-Гирей-хан при поддержке турок не создал отдельное ханство [10, с. 331–347].

Дальнейшее изложение основано в большей степени на турецких рукописях. Историк дает последовательный, хотя и краткий, рассказ о монголо-татарских правителях.

Изложение начинается с Чингисхана, родившегося в 1154 г. и в 17 лет потерявшего своего отца. Он был мужественным, нетерпеливым, гордым и жадным до власти человеком. Когда он завоевал много земель, то сменил имя Темучин на Чингисхан, что означает король королей. В то же время историк больше полагает, что имя восходит к персидскому сложносоставному слову *Djenk ênguuz*, что означает *воинственный принц* или буквально *выпускающий войну*. Такое понимание имени основателя монгольской империи в дальнейшем не получило поддержки у последователей.

Наследовавший Кипчакию (Дешт-и Кипчак) старший сын Чингисхана Джучи в 1225 г. во время охоты упал с лошади и столь сильно разбился, что умер на полгода раньше отца. Его сын Саин (Бату) продолжил завоевания на Западе. Во время похода его брат Шейбан завоевал Крым [10, с. 348–358].

Наследовавший Батыю хан Берке отказался от религии своих предков в пользу ислама. Он воевал с иранским правителем Хулагу и умер в 1266 году [10, с. 358–362].

Следующим ханом стал Туда-Менгу. Он не имел таланта правителя и не мог управлять с достаточной осторожностью. Другие источники, как, например,

«Чингиз-наме», без всяких оговорок называет хана слабоумным и приводят несколько анекдотических случаев в подтверждение этому [9, с. 99–101]. Согласно Хадже Хальфе, хан умер в 1257 г., но Л.-М. Лангле сомневается в правильности датировки. Как уже отмечалось выше, многие даты в сочинениях турецких авторов неточны. Обычно датой смерти Туда-Менгу считается 1287 год.

Менгу-Тимур, по прозвищу Колук, сменил на ханстве своего брата. Он был государь очень справедливый, могущественный и мудрый. После него на престол в 1283 г. вступил Токтай. Сообщается, что никто как он не обладал искусством ведения войны, и характеризуется также как смелый и положительный. Однако опасения в том, что после него в Орде вновь разразится междоусобная борьба и у его сына-наследника могут отнять власть, привели к тому, что он казнил всех возможных претендентов на трон, в том числе иных своих сыновей и младшего брата Тогрула. Когда же наследник умер раньше отца бездетным, то хан впал в уныние из-за возникшего династического кризиса и считал это небесным наказанием за бесполезно пролитую кровь. Убедившись в искренности раскаяния хана, вдова Тогрула, ставшая по левирату женой Токтая, сказала мужу, что ее сын по имени Узбек от Тогрула был тайно вывезен по распоряжению отца на Кавказ в Черкесию. Обрадованный смертельно больной Токтай сделал племянника наследником, послал за ним своих князей, но, не дождавшись его приезда, скончался [10, с. 362–365].

Рассказ о хане Токтае и приходе к власти Узбека, очевидно, написан по сочинению Абд ал-Гаффара Кырыми. Известия, скорее всего, тюркского происхождения. В сочинении хорезмийского автора начала XVI в. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммада Досты «Чингиз-наме» имеются аналогичные сведения. Или Кырыми пользовался сочинением Утемиш-хаджи, или источник информации у них один и тот же.

По «Чингиз-наме», Токтай, опасаясь, что после его смерти у сына эль-Басара отберут трон, истребил как своих сыновей, так и других потомков Бату-хана. Но наследник умер раньше отца в 1309/10 г. Верховная власть в Золотой Орде, следовательно, должна была перейти к другой линии потомков Джучи. Это мучило Токту.

Однажды Келин-Байалин, византийская принцесса и вдова Тогрула, младшего брата Токты, также им убитого, ставшая по левирату женой Токты, призналась, что у нее есть от Тогрула 14-летний сын Узбек, которого, она укрывала в Черкесских горах. Токта «за радостную весть подарил Келин-Байалин туман в две тысячи [человек]» и немедленно отправил за юношей 40 000 человек во главе с Кыйатом Исатаем и Сиджутом Алатаем. Но когда те возвращались с Узбеком, Токта уже умер [9, с. 101–103].

Занятие Узбеком трона в 1314 г. сопровождалось попыткой государственного переворота. Князь Ток-Буга попытался, воспользовавшись междоусобием, захватить власть в Сарае. Некий Сангусун поехал навстречу Узбеку и предупредил его о намерениях узурпатора. Прибывший с Кавказа Узбек сумел усыпить бдительность заговорщиков, быстро и жестко расправиться с мятежным беком. Не дожидаясь нападения, люди Узбека сами атаковали Ток-Бугу и разделались с ним. При Узбеке произошло принятие ислама, большая часть подданных последовала за своим правителем и отказалась от идолопоклонства. Хаджи Хальфа

сообщает о персидских проповедниках, приехавших в Орду. Узбек правил 42 года и умер в 1356 году.

Далее правил сын Узбека Джанибек Мухаммед-хан. Он ходил воевать в Ширван и убил в Тебризе тамошнего правителя Малик-Ашрафа, нарушившего заповеди ислама и женившегося на своей дочери, чем вызвал возмущение среди мусульман.

Джанибека во власти сменил его брат Бердибек. Он был безрассудным и внушаемым человеком, слушал советы своего окружения и, опасаясь за свою власть, расправлялся с царевичами, которые могли претендовать на трон. Правил он не долго, не более четырех лет. Со смертью Бердибека пресекался род Бату-хана. Обострившийся династический кризис стал одной из причин «великой замятни» в Золотой Орде во второй половине XIV века.

Л.-М. Лангле отмечает, что дальнейшая история престолонаследия в Орде очень запутанна, но, опираясь на труд Абд ал-Гаффара Кырыми, все-таки возможно просветить большую часть темных мест.

Во время Смуты шли гражданские войны и власть часто переходила из рук в руки. Правил в это время Хызр, Кара-Ногай, Тимур-Кутлуг, Урус, Тохтамыш. В сочинении отмечается роль царицы Тайдулы, жены Узбека и матери Джанибека и Бердибека, которая пыталась ставить ханов по своему усмотрению. Татарская аристократия предложила Тайдуле назначить нового хана. Она обратила свой взор на шейбанида Хызра, сына Мангутая, находившегося в то время в улусе Ак-Куль. Не последним аргументом в выборе являлась красота и молодость претендента, постель и власть с которым полагала разделить стареющая царица.

Одновременно в восточной части страны на Сырдарье ханом был провозглашен брат Хызра Кара-Ногай, и правил он там три года [10, с. 335–376].

Тайдула разочаровалась в своем избраннике. Хызр не удержался на престоле и вынужден был спасаться бегством. Стал потом ханом некий Базарчи, происходивший из рода сына Джучи Тангута. Его на трон возвела тоже всемогущая царица Тайдула, которая и в этот раз хотела править через подставного хана. Базарчи поклялся в вечной страсти, а «наивная царица» приняла это за настоящую любовь, «она забыла про свою старость и верила еще во власть своей привлекательности». Однако, все, что нам известно о Тайдуле, не дает оснований думать о ней как о наивной женщине.

Базарчи был несправедливым правителем. По его приказу казнен влиятельный и уважаемый князь Али-бек. Сын его Хасан бежал в Хорезм и попросил помощи у местного правителя Ак-Хусайна. Тот соединился со свергнутым прежде ханом Хызром и вместе они заняли Сарай и казнили как хана Базарчи, так и престарелую интриганку Тайдулу. Известно, что ее привязали к запряженной бешеным жеребцом повозке и пустили вскачь по горам и оврагам, вследствие чего царица и умерла. Вскоре Хызр погиб от руки сына Бурута (Мурата). «Столь ужасное покушение не осталось безнаказанным, и этот отцеубийца был убит сам два месяца спустя» [10, с. 377].

Тем временем ханом в восточной части Орды стал Урус, сын Бадька. Но в его окружении заметно выделялся царственной осанкой и манерами царевич Тохтамыш. Урус захотел расправиться с ним, но царевич сумел прыгнуть в реку и, хотя и был ранен стрелой, смог уплыть и спастись. Полководец мавераннахрского правителя эмира – Тимура Аксака (Тамерлана) нашел в камышах замерзающего израненного Тохтамыша и спас его. Тимур радушно принял беглого царевича

в Самарканде и обещал посадить на царство вместо Урус-хана. Тохтамыш воевал за власть с Урусом и опирался при этом на помощь Тимура из Средней Азии. После нескольких сражений с переменным успехом, Урус погиб в бою пораженный стрелой, это решило судьбу империи. В «Чингиз-наме» дается подробный рассказ об обстоятельствах гибели Урус-хана [9, с. 116–117].

После этого ханами одновременно в разных частях Орды были провозглашены как Тохтамыш, так и сын Уруса Тимур-Мелик, известный еще и как Кутлуг-Тимур. В начавшейся между ними войне Тохтамыш вынужден был вновь отступить под защиту Тамерлана, который и помог ему взойти на престол.

Тохтамыш правил 15 лет, но интриги и нескромное поведение по отношению к Тамерлану привело к войнам между ними. Тимур совершил длительное в шесть месяцев опасное вторжение в Кипчак. Несколько месяцев войска Тимура ходили по землям татар в Сибири и преследовали Тохтамыша. Устав уклоняться, золотоордынский хан дал сражение. В самый разгар битвы знамя Тохтамыша было ниспровергнуто предателями, его войны посчитали хана погибшим и обратились в бегство.

Тимур-Мелик воспользовался поражением конкурента и попытался захватить власть в Орде. Между Тохтамышем и Тимур-Меликом шла война с переменным успехом.

После повторного разгрома Золотой Орды в 1395 г. Тамерлан поставил ханом брата Тимур-Мелика Куюрчак-оглана. Вскоре в Орде одновременно правили несколько ханов. На рубеже XIV–XV вв. ханствовал Шадибек. Его правление не переходит за 1403 год. Потом правил сын Тимур-Кутлуга Тимур и его племянник Пулад. Реальное влияние в Орде имел князь Едигей.

Воспользовавшись враждой между Тимуром и Едигеем и разногласиями между Едигеем и его сыном Нураддином тохтамышевич, Делалад-Дин перешел в наступление, разбил конкурентов и погубил Тимура и Пулада, Нураддин вынужден был бежать.

Джелалад-Дину удалось укрепить свою власть, но большим авторитетом у подданных он не пользовался, слыл гордым и скупым. Братья хана не получили от него того, на что могли рассчитывать. В 1412 г. хан Джелалад-Дин погиб от руки брата Кепека. Тот неожиданно напал на него, хан получил многочисленные ранения и вскоре скончался. По русским летописям, хан погиб в борьбе с другим своим братом Керим-Берди [4, с. 221]. Это наиболее вероятно, т. к. Кепек пришел к власти позднее. Керим-Берди пришлось воевать со своим братом Джаббар-Берди. В конце концов он и погиб от его руки после пятимесячного ханствования. Ханское место занял его брат Кепек. Против него выступил восстановивший силы Едигей. В бою с ним хан и погиб [10, с. 388–389]. В письме магистру Ливонского ордена из Литвы от 15 июля 1416 г. сообщается, что Кепек был убит одним из своих братьев и после этого должен был бежать к Витовту [5, с. 443].

После устранения Кепека Едигей поставил ханом Чекри, происходившего из рода сына Джучи Тукай-Тимура. Он правил жестоко и тиранически и вскоре был убит.

Следующим после Чекри ханом у Л.-М. Лангле называется Сейид-Ахмед. Однако из-за своей неопытности он не смог продержаться на троне больше 45 дней и был свергнут Дервишем.

Последний сын Тохтамышша Керим-Берди, став ханом и видя гибель отца и братьев, решил отомстить главному виновнику трагедии их семьи – Едигею – и начал войну с ним. Решительное сражение имело фатальные последствия для обоих. Керим-Берди погиб в бою, Едигей получил многочисленные ранения, был найден врагами на поле боя и убит.

Собравшиеся татарские аристократы долго решали, кому ханствовать в Орде, и остановили выбор на Улуг-Мухаммеде, сыне Хасана, близком родственнике рода Тохтамышша [10, с. 390–391]. Дед Тохтамышша Кутлук-Ходжа и прадед Улуг-Мухаммеда Тулук-Тимур являлись родными братьями от Куичек-оглана [5, с. 448].

По источникам Л.-М. Лангле, избрание Улуг-Мухаммеда произошло сразу же после гибели Керим-Берди, и это он будто бы нашел и приказал убить раненого Едигея. После этого сыновья Едигея, Нураддин и Кейкавад, бежали в Среднюю Азию в Туран, а два других сына – Гази Науруз и Мансур – укрылись в Московии. Сопроводил их туда сын Шадибека Гиясад-Дин. Есть указания на то, что Гази и Науруз – это не один человек, а два брата [7, с. 92]. «За ними следовала свита из трех тысяч татар, людей верных и готовых встретить лицом к лицу тысячу опасностей; эти знаменитые беглецы не смогли приучиться жить в иностранной земле, и решили вернуться в Дешт-и Кипчак, который был местом их рождения. Они избрали главой Гиясад-Дина, который был ханской крови, и поклялись бороться под его знаменами, до тех пор пока они не вернут ему короны» [10, с. 392]. Они атаковали вначале Ширинского бея, который способствовал возвышению Улуг-Мухаммед-хана, и одержали над ним полную победу: они пошли затем против самого Улуг-Мухаммед-хана; бой был кровавым, и сражались со всей яростью, проявляемой только в гражданской войне: победа осталась наконец за Гиясад-Дином, и татары Улуг-Мухаммеда убежали: только Хайдар-бей с небольшим числом воинов продолжал бой и боролся до конца; но и он, подавленный количеством врагов и потерявший много крови от полученных ран, был вынужден обратиться в бегство. Темнота ночи благоприятствовала этому бегству, и он присоединился к Улуг-Мухаммед-хану, который отошел в Крым. Гиясад-Дин, одержав победу, стал ханом в Орде и правил около полутора лет в 1436–1437 гг.

Тем временем при поддержке мурзы Мансура и других аристократов ханом, несмотря на малолетство, был объявлен Кучук-Мухаммед, сын хана Тимура. Одновременно власть в Орде оспаривал хан Борак, который убил мурзу Мансура и преследовал его сторонников. Сыновья Едигея ушли к Кучук-Мухаммеду. Между ханами начались военные действия. Ожесточенное сражение закончилось только тогда, когда воины Борака узнали о гибели своего предводителя и разбежались.

Воспользовавшись смутой в Орде, из Крыма выступил разбитый прежде Улуг-Мухаммед и начал сражаться со своим соперником. Бои продолжались до тех пор, пока два хана не пришли к соглашению по разделу территорий. Однако после этого Улуг-Мухаммеду пришлось сражаться с другим врагом. «Улуг-Мухаммед поссорился с эмиром Хайдаром, управляющим улусом Койкерат и который пользовался большим доверием среди татар: хан проявил свое злопамятство против этого эмира и прогнал его из своего правительства. Эмир Хайдар поклялся отомстить за такое кровное оскорбление, и ушел к Сейид-Ахмед-хану» [10, с. 398].

Вместе они пошли войной против укrywшегося в Крыму Улуг-Мухаммеда. В. Д. Смирнов пишет, что «Улу Мухаммед, не надеясь устоять против них, убежал в Казань» [6, с. 180]. В оригинале у Л.-М. Лангле текст выглядит несколько иначе: «Улуг-Мухаммед-хан, слишком слабый, чтобы оспаривать ханство у своего соперника, укrywлся в Казани: его интриги и его удача сделали его скоро главой этого ханства, из которого он прогнал Алтунай (Altounai) султана, который хорошо его принял в своих владениях» [10, с. 399]. Краткий, но содержательный рассказ о начальной истории Казанского ханства, очевидно, включен в «Краткое историческое изложение о крымских ханах» ал-Кырыми 1743 года. Примечательно, что в турецкой рукописи середины XVIII в. Алтунай, под которым подразумевается Алтынбек (Али-баба, Либей русских летописей) упоминается как правитель Казани. Улуг-Мухаммед пришел в Казань и узурпировал власть у местного правителя формально ему подчиненного.

Л.-М. Лангле дает такой комментарий к слову «Казань»: «Королевство Казанское включает значительную часть Татарии, принадлежащую сегодня России. Оно расположено вдоль реки Волга, до устья Камы, между Болгарией, Черемисией, и страной Вятка» [10, с. 399].

Далее в труде Л.-М. Лангле излагается непосредственно история Крымского ханства.

У Таш Тимура из рода Тохтамыша были сыновья Хаджи-Гирей и Джанай. Кадыр-Берди-хан хотел погубить царевичей, но они смогли убежать. В степи их подобрал пастух по имени Гирей (Герай). В честь спасителя Хаджи сделал приставку к своему имени, так как тот не принимал никакие иные виды вознаграждения. Когда Улуг-Мухаммед покинул Крым, то Хаджи-Гирей начал борьбу за власть. Ему было в это время 18 лет, и он нашел поддержку у крымской знати. Сеид-Ахмед много воевал и был преследуем и разбит Хаджи-Гиреем. После чего огромная и прекрасная страна Кипчак погрузилась в хаос и анархию, окончательно распавшись.

Главной задачей первого крымского хана Хаджи-Гирея после занятия Крыма в 1441 г. стала война с генуэзцами. Он получал поддержку польского короля Казимира и ограбил Кафу. Умер Хаджи-Гирей в 1467 или в 1475 г., оставив после себя от 8 до 12 сыновей, которые оспаривали друг у друга власть. До 1478/9 г. в Крыму властвовал сын по имени Нураддин (скорее всего, имеется в виду Нур-Давлет), но потом его вытеснил брат Менгли. Менгли-Гирей был настолько ловок, что умело сопротивлялся, как атакам из Кипчаки, так и своим претендующим на власть братьям, и удачно выстраивал отношения с генуэзцами.

Дальше турецкие авторы дают интересное обоснование активности османов в Крыму. По их словам, получая информацию о том, что происходит в Крыму, султан опасался, что генуэзцы воспользуются происходившими там беспорядками для захвата всей страны и, чтобы москвиты не завершили (осуществили) завоевания Кипчакии (Орды), завоеватель Константинополя султан Мухаммед выступил защитником татарских царевичей и направил к берегам Крыма свой флот из 300 кораблей во главе с Гедюк-Ахмед-пашой. Город Кафа не оказал длительного сопротивления. Через несколько дней османы захватили и Мангуп. Менгли-Гирей попал в руки к туркам, был отправлен в Константинополь и находился там в почетном плену до 1479 года. Султан оказал ему хороший прием. Менгли-Гирея

признали ханом и заключили с ним договор. В сочинении приводятся условия этого договора:

1. Султан никогда не должен возводить на ханство никого, кроме царевичей из рода Чингисханова.

2. Порты никогда ни под каким предлогом не может подвергать смертной казни никого из рода Гиреев.

3. Владения хана и другие местопребывания членов дома Гиреев должны быть признаваемы неприкосновенными убежищами для всех, кто бы ни находил в них себе приюта.

4. На общественной по пятницам молитве, хутбе (о здравии халифа и местного правителя), после имени султана должно быть поминаемо имя хана.

5. Ни на какую письменную просьбу хана не должно быть отказа со стороны Порты.

6. Хан во время похода может иметь пятибунчужный штандарт.

7. Во всякую кампанию хан должен получать от Порты сто двадцать кисетов золота на содержание своей лейб-гвардии и восемьдесят кисетов на своих мурз и капы-кулу.

Некоторые из этих условий имеются и в иных источниках [6, с. 226]. Однако в использованных Л.-М. Лангле турецких рукописях, очевидно, текста условий договора нет. По словам В. Д. Смирнова, он мог позаимствовать статьи договора из сочинения французского дипломата в Турции и Крыме Клода Шарля де Пейсонеля (1727–1790) [11]. Можно вообще усомниться в существовании договора, по крайней мере, в таком виде. Турецкий султан Мухаммед II Фатих вообще не любил вступать в обязательные договорные отношения, тем более равноправные, и отличался вероломностью. Если же и заключал договоры, то очень скоро сам же и нарушал [6, с. 216, 237].

Желая получить свободу и трон, Менгли-Гирей-хан пообещал быть верным султану и проводить политику войны и мира в интересах Османской империи. Жители Крыма с радостью перешли под непосредственную власть султана и приняли назначенного им хана из династии, которая управляла ими уже более двухсот лет.

Благодаря помощи султана Крым был надежно защищен от конкурента из Орды Сейид-Ахмата. Хан мирно и счастливо выстраивал свои отношения с Польшей и Московией и умер в 1515 г., оставив девять сыновей: Мухаммеда, Ахмеда, Махмуда, Мубарека, Саадета, Сахиба, Бурнаша, Фетиха, который утонул в Валахии в 1510 г., и Ислама. Последний, видимо, являлся не сыном Менгли-Гирея, а внуком от Мухаммеда.

Преемником Менгли-Гирея стал его сын Мухаммед-Гирей, который правил восемь лет и воевал в Московии и Черкессии. Погиб в 1523 г. во время похода против грузинской Менгрелии. Однако из других достоверных источников, в том числе русского, крымского и ногайского происхождения, известно, что хан сложил свою голову в походе на Астрахань.

По распоряжению султана Селима, преемником на ханском престоле стал брат погибшего Саадет-Гирей, которому приходилось бороться с Исламом. После поражения от Ислама под Азовом Саадета отозвали в Константинополь.

На ханство султаном был поставлен другой брат – Сахиб-Гирей. Ислам не стал противиться этому назначению, опасаясь гнева султана. Сахиб-Гирей обладал

блестящими качествами, он был смелый, справедливый, либеральный, но все эти достоинства из-за большой жестокости лишали его блеска. Султан Сулейман был недоволен татарами и Саадет-Гиреем, который смел его не слушаться. Султан его снял и назначил на ханское место Девлет-Гирея, сына царевича Мубарека, заставив татар убить Сахиб-Гирея. Через 17 лет правления он был убит прибывшим из Константинополя царевичем Девлет-Гиреем.

Девлет-Гирей царствовал 26 лет и умер в 1577 году.

Завладевший тронем после смерти Девлета Мухаммед-Гирей II на шестой год своего правления получил приказ идти войной на Шираз против персов. Он осмелился ослушаться и восстать в 1584 г. против великого господина. Сын султана Селима Мурад в связи с этим обратил свой взор на царевича Ислам-Гирея, чтобы посадить на трон Крыма. Для поддержки царевича в Крым послали турецкое войско. Не ожидавший прихода османов Мухаммед-Гирей ушел к казакам и заручился их поддержкой. С войском казаков он пришел в 1587 г. в Крым и сразился с Исламом, но потерпел поражение. В том же бою погиб и его соперник Ислам [10, с. 400–411]. В. Д. Смирнов, ссылаясь на иные турецкие источники, не согласен с Л.-М. Лангле и дает несколько иное объяснение. Мухаммед-Гирей бежал за Перекоп к ногайцам, но из-за своей тучности не мог ехать верхом на коне и передвигался на телеге. Это снижало скорость передвижения. Его догнал брат и соперник Алп-Гирей и задушил вместе с сыном Сафа-Гиреем [6, с. 330].

Назначенный после него ханом Гази-Гирей правил с 1587 г. и имел хорошие качества, которые затмевались его жестокостью. Гази-Гирей умер в 1607 году [10, с. 411–412].

В последующей части сочинения Л.-М. Лангле рассказывается об истории крымских ханов и Крыма XVII–XVIII вв., вплоть до присоединения его к России, обстоятельствах присоединения к России и о печальной судьбе последнего хана Шагин-Гирея [10, с. 412–492].

В комплексе с иными сочинениями средневековых авторов основанный на турецко-крымских рукописях труд Луи-Матъё Лангле может успешно использоваться как историографический источник при изучении истории Крыма, Юга России, а также Восточной Европы.

1. Зайончковский А. А. «Летопись Кипчакской степи» (Тевәрийх-и Дешт-и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. 2. С. 10–27.
2. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009. 304 с.
3. Келлнер-Хайнкеле Б. Кто был Абдулгаффар ал-Кирими (Заметки о крымско-татарском историке XVIII века // Источниковедение истории Улуса Джучи. С. 378–390.
4. Полное собрание русских летописей. Никоновская. СПб., 1897. Т. XI. 254 с.
5. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). Казань, 1996. С. 277–526.
6. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. Т. 1. 314 с.
7. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. 752 с.

8. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь, 1991. 70 с.
9. Утемиш-ходжа. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. 245 с.
10. Langlès L. M. Notice chronologique des Khans de Crimée // Forster G. Voyages du Bengale à Pétersbourg. Paris, 1802. An. X. t. 3. P. 325–492.
11. Peyssonel Claude de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. T. 2.
12. Zajaczkowski, Ananiasz. La chronique des steppes Kiptchak «Tevârih-i dest-i Qipcaq» du XVIIe siècle. (Ms. Istanbul, Topkapı Sarayı, B. 289). Ed. critique avec la trad. franc. du XVIIIe siècle. (Ms. Paris, Bibliothèque nationale, Turcs, S. 874). Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966.

1. Zajonchkovskij A. A. «Letopis' Kipchakskoj stepi» (Tevârih-i Desht-i Kipchäk) kak istochnik po istorii Kryma. *Vostochnye istochniki po istorii narodov Jugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy*. M., 1969, t. 2, pp. 10–27.
2. Zajcev I. V. Krymskaja istoriograficheskaja tradicija XV–XIX vekov: puti razvitija: rukopisi, teksty i istochniki. M., 2009, 304 p.
3. Kellner-Hajnkele B. Kto byl Abdulgaffar al-Kirimi (Zametki o krymsko-tatarskom istorike XVIII veka. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi*. Pp. 378–390.
4. Polnoe sobranie russkikh letopisej. Nikonovskaja. SPb., 1897, t. XI, 254 p.
5. Safargaliev M. G. Raspad Zolotoj Ordy. *Na styke kontinentov i civilizacij... (Iz opyta obrazovanija i raspada imperij X–XVI vv.)*. Kazan', 1996, pp. 277–526.
6. Smirnov V. D. Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka. M., 2005, t. 1, 314 p.
7. Trepavlov V. V. Istorija Nogajskoj Ordy. M., 2001, 752 p.
8. Tunmann I. Krymskoe hanstvo. Simferopol', 1991, 70 p.
9. Utemish-hodzha. Chingiz-name. Alma-Ata, 1992, 245 p.
10. Langlès L. M. Notice chronologique des Khans de Crimée. *Forster G. Voyages du Bengale à Pétersbourg*. Paris, 1802, an. X, t. 3, pp. 325–492.
11. Peyssonel Claude de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787, t. 2.
12. Zajaczkowski, Ananiasz. La chronique des steppes Kiptchak «Tevârih-i dest-i Qipcaq» du XVIIe siècle. (Ms. Istanbul, Topkapı Sarayı, B. 289). Ed. critique avec la trad. franc. du XVIIIe siècle. (Ms. Paris, Bibliothèque nationale, Turcs, p. 874). Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966.

A. G. Bakhtin

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

**WORKS OF THE FRENCH ORIENTALIST LOUIS MATTHEU
LANGLÈS ON THE CRIMEAN KHANS
OF THE FIFTEENTH-SIXTEENTH CENTURIES**

This contribution presents an annotated translation of an article of the French orientalist Louis Mattheu Langlès “Notice cronologique de Khans de Crimée” which was published in Paris in 1902. On the basis of three Turkish and Crimean manuscripts of the seventeenth-eighteenth centuries Langlès produced a short history of early period of the Golden Horde from Gengis Khan and also

history of the Crimean khanate. At the beginning of the twentieth century this was, without any doubt, a breakthrough in the study of Middle Age Tatar states and the works of Langlès made a significant contribution to the historiography on the subject. Besides these manuscripts, Langlès used historical and geographical information from the works of his contemporaries. His article gives us an idea of the rule of the majority of khans of the Golden Horde and the Crimean khanate from Gengis Khan to Şahin Giray. The author concludes that all of the khans fought for power ruthlessly. Langlès' article was published more than a century ago and had a limited number of sources. Since then the scholarship of Crimean history has made a major step forward, this is why the translation is accompanied by details and interpretations known from more recent works. This, however, does not depreciate the merits of the French historian.

Keywords: orientalism, written sources, Golden Horde, Crimean khanate, Ottoman empire, khans, tsarevich, fight for power, Russia.

Об авторе:

Бахтин Александр Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, abachtin@mail.ru

About the author:

Bakhtin Aleksandr Gennad'evich, Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, abachtin@mail.ru

УДК 341.78-057.9

**ДИПЛОМАТ СЛОВАЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
БАРОН ФРАНТИШЕК ТОТТ ПРИ ДВОРЕ КРЫМСКОГО ХАНА ГИРЕЯ**

М. Даниш

*Университет имени Яна Амоса Коменского,
Братислава, Словацкая Республика*

На основе малодоступных историографических источников анализируется дипломатическая деятельность французского барона Франтишека (Франца) Тотта, консула короля Людовика XV при дворе турецкого султана и крымского хана в последней трети XVIII века. Особое внимание уделено дипломатическим усилиям французского посла в подстрекательстве крымского хана принять участие в русско-турецкой войне против России. Приведены малоизвестные факты биографии Ф. Тотта, касающиеся его деятельности в Стамбуле и Бахчисарае, а также исторические доказательства словацкого происхождения французского барона. Текст сопровождается примерами дискуссий из европейской и словацкой историографии о личности Ф. Тотта и его этнической идентичности. Реконструированы последние годы жизни Ф. Тотта накануне и после Французской революции. В приложении к статье приводится русский перевод отрывка из мемуаров Ф. Тотта по публикации 1873 года в «Киевских университетских известиях».

Ключевые слова: Ф. Тотт, словацкая идентичность, французский барон, дипломатия Людовика XV, министр Шуазель, турецкий султан, хан Крым-Гирей, русско-турецкая война, польские конфедераты, Дарданеллы, Венгрия, Нитранская столица.

XVIII век – время военных действий и бурных событий на европейском континенте и далеко за его пределами. В то же время это был век Просвещения, отмеченный высоким подъемом в сфере искусства и науки; век, принесший новые идеи разума, свободы, вознесший значение человеческой личности. Это было время, когда свои неограниченные возможности могли проявить люди самых разных характеров, профессий и способностей. Словакия, как часть тогдашней Венгрии, дала Европе целый ряд таких имен, слава которых для того времени была результатом их больших заслуг в области науки, искусства или общественной и политической жизни. Многие из них являются частью нашей истории и хорошо известны в словацкой историографии, но многие остаются еще неизвестными, а их истории хранят архивы. Иногда это случается потому, что они не были в прямом смысле «словацкими представителями», т. к. не писали по-словацки или ничего конкретного не сделали для Словакии.

Тем не менее необходимо показать истинным словакам, что примерно до конца XVIII века и в Словакии появлялись люди европейского уровня, что Словакию и словаков как часть Венгрии на протяжении нескольких веков рассматривали как часть Европы. В то же время следует заметить, что было бы по крайней мере неверно и нелогично вплоть до конца XVII века искать у словаков преобладание словацкой идентичности на уровне науки, искусства и международной политики. И одновременно ожидать от них, чтобы они не обращались к своей венгерской государственности. Учитывая, что сегодня существует словацкая государственность, наша обязанность – обращаться к тем представителям венгерского государства, которые родились в Словакии или имели словацкое происхождение. Формирование модели государственности Словакии в XIX и главным образом в XX веке базировалось на тех основах, которые создавались многими ее представителями в рамках европейского политического организма до начала нового времени. Эти деятели способствовали формированию той Европы, которая, кроме монархии, дала миру республику, конституцию и национальное государство. Известно, что до конца XVII века наиболее распространенным языком коммуникации был латинский, а в Центральной Европе с первой половины XIX века – немецкий, во второй половине XIX века уже часто использовался венгерский язык. Языком дипломатическим оставался французский язык. Когда наиболее образованная часть словаков овладевала этими языками, а иногда и многими другими, естественно, они знали и свой родной словацкий язык. Они знали этот язык с пеленок, оставаясь верными ему, даже когда судьба разбрасывала их по всей Европе, где они были известны как военные, интеллектуалы или дипломаты. Эти люди не боялись утратить свою словацкую идентичность, которая была генетически им присуща, и которую не было необходимости декларировать. Именно такие личности были у колыбели словацкой истории.

В ВИХРЕ СОСЛОВНЫХ ВОССТАНИЙ

26 марта 1698 года в городе Нитра родился Андрей Тотт. Он происходил из благородной семьи – его отец Николай воевал на стороне Ракоци и был капитаном в его армии. Уже будучи маленьким мальчиком, Андрей участвовал вместе с отцом в восстании сословий. В Австро-турецкой войне 1716 года он сражался вместе со сторонниками Ракоци на стороне Турции, и, когда турки проиграли войну, некоторое время был в Константинополе, где вместе с венгерским гусарским полком Ладислава Берчени поступил на службу французского короля. Военную карьеру, где он дослужился до звания капитана, Тотт в 1733 году сменил на дипломатическую. За свои военные заслуги он был со временем повышен до звания бригадира и командующего гусарского полка Берчени. Дипломатические способности Тотта французский король умело применяет при дворах турецкого султана и татарского хана. В 1746 году Людовик XV даровал ему дворянский титул барона. Женился А. Тотт во Франции на Марии Эрнесте Песселье, дочери плотника, с которой у него было трое детей – два сына и дочь. Позднее его дочь вышла замуж за графа Чарлза Вергенеса, которого в 1755 году назначили послом в турецкую Порту. Так, вместе с дочерью в Константинополь переехал и барон Андрей Тотт. С собой он взял и 22-летнего сына Франца (1733 года рождения), чтобы тот выучил турецкий язык. К тому времени Франц был уже заслуженным

военным, так как с 10-летнего возраста состоял в гусарском полку вместе с отцом. Когда в 1757 году Андрей Тотт умер, Франц (Франтишек) возвратился во Францию в поисках своего жизненного предназначения. В гусарском полку он вскоре получил звание капитана. Французская дипломатия использовала его возможности в самых различных случаях, но уже в 1767 году по воле короля он становится консулом в Крыму. С этого времени его карьера делает невероятный взлет.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ БАРОНА ТОТТА

Происхождение семьи Тоттов интересовало историков еще в XIX веке. Во всех публикациях о жизни Франца (Франтишека) Тотта упоминается его венгерское происхождение, однако не указывается ни одна конкретная семья или род. Отдельные издания общего характера утверждают его французское происхождение. Такая ситуация характерна для письменных упоминаний, которые появились на рубеже XVIII–XIX веков. Ситуация меняется уже в 1880-х годах. После долгих источниковедческих поисков первым историком, который однозначно доказал нитранское происхождение Тотта, был Коломан Талый. После публикации его исследований в 1888 году [10] для историков стало очевидно, что эта семья была родом из Нитры, словацкой территории Венгерского королевства. Уже на следующий год другой историк, Ян Янко, пишет о «нитранском Франце Тотте». Когда через четыре года выходит первое жизнеописание Франца Тотта, подготовленное Еленой Точек, то уже в названии дан ответ на предыдущие сомнения ученых – «Сын курицкого солдата. Жизнеописание для молодежи барона Франтишека Тотта Нитранского на основе собственных воспоминаний». К сожалению, К. Талый в названном выше исследовании не приводит ни одного источника, в котором было бы прямое доказательство нитранского происхождения семьи Тотта. Однако с того времени имя Тотта всегда дополняется прилагательным «Нитранский». Данной проблематике посвящено обширное исследование венгерского ученого Эдгара Палочи, биографа Франца Тотта, написанное столетие назад. В книге «Барон Франтишек Тотт, создатель Дарданелл» 1916 года он привлекает все возможные сведения о Тотте, в том числе и архивные материалы, военные мемуары и воспоминания в то время еще живых членов этой семьи.

Обратимся к 60-томному «Биографическому лексикону Австрийской империи 1857–1892 годов» Константина Вурцбаха, где соответствующий том вышел в 1882 году. Однако и это издание не содержит никаких прямых свидетельств по нашей проблеме (In meinen Nachforschungen über den Ursprung des Tottschen Baronats – es dürfte wohl ein französisches sein – sowie darüber, welcher der zahlreichen ung. Adelsfamilien des Namens Tóth der in der Rede stehende Freiherr angehört, binn ich leider zu keinem Resultat gekommen // In Biographische Lexikon des Kaiserthums Oesterreich Zv. 46. S. 251). Современная историография оставляет не решенным до конца вопрос о происхождении семьи Андрея и Франца Тотта. По мнению Йозефа Захара, этот род может относиться к различным семьям с фамилией Тотт (sáfordských, fejérgyarmatských, székelyských – zékelyszkých a nitrianských), между которыми были самые тесные родственные связи. В то же время при определении даты рождения Андрея Тотта уже не может быть сомнений – он родился 26 марта 1698 года в Нитре [11, s. 221]. Книга Й. Захара содержит обширный список источников, однако, точной ссылки на то, откуда была взята эта информация, нет.

По мнению другого венгерского историка – Ференца Тотта, который долгие годы занимался историей жизни сына Франца, крестьянская семья Тотт имеет венгерское происхождение. Семья Франца Тотта имела приставку *székelyi* и могла происходить из горной венгерской части Нитры. Одновременно приводятся сведения, что большое число семей с такой фамилией проживало в Важской и Залайской столицах (*Važskej a Zalajskej stolici*). В качестве источника сведений о нитранском происхождении семьи Тотт автор называет труд Э. Палочи [8, s. 32]. А при указании на дату и место рождения Андрея Тотта Ф. Тотт указывает вышеупомянутую работу Й. Захара. Лишь немногие словацкие историки исследовали проблему словацкого происхождения Андрея Тотта. В своих ранних работах автор данной статьи связывал фамилию Тотт со старым названием словаков и поэтому искал его происхождение в Словакии [2, s. 91].

КАРЬЕРА ФРАНТИШКА ТОТТА

Франтишек, как и его отец, получил звание военного бригадира и поступил на службу в Турцию. В дальнейшем, с учетом его способностей и заслуг, ему была поручена и дипломатическая миссия. Среди наиболее выдающихся заслуг Тотта на этом поприще следует упомянуть его службу в качестве посла Франции при дворе крымского хана в 1767 году. Через два года он уже служит при дворе султана в Константинополе и выполняет самые различные обязанности: укрепление Дарданелл, восстановление турецкой артиллерии, строительство понтонного моста, основание морской школы. Кроме всего прочего, он был назначен воспитателем наследника престола. Только в 1774 году Ф. Тотт вернулся во Францию. В 1777 году его назначили главным инспектором французских колоний в Леванте и Варварийских владениях; в это же время он совершил большое путешествие по всему Ближнему Востоку. С 1778 года Ф. Тотт ушел на пенсию и написал свой знаменитый труд «Мемуары барона Тотта» (*Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares*). Последней его должностью бы место коменданта замка Дуэ, которое он покинул уже во времена Французской революции и бежал в Швейцарию. Здесь он встретился с Теодором Батей, который пригласил его в свое венгерское имение в Тарче. Однако, Ф. Тотт пробыл здесь недолго и умер 22 сентября 1793 года в разгар революционных событий (In meinen Nachforschungen über den Ursprung des Tottschen Baronats – es dürfte wohl ein französisches sein – sowie darüber, welcher der zahlreichen ung. Adelsfamilien des Namens Tóth der in der Rede stehende Freiherr angehört, binn ich leider zu keinem Resultat gekommen // In Biographische Lexikon des Kaiserthums Oesterreich Zv. 46. S. 251).

ПРИ ДВОРЕ КРЫМСКОГО ХАНА

Поводом к началу дипломатической карьеры Тотта стало, казалось бы неожиданное обстоятельство. Французский консул при дворе крымского хана заболел, и министерство иностранных дел во Франции озаботилось поисками достойной кандидатуры на освободившееся место. В итоге прежний консул Форнетти (Пьер Луи Форнетти (1732-1790): переводчик французской службы в Константинополе. В 1755–1758 годы работал переводчиком, в 1758–1768 годы исполнял функции консула в Крымском каганате) был отправлен в отставку министром иностранных дел Франции, а его функции были переданы Ф. Тотту. Верительная грамота Ф. Тотта датирована 23 июня 1767 года.

То, что выбор пал на Ф. Тотта, не было простой случайностью. Существовало несколько доводов для его назначения консулом при дворе крымского хана. В сложной международной обстановке того времени Франция не могла себе позволить оставлять вакантным место французского посла. Для выбора подходящей кандидатуры было мало времени. Способности Ф. Тотта были хорошо известны, учитывался и тот факт, что он почти восемь лет жил в Турции. В приказе министра иностранных дел о назначении Ф. Тотта на должность французского консула при дворе крымского хана, в частности, указывалось: «Знание турецкого языка, османских и татарских обычаев, заслуги, которые свидетельствуют о преданности на службе королю, хорошие рекомендации и мнения – все эти факты позволили Его Величеству поручить Вам эту важную и почетную роль» (Приказ об исполнении дипломатической миссии от 6 июля 1767 года. Цит. по: Zachar J. // *Idegen Nadakban*. S. 41). Из данной цитаты достаточно ясно, что Тотт имел добрые отношения и контакты с министром иностранных дел Франции.

На Ф. Тотта была возложена очень трудная миссия. Фактически вся ответственность за восточную внешнюю политику Франции того времени легла на его плечи. После константинопольского посла (который, между прочим, был его зятем), он стал вторым высокопоставленным представителем Франции в Крыму. В мемуарах о службе Ф. Тотта при дворе крымского хана приводятся следующие сведения из инструкции Министерства иностранных дел Франции: «Первой задачей (Ф. Тотта – М. Д.) будет то, чтобы хан и его министры всегда были хорошо информированы о действиях России и положении Польши; Вы всегда должны быть в самых оживленных связях с господином Геральтом (секретарь французского посла в Польше).

В тех случаях когда барон Тотт ведет переговоры с ханом или мурзами (татарской знатью) или другими чиновниками, чтобы его речь была умная, и он постоянно напоминал о славе Османской империи, безопасности татарского народа, проживающего на северном побережье Черного море.

Стремитесь обратить внимание хана и его приближенных на вышеупомянутые обстоятельства. Продолжайте усиливать их интерес к ежедневным действиям России, следите за этими действиями и объясняйте необходимость защиты национальных интересов татар. Попробуйте обратить внимание хана на то, чтобы он чаще представлял Порте проекты, и предлагайте насильственные методы решения возникающих проблем. Господин Тотт может прийти к этому постепенно, когда заслужит доверие хана, в этом случае он сможет убедить хана в беспристрастности французского короля. Барон Тотт должен убедить хана и его приближенных, что Франция имеет схожие с Османской империей интересы, но, учитывая, что она далеко находится от польских и русских границ, сила ее действий намного ниже. Покажите, что наши планы совпадают с турецкими. Во-первых, это постоянный и неизменный интерес о независимости и свободе Польши, а также отношений этого государства с соседними странами. Во-вторых, искренняя и крепкая дружба, которая сложилась между Францией и Османской империей, вынуждает Францию противостоять планам России.

Что касается титула, с которым барон Тотт будет послан в Бахчисарай, то король считает наиболее уместным дать ему титул консула. Это не связано с тем, что король не хочет дать ему более высокую должность, но этим шагом можно преодолеть те неудобства, которые связаны с отставкой Форнетти.

Остается еще одна проблема, которую мы поручаем барону Тотту: торговля на Черном море.

Собирайте самые различные сведения о различных предметах, которые могли бы быть интересны королю и вашей службе, а также об обычаях правительств татарских народов, качестве почвы, размещении портов, городов и крепостей, короче, обо всем, что есть в стране, о которой мы до сих пор имели самые неточные сведения, и что могло бы быть интересно.

При возвращении во Францию доставьте в Министерство иностранных дел хронологическое описание ваших переговоров, а также оригиналы писем, посланные из министерства короля, собственные заметки и все бумаги, которые касаются вашей деятельности на службе Его Величества.

Эту инструкцию подписал 6 июля 1767 года в Версале Людовик XV и князь Шуазель» (Цит по: Palóczyho. S. 37-55: Инструкция для Ф. Тота и его миссии в Крыму (Extract z Mission de Crimée zv. I. S. 4–40)).

Столь обширная цитата из документа XVIII века дает наиболее полное представление о том, что ожидали от барона Тотта во Франции и что он смог выполнить.

Барон покинул Париж 10 июля 1767 года. Он путешествовал один, без семьи. Первая остановка была в Вене, где он провел восемь дней. Далее он отправился в Варшаву, куда прибыл 12 августа и задержался там на шесть недель. Далее дорога продолжалась через Каменец-Подольский, молдавские города Яссы, Кишинев и Кишель на территорию Османской империи, где он был тепло встречен. До Черного моря Тотт добрался в районе Очакова и далее путешествовал вдоль побережья. В Бахчисарай Ф. Тотт прибыл 17 октября 1767 года.

Барон прибыл во двор крымского хана в период сложной международной обстановки. До его прибытия двор возглавлял хан Аслан Гирей, но ко времени вступления в должность французского консула на троне уже был Максуд Гирей. Из Парижа была выслана новая верительная грамота, которая была адресована новому хану.

Первая аудиенция у хана Гирея прошла достаточно благополучно. В это время при дворе были три ханских министра, которые еще помнили отца барона де Тотта [9, s. 138]. Уже через несколько недель Ф. Тотт был в ближайшем окружении хана. Во время долгих зимних вечеров барон Тотт делился с ханом планами и намерениями Франции, а хан и его близкое окружение прониклись к новому консулу доверием. Подробности переговоров этих дней сохранились в мемуарах Ф. Тотта. Показательным примером того, как барон всяческими приемами способствовал росту своей популярности, была его демонстрация электрических опытов [5, с. 128].

На рубеже 1767 и 1768 годов политическая ситуация обострилась. Турция явно не была готова к открытому военному конфликту, но предшествующее долгое мирное время скрывало все трудности. Граф Верген получил из Парижа инструкцию призывать Турцию к войне с Россией, хотя ему было понятно, в каком плачевном состоянии находится турецкая армия [4, с. 198]. Россия к тому времени еще не была заинтересована в войне с Турцией, и русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову долгое время удавалось корректировать французское влияние.

Россия не хотела войны с Турцией, так как была занята событиями в Польше, где в 1768 году вспыхнул военный конфликт. Барские конфедераты, которые выступили против диссидентов, против собственного короля и против России,

ожидали помощи от Турции, Австрии и Франции. От Франции они получили лишь символическую помощь в лице нескольких офицеров. Австрия со своей стороны разрешила провести съезд конфедератов в Прешове. После тяжелых боев с Россией и польскими королевскими войсками федераты были вынуждены отступить в Молдавию, где они открыто просят у Порты дипломатической и военной помощи [3, с. 66].

Политическое противостояние России и Франции в Константинополе крайне обострилось, когда 25 сентября великий визирь требовал от Обрескова аннулировать положение сейма о равноправности других религий и выводе русских войск из Польши. Русский посол не мог принять этих требований, поэтому турки его арестовали. В это же время обострилось положение барона Тотта. Князь Шуазель ожидал от него, что тот добьется объявления войны России со стороны Турции. Бывший до этого в опале хан Крым-Гирей встретился с делегатами от польских конфедератов, а также с графом Крачинским и графом Потоцким. На встрече присутствовал и барон Тотт. На встрече обсуждалась возможность совместных действий, но переговоры не принесли никаких реальных результатов. *Хан Крым-Гирей (умер в 1769 г.) был одним из наиболее ярых ненавистников России. В литературе он известен своими жестокостями и разгульным образом жизни, за что получил прозвище Дели-хана (сумасшедшего хана). Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Крым-Гирей командовал многотысячным отрядом крымских татар. (Фонтан слез в Бахчисарае, сооруженный по приказанию Крым-Гирея в 1764 году, является оригинальным памятником зодчества, воспетым великим русским поэтом А. Пушкиным и великим польским поэтом А. Мицкевичем).*

Турция планировала сосредоточить войска при Хотине, а потом окружить Варшаву. Далее планировалось направить две армии – на Смоленск и Киев. Третья армия должна была идти с Кавказа на Астрахань. Татарские войска должны были отвлечь часть русской армии. В Санкт-Петербурге также было принято решение направить две армии: одну во главе с князем Голицыным, другую – под командованием Румянцева [Андреев А. Р. История Крыма. М., 2002. С. 170–172].

Турция не признавала Станислава Понятовского польским королем, так как на престол его возвел враг – Россия. С другой стороны, Россия подстрекала Понятовского воевать с турками, но тот вскоре прекратил свою борьбу с конфедератами [3]. Россия в то время не была готова к войне: флот и армия были не в самом лучшем состоянии. Своим будущим успехам она должна была быть благодарна тому, что турецкие войска были в еще более худшем состоянии.

27 января 1769 хан Крым-Гирей напал на Новую Сербию, русскую и причерноморскую область Украины. В этом походе его сопровождал Франтишек Тотт. Барону удалось наладить доверительные отношения с новым ханом. Описание этого похода и личности хана Крым-Гирея сохранились в мемуарах Ф. Тотта. К этому описанию обращались многие историки как к одному из наиболее достоверных и полных источников. (Перевод отрывка из мемуаров на русский язык приведен в приложении к данной статье – М. Д.).

В европейском сознании хан Крым-Гирей сохранился как умеренный, образованный и просвещенный правитель. Крымская миссия барона Ф. Тотта завершилась смертью хана. Причины, по которым не было продолжено его представительство при ханском дворе, до конца не известны. Венгерский историк Э. Палочи

видит в этом интриги татарского великого визиря, который не простил барону его влияния на хана. Различные энциклопедические издания указывают политику нового хана, который не хотел видеть при дворе и армии «неверного». Й. Захар объясняет этот факт политическими играми Франции. Французская дипломатия, по его мнению, стремилась скрыть тот факт, что стояла за вступлением татар в войну. Чтобы и в дальнейшем скрывать свои шаги, Франция не хотела высылать новую верительную грамоту, адресованную Девлет-Гирею. Без такой грамоты барон мог продолжать свою деятельность только как частное лицо без официальной поддержки Версаля (Palóczyho E. Bárón Tóth Ferenc ...: c. d. S. 83; Vuam. S. 6; Zachar József. Idegen hadakban, c. d.. S. 417). Во время личной аудиенции Ф. Тотт пытался договориться с Девлет-Гиреем, однако ему не удалось доказать необходимость своего дальнейшего прибывания при дворе крымского хана. В 1770 году он покинул Бахчисарай.

Кроме политической миссии, Ф. Тотт выполнял миссию экономическую. Ему была поставлена задача приспособить татарских коней для французской армии, особенно для гусар. Важную роль в его дипломатической деятельности в Крыму играла задача поиска возможностей для Франции участвовать в черноморской торговле. Здесь необходимо было найти выгодные условия для Франции в противовес России. Ф. Тотту также было поручено найти возможность доказать право свободного плавания французских кораблей в Черном море и получить эксклюзивное право на транзитную торговлю через Константинополь. Французские торговцы были заинтересованы торговлей, главным образом, шерстью, кожей, воском и сукном [9, s. 140–141].

В заключение необходимо отметить, что для Франции восточный вопрос в то время являлся ключевым. При посредничестве Турции и его вассала Крымского каганата и при поддержке Польши Франция стремилась ослабить растущую мощь России на европейской политической сцене.

После военной кампании крымских татар в Новой Сербии хана Гирея отравили агенты турецкого султана, а Ф. Тотт вернулся в Константинополь. Когда русско-турецкая война продолжилась, султан Мустафа III поручил Ф. Тотту изготовление военных карт для турецкой армии и оборону Дарданелл. Исполняя эту задачу, Ф. Тотт руководил строительством укреплений на европейском и азиатском берегах пролива.

Во Францию Ф. Тотт вернулся лишь в 1774 году после подписания русско-турецкого мирного договора. Возвращение было связано и со смертью французского короля Людовика XV и вступлением на престол Людовика XVI, который назначил министром иностранных дел его зятя графа Вергена. В качестве французского резидента Ф. Тотт объездил всю Северную Африку, Малую Азию, Сирию, Египет, Арабию. В 1781 году Людовик XVI произвел его в генералы, в дальнейшем он часто обращался к нему как к военному советнику.

МЕМУАРЫ Ф. ТОТТА ЧИТАЛА ВСЯ ЕВРОПА

В 1875 году в Париже вышло книжное издание мемуаров Ф. Тотта под названием «Memoires sur les Turcs et les Tartares». Это издание в четырех книгах вызвало огромный читательский интерес, уже в этом же году вышло еще три издания мемуаров, которые были также переведены на английский и датский языки.

В 1786 году вышел немецкий перевод во Франкфурте и Лейпциге. А два года спустя мемуары были изданы в Вене и Голландии. В Пеште 10-томное собрание мемуаров вышло в 1836 году; часть мемуаров была опубликована на русском языке в 1883 году в Киеве.

Эта чрезвычайно интересная работа выполнена в жанре мемуаров и дневника путешествий, одновременно являясь высокохудожественным произведением. Все описанное в мемуарах Ф. Тотт пережит лично. Ф. Тотт как автор показал себя образованным человеком, дипломатом и философом, талантливым и остроумным деятелем, умевшим вызвать к себе симпатии окружающих его людей. В предисловии к мемуарам он высказал оригинальное мнение, к которому он пришел во время многолетних странствий:

«Нравы и характер общества создаются и формируются не только под влиянием конкретной природной среды человека, но и в связи с индивидуальными склонностями, свойственными каждому народу. Племя, вышедшее из одного рода и со временем разделившееся на две части, поселившиеся на разных землях, свои типичные черты и характер сохранит и в новых общественных условиях».

Во время Французской революции, благодаря своему генеральскому чину и командиру элитных военных войск, Ф. Тотт помогал королевской семье бежать в Германию. Сам он понимал, что его возвращение во Францию невозможно. Когда он готовил в Швейцарии дипломатическую почву для встречи европейских правителей с целью создания коалиции в защиту французского короля, он решил на старости лет вернуться в Венгрию. С этой землей его всю жизнь связывало, как и его отца, участие в венгерском гусарском полку французской армии. 7 января 1793 года австрийский император Франц II объявил для него амнистию с условием, что он никогда не будет использовать баронский титул и отречется от наследственных владений в Нитранской столице. Ему оставались лишь дворянские привилегии. Ф. Тотт переехал в имение Тиварда Батяни в Васваре, с которым познакомился и подружился в Швейцарии. Осенью, 22 сентября 1793 года, Франтишет Тотт умер.

(Перевод со словацкого языка – Г. В. Рокина).

Приложение

Деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия, № 10. 1873. (Перевод А. Татарчевского «Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares». Paris, 1785.)

«... Газеты, говорит он, извещали о смутах в Польше и несогласиях между Портою и Россией. Максуд-Гирей, принужденный играть при этом значительную роль, боялся последствий этих несогласий. Действительно, опасения его были не напрасны. Вследствие дела при Балте, Крым-Гирей был признан Портою Ханом и призван в Константинополь для того, чтобы условиться относительно ведения войны с Россией. Чрез того же самого курьера, который привез весть о низложении Максуда, новый хан прислал распоряжение, чтобы все должностные лица ханства явились для торжественной встречи его в Каушаны (Kaouchan), в Бессарабию. Я, конечно, поспешил туда же. После торжественного въезда в Каушаны, Крым-Гирей в своем дворце, в зале дивана, на троне принимал изъявление верноподданнических чувств от высших сановников Крымского ханства. Новый хан

ко мне отнесся в высшей степени благосклонно, так, что после церемонии посетил меня и даже остался ужинать.

Крим-Гирей имеет около 60 лет. Фигура его очень представительна, даже величественна. Приемы благородны и, смотря по желанию, он может казаться и ласковым, и строгим. Натура его очень подвижная, живая. Он любитель всевозможных удовольствий: держит, например, при себе многочисленный оркестр музыкантов и труппу комедиантов, игра которых дает ему возможность отдохнуть по вечерам от политических дел и приготовлений к войне, которыми занят Крим-Гирей целый день. Деятельный сам, он того же требует и от других, а при своей горячности часто даже слишком строго наказывает не исполнивших его приказаний.

Вследствие личной привязанности ко мне хана придворные часто в подобных случаях обращались ко мне с просьбою ходатайствовать пред ним, и мне действительно не раз удавалось спасти кого-либо от беды, а один раз даже и от смерти.

Во время пребывания в Каушанах к хану явился посол от польской конфедерации для того, чтобы условиться относительно открытия кампании, которую Крим-Гирей рассчитывал начать набегом на Новую Сербию. Однако то обстоятельство, что при этом могли пострадать интересы пограничной польской Украины, требовало предварительного соглашения с Польшей. Посол ее не был снабжен на этот счет никакими инструкциями, и поэтому хан обратился с просьбою ко мне поехать в Данковцу (Dankowtza), близ Хотина, где были начальники польской конфедерации. Я согласился и, взявши одного из придворных татар, в качестве товарища, тотчас отправился. Проезжая чрез Молдавию, я был поражен страшным опустошением, которое было произведено набегами отрядов турецких войск, особенно сипаев. Набеги эти навели на жителей панический ужас. Все работы были брошены. Жители не только деревень, но и городов разбежались. В городе Ботушане (Botouchan), чрез который нам пришлось ехать, все дома были пусты, и жители столпились в тамошнем монастыре. Переговоривши в Данковце с графами Красинским и Потоцким, я поспешил возвратиться к хану. Поход в Новую Сербию, одобренный собранием великих вассалов, был решен. Из Каушана были посланы Крим-Гиреем приказы в провинции выслать войска. Для того чтобы образовать армию в 200 т. человек, необходимо было потребовать по 2 всадника из каждых 8 семейств, живущих в Крымском ханстве. Это число людей Крим-Гирей считал достаточным для того, чтобы атаковать неприятеля одновременно с 3-х сторон. Нурадин с 40 т. войска должен был отправиться к Малому Дону, калга с 60 т. по левому берегу Днепра к Орели. Под начальством самого Хана оставалась армия в 100 т. и 10-тысячный отряд турецких сипаев. С этой армией он должен был проникнуть в Новую Сербию. Кроме этих войск, отдельно, находились еще армии провинций Едесана и Буджака. Они также должны были идти в Новую Сербию, и пунктом соединения их с армией хана назначен был Тамбахар (Tombachar). Сборы, наконец, были окончены; 7 января 1769 г. мы выступили в поход. Первые два дня употреблены были только на то, чтобы переправить войско чрез Днестр. Едва только оно переправлено было, как в хану явился посол от лезгинцев (Lesguis), предлагавших для предстоящей войны свою армию в 80 т. чел. Предложение это, впрочем, не было принято.

Прием этого посла происходил в моем присутствии. Хан вообще так привык и так полюбил меня, что в этом походе я постоянно был его собеседником. В его походной палатке мы проводили вместе день и ночь. Крим-Гирей любил поговорить.

Часто мы толковали о преимуществах свободы, о государственном устройстве, и его понятия о законах, о принципах управления государством, о чести, о влиянии предрассудков были таковы, что сделали бы даже честь самому Монтескье.

Соединившись в войсками Едесана и Буджака, мы скоро достигли Балты. Пограничный этот город представлял вид полного опустошения. Сипаи не только dokonчили разорение Балты, но сожгли также и все соседние деревни. Эта избалованная, не привыкшая в дисциплине, кавалерия была положительно вредным бременем для татарской армии.

Войска были уже в полном сборе, и Крим-Гирей, дождавшись только известия, что калга и нурадин вышли со своими армиями к месту назначения, двинулся из Балты в Новой Сербии.

Достигши верховьев Ингула – границы Новой Сербии, хан созвал военный совет, на котором было решено, что 1/3 всей армии, в полночь переправится через Ингул, разделится затем на множество мелких отрядов и займется опустошением страны. Она должна была зажечь все деревни и хлебные запасы, забрать в плен народонаселение и угнать стада. Каждый солдат этой трети должен был выбрать себе двух товарищей из остающихся, чтобы после, возвратившись, поделиться с ними добычей. Остальные 2/3 должны были на другой день с рассветом также переправиться через Ингул и осадить крепость св. Елисаветы, для того чтобы дать возможность благополучно возвратиться с добычей тому войску, которое пошло опустошать страну. На другой день решение это было приведено в исполнение. Все шло хорошо, и только страшный холод был не малою помехою походу. Через день после нашего перехода через Ингул он был так силен, что больше 3 тысяч солдат почти буквально замерзло, и более 30 т. лошадей пало. Все войско было в очень незавидном положении, особенно жалки были сипаи, – холод душил их как мух.

Крим-Гирей, ехавший в закрытом экипаже, должен был для воодушевления армии выйти из него и ехать верхом среди солдат.

Приближаясь в крепости, мы на горизонте стали уже замечать многочисленные зарева пожаров, произведенных нашим ушедшим вперед, войском, а многие солдаты этого войска стали уже возвращаться к нам с добычей. Мы скоро заняли небольшой город Аджемку (Adiemka) вблизи крепости; он еще не был разорен, но жителей в нем мы нашли очень немного – все почти ушли под защиту крепостных пушек св. Елисаветы.

Положение войска, однако, было до такой степени скверно, благодаря холоду, недостатку провианта и корма для лошадей, что Крим-Гирей серьезно опасался быть разбитым даже самым немногочисленным неприятелем. Для предупреждения подобной возможности, он выбрал из армии 300 лучших всадников и послал их беспокоить крепость, пока армия несколько оправится в Аджемке, где мы нашли множество припасов. Много также провианта притащено было и солдатами, опустошавшими Новую Сербию. Почти каждый из них возвращался с несколькими пленниками и богатою добычей. Иной приводил душ 5–6 пленных всевозможных возрастов и при этом штук 60 овец и десятка два быков. Более 150 деревень было разорено ими. За 3 дня, проведенных в Аджемке, армия оправилась, и мы, зажегши почти моментально весь город, отправились дальше – в границе польской Украины. На границе мы взяли, после геройского сопротивления жителей, которые все погибли, большую деревню Красников (Crasnikow).

В этом деле высказалась вся негодность турецких сипаев, разбежавшихся после первого же выстрела красниковцев, и, напротив, вся храбрость и стойкость казаков, бывших в армии хана. Казаки эти, говорит Тотт, живут в Кубанской области. Один из русских, по имени Игнатий, не желая исполнять приказания Петра первого – брить бороду, поддался, со своими довольно многочисленными последователями, Крымскому хану. Он заботился, конечно, больше о неприкосновенности своей бороды, чем своей свободой, и татары нашли поэтому такое тесное отношение между своим словом инать (= упрямый) и Игнатий, что название Ина-тов так и осталось за казаками.

Ина-ты мало заботятся о сохранении в чистоте своей религии, но ревниво охраняют свои права – есть свинину и иметь на войне свое христианское знамя. Турки, находящиеся в войске хана, сильно недовольны этим. Они считают оскорблением своих магометанских знамен соседство с ними христианских, и мне часто приходилось слышать, как они бормотали проклятия на это осквернение святыни. У татар же здравый смысл развит настолько, что они считают это очень простым и естественным. На другой день после взятия Красникова хан предполагал захватить маленький город Цибулев (Sibiloff), но артиллерия, которая находилась в ордке, не позволила сделать этого, и мы успели только сжечь его предместье и увели жителей этого предместья в плен. Отсюда, по польской границе, мы направились обратно в Бессарабию к Бендерам.

Татары, а особенно турки, не обращали внимания на границу и покушались грабить и жечь польские пограничные деревни, которые встречались нам по дороге, и, благодаря только невероятным усилиям и беспощадной строгости Крим-Гирея, эти села дружественной земли были спасены от опустошения.

Не доходя до Бендер, Крим-Гирей велел разделить военную добычу. Одних пленников оказалось тысяч до 20. Хан и мне предлагал часть их, но я, конечно, отказался. После раздела добычи, мы прямо уже отправились к Бендерам и скоро, при громе пушечных выстрелов, торжественно вступили в этот город. Крим-Гирей остановился у визиря, начальника города, и занялся распусчением войска, пока его двор, бывший в Каушанах, готовился встретить его. Через несколько дней все мы были уже в Каушанах, в высшей степени довольные возможностью отдохнуть после всех трудов этой утомительной зимней кампании. Однако отдых наш не был слишком продолжителен. Из Константинополя получено было известие, что новая турецкая армия уже направилась к Дунаю для нового похода, и Крим-Гирей, среди удовольствий отдыха, должен был приготавливаться в походу и позаботиться сбором своего войска. От этих усиленных занятий Крим-Гирей стал очень часто испытывать припадки ипохондрии, которой он был и прежде – правда изредка – подвержен. При таких припадках я обыкновенно один находился при хане, стараясь чем-нибудь занять его, рассеять. Но как-то раз к нам явился Сирополо. Это был грек, уроженец Корфу, знаменитый химик, доктор валахского князя и его агент в Татарию. Он явился по каким то своим делам, но воспользовался этим случаем, чтобы предложить хану лекарство, которое, как он говорил, приятно на вкус и в то же время немедленно и навсегда вылечит его от ипохондрии. Хан согласился принять, и Сирополо тотчас вышел, чтобы приготовить ему это лекарство. Во мне зародилось подозрение, на которое невольно наводило положение Сирополо при ханском дворе. Я сообщил хану свои подозрения; я долго убеждал его не принимать лекарства,

приготовленного этим человеком, – но все было напрасно. Сирополо подозрительно быстро возвратился с своим лекарством, и Крим-Гирей тотчас его принял. На другой день мои подозрения и опасения еще больше усилились. После приема лекарства хан сделался так слаб, что едва в состоянии был выйти из дому. Сирополо объяснял это кризисом, которого он и ожидал и за которым, как он говорил, непременно последует полное выздоровление. Однако Крим-Гирей чувствовал себя все хуже и хуже. Он больше уже не показывался из гарема. Двор, министры – все пришло в страшное волнение; но мои старания предать Сирополо суду остались безуспешны. Все были заняты уже только тем, кто будет наследником Крим-Гирея. Я совсем было отчаялся видеть хана, как он сам передал мне свое желание видеть меня. Я немедленно отправился. Войдя в комнату, где лежал хан, я застал его за последними распоряжениями, которые он на постели делал чрез своего диван-эфенди. Вот, сказал мне Крим-Гирей, показывая на бумаги окружавшие его, мои последние, предсмертные занятия. Я их окончил и желаю вам посвятить мои последние минуты.

В разговоре со мною он старался развеселить меня, но, заметивши, что глубокая печаль, которой я не в силах был скрыть, не оставляла меня, сказал: «Полно, бросьте вашу чувствительность; она, пожалуй, и меня растрогает, а мне хотелось бы умереть в веселом настроении духа», и, сказавши это, он подал знак музыкантам, находившимся в глубине комнаты, начать концерт, и при звуках этого концерта скончался.

Тело хана было набальзамировано и перевезено в Крым.

Несмотря на то, что при бальзамировке трупа очевидны были следы отравы, Сирополо беспрепятственно получил билет и отправился в Валахию. Интересы двора подавили всякую мысль о мщении и наказании виновного. Утомление, которое было следствием похода и неизвестность относительно моего положения вследствие смерти Крим-Гирея, заставили меня отправиться в Константинополь и там дожидаться дальнейших распоряжений моего правительства.

И Тотт, оставивши при ханском дворе, у посольских дел, своего секретаря Руфина, чрез Балканский полуостров отправился в столицу Турции».

1. Biographische Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Zv. 46. S. 251.
2. Daniš M. Slovensko, husári a cárovná // Stimul. Bratislava, 1993.
3. Horbulák Z. František Tóth a jeho rodina v kontexte európskej diplomacie 18. storočia. Dizertačná práca, odbor história FFUK, 2006.
4. Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. М.: Наука, 1991.
5. Милнер Т. Крым. Ханы, султаны, цари. М., 2015.
6. Tott F. Memoires sur les Turcs et les Tartares. Paris, 1785.
7. Tott F. François de Tott (1733–1793) és műve. Egy felvilágosult diplomata emlékezései // Vasi Szemle. LVII. 6. 2003.
8. Tott F. Egy tarcsafüldői emlék. Báró Tóth Ferenc élete és munkássága // Vasi Szemle 2001/1.
9. Tott F. La mission du baron de Tott en Crimeé, in Archivum Ottomanicum 20 (2002) / ed. György Hazai, Wiesbaden, 2002.
10. Thaly K. A Szezi-csatorna magyar tervezője a múlt században, in Egyetértés 1888. április 5.
11. Zachar J. Idegen hadakban, Magvető, Budapest, 1984.

**BARON FRANTISEK TOTT, A DIPLOMAT
OF THE SLOVAK ORIGIN AT THE COURT
OF THE CRIMEAN KHAN GIRAY**

Miroslav Daniš

Comenius University, Bratislava, The Slovak Republic

The article, based on the rare historiographical sources, analyzes diplomatic activity of the French baron Frantisek (Franz) Tott, consul of king Louis XV at the court of the Turkish sultan and Crimean khan in the last third of the eighteenth century. Great deal of attention is paid to the diplomatic policy of the French ambassador who egged the Crimean khan into taking part in the Russian-Turkish war against Russia. The article reveals several less known biographical facts dealing with the activity of F. Tott in Istanbul and Bakhchysarai and also the historical proofs of the Slovak origins of the French baron. The text is filled with the examples of discussions from European and Slovak historiography about the personality of F. Tott and his ethnic identity. Last years of life of F. Tott before and after the French revolution are reconstructed. The supplement to the article contains the Russian translation of a part of Tott's memoirs published in "Kievskie universitetskie izvestiia" in 1873.

Keywords: F.Tott, Slovak identity, French baron, diplomacy of Louis XV, French minister Choiseul, Turkish sultan, khan Giray, Russian-Turkish war, Polish confederation, Dardanelles, Hungary, capital of Nitra.

Об авторе:

Даниш Мирослав, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Университет имени Я. А. Коменского, Братислава, Словакия, miroslav.danis@uniba.sk

About the author:

Danish Miroslav, Full Professor, Comenius University, Bratislava, The Slovak Republic, miroslav.danis@uniba.sk

УДК 94(47)"17/1917"

**ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ОТНОШЕНИИ КРЫМА В XIX ВЕКЕ**

Н. Э. Демешко

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия*

Данная статья посвящена комплексному исследованию методов интеграции крымско-татарского этноса в общероссийское пространство в XIX веке. Целью работы является изучение крымско-татарской газеты «Переводчик-Терджиман» как источника по изучению механизмов интеграции Крыма в Россию и имперских технологий управления данной территорией в конце XIX века. Выявленный исторический опыт может быть функционален в современном историческом периоде интеграции Крыма в общероссийское политическое, экономическое и культурное пространство.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, интеграция, газета, «Переводчик-Терджиман».

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 году поставило перед российской элитой целый ряд проблемных вопросов стратегического и тактического характера в различных сферах развития государства. Помимо внешних вызовов (санкции, изоляция, информационная конкуренция, продолжающиеся попытки втягивания в региональный конфликт), Москва вынуждена разрешать вопросы интеграции Крыма в условиях мультикультурного населения полуострова. Последний фактор активно использовался после распада СССР с целью изменения ментальной карты Крыма и выхода его из сферы влияния России. При этом на протяжении более чем двух десятков лет использовались системные технологии в культурной, научной и информационной сферах с целью формирования антироссийского мировосприятия у крымских татар. На этих идеях выросло целое поколение крымских татар, а с учетом негативной мифологизации совместного исторического прошлого России и Крыма, фактора депортации и отсутствия системной встречной деятельности России в сфере «мягкой силы» необходимо констатировать, что данная проблема носит долговременный исторический характер и нуждается в системном научном подходе. В последнем необходимо учитывать деятельность внешних конкурентов России из числа великих держав – США, Германии, Турции, Польши и более слабых субъектов, которые также имеют опыт использования крымских татар в качестве объекта влияния – Румыния, Украина, страны Балтии. Таким образом, являясь внутренней проблемой России,

крымско-татарский вопрос одновременно является объектом противостояния великих держав и фактором либо усиления, либо ослабления российского влияния в Черноморском регионе.

В то же время в настоящий момент политическое руководство Крыма и Севастополя, а также различные представители федерального центра игнорируют данную проблему. Такой подход представляется автору ошибочным, так как историческая ретроспектива, а также методология политического реализма свидетельствуют об обратном.

Россия не впервые в своей истории сталкивается с крымским пространством в качестве объекта интеграции, и исторический опыт, его технологическое измерение являются функциональным для настоящего политического периода. К моменту присоединения Крыма, 8 апреля 1783 г., Россия уже обладала многовековым опытом интеграции обширной территории с мусульманским населением. По мнению крымского исследователя А. А. Ирхина, присоединение Крыма и иные территориальные приращения Екатерины II стали возможными благодаря тому, что Запад был разобщен и занят внутренними конфликтами между ведущими державами – Францией и Англией, занятых переделом мира вне Европы. Континентальными же делами занимались Россия, Пруссия и Австрия [4]. Поэтому у России появилась объективная возможность территориального расширения на Запад в географических рамках Балто-Черноморской дуги. Именно в этой дуге проходит исторический и цивилизационный спор о границе России и Европы.

Внутренние и внешние причины способствуют тому, что процесс интеграции крымских татар в общественное, политическое, экономическое и культурное общероссийское пространство являлся постоянным. В XIX веке Россия начинает активно и успешно применять технологии «мягкой силы» посредством первой тюркоязычной газеты Российской империи «Переводчик-Терджиман». Начало издания было приурочено к 100-летию присоединения Крыма к России [5, с. 7]. Периодическое издание публиковалось с 1883 по 1918 гг., его формат был информационно-просветительский, в нем освещались все наиболее яркие и важные события конца XIX – начала XX веков [8].

Издателем-редактором данной газеты являлся И. Гаспринский. В историографии существуют противоречивые сведения относительно политических взглядов данной исторической личности. Это объясняется тем, что историческая наука – поле информационной войны. При этом «сам исторический процесс, сама история как наука находится в методологических рамках интерпретации, которые существенно варьируют возможности получения трактовки и прикладного применения исторических знаний. Кроме уже хорошо разработанных принципов исторической науки: историзма, объективности, альтернативности, можно выделить три закона исторической науки: 1) история является основой любой политической идеологии; 2) историю пишут победители, т. е. элита, которая победила в политической борьбе с внешними или внутренними конкурентами; 3) нет предела интерпретации исторического факта» [3].

Что касается И. Гаспринского, то в работах, опубликованных до 1991 года, утверждалось, что по своим убеждениям он являлся «общероссийским патриотом» и выступал за сближение всего Востока с Россией [5, с. 7]. В исследованиях, публикуемых с 1992 года, И. Гаспринский уже демонстрируется как борец с российским

самодержавием [1; 6; 9]. При изучении первоисточника «Переводчик-Терджиман» не было выявлено подтверждений последней концепции.

Благодаря изданию «Переводчика», И. Гаспринский получил возможность доведения своих взглядов до широкого круга общественности (реформация образования, идеи просвещения), а правительство в свою очередь посредством газеты и авторитетной личности издателя применяло методы интеграции крымско-татарского этноса в общеимперское пространство. Одним из методов влияния, применяемых в «Переводчике», являлись филологические технологии. Это прослеживается в первом номере газеты. Так, редакция отмечала, что: «Русский текст соотнобщается с оборотами тюркской речи» [7, с. 1].

И. Гаспринским была определена цель газеты как посредника между мусульманской и русской общинами: «“Переводчик” будет служить проводником трезвых, полезных сведений из культурной жизни в среду мусульман и обратно знакомить русскую с их жизнью, взглядами и нуждами» [2]. На основании данного тезиса можно предположить, что именно с помощью газеты российское правительство получало опыт взаимодействия с крымскими татарами, а с другой стороны, ресурс для интеграции крымских татар в общероссийское пространство.

На основании исследования материалов «Переводчика», носящих общественно-политический характер, целесообразно выделить следующие аспекты интеграционных технологий, которые доводились до крымско-татарского этноса посредством газеты и системно отображались на страницах периодического издания:

- 1) авторитетная личность в роли проводника взглядов российского правительства и издателя-редактора газеты;
- 2) демонстрация и популяризация мирного проживания мусульман и христиан в рамках России;
- 3) демонстрация авторитета власти Верховного правителя России и привилегированного положения крымских татар на территории Российской империи;
- 4) предупреждение и урегулирование межнациональных конфликтов на территории Крыма, и пропаганда межнационального мира по всей Российской империи;
- 5) воспитание чувства патриотизма к России, популяризация идей государственной принадлежности к великой российской державе;
- 6) доведение до крымско-татарского населения распоряжений и нововведений российских властей;
- 7) повышение уровня образования крымских татар на основе общеимперского стандарта, популяризация русского языка;
- 8) пропаганда повышения уровня светского образования и наделения административными функциями представителей высшего духовенства Крыма;
- 9) критика турецкого государства, которое стояло на ступень ниже в сфере образования и печатного дела;
- 10) демонстрация России как передового цивилизационного центра, наиболее приемлемого для жизни мусульман, в сравнении с европейскими странами;
- 11) пропаганда военно-политического альянса между Турцией и Россией в противовес политике западной цивилизации, которая, пытаясь использовать

этническую и религиозную близость крымских татар и турок, стремилась столкнуть интересы Османской и Российской империй в Крыму;

12) демонстрация активного участия крымско-татарского этноса в общественно-политических событиях страны.

Изучение периодического издания позволило выявить, что правительство применяло системный подход в отношении интеграции крымских татар в общеевропейское пространство. Данный процесс был перманентным в силу деятельности ведущих держав западной цивилизации и Турции и внутренних объективных причин: большая площадь, низкая плотность и мультикультурный состав населения России. Сама газета являлась технологией – совокупностью методов, процессов и материалов, используемых для интеграции крымско-татарского этноса в общероссийское пространство.

1. Аблаев Э. А. Исмаил Гаспринский – гуманист, педагог, просветитель. Симферополь: Таврия, 2010. 156 с.
2. Вопрос просвещения русских мусульман // Переводчик. Бахчисарай, 1883. № 23. С. 45–46.
3. Ирхин А. А. Проблемы методологических подходов к пониманию российской истории. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/5219.html>
4. Ирхин А. А. Россия и Запад: методологический уровень конкуренции. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/geopolitics/5221.html>
5. Исмаил-бей Гаспринский (Гаспралы): из наследия / сост. Ю. Кандымов и др. Симферополь: Таврия, 1991. 64 с.
6. Исмаил Гаспринский – великий просветитель / сост. Ф. Зиядинов. Симферополь: Тарпан, 2001. 256 с.
7. От редакции // Переводчик. Бахчисарай, 1883. № 1.
8. Сеитмететова С. А. Жанры и типы публикаций в газете «Терджиман» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2008. № 1. С. 43–51.
9. Червонная С. М. Идея национального согласия в сочинениях И. Гаспринского // Отечественная история. 1992. № 1. С. 158–165.

1. Ablaev E. A. Ismail Gasprinskii – humanist, pedagog, prosvetitel'. Simferopol': Tavriya, 2010, 156 p.
2. Vopros "prosveshcheniya russkikh" musul'man". *Perevodchik*. Bakhchisarai, 1883, no. 23, pp. 45–46.
3. Irkhin A. A. Problemy metodologicheskikh podkhodov k ponimaniyu rossiiskoi istorii. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/5219.html>
4. Irkhin A. A. Rossiya i Zapad: metodologicheskii uroven' konkurentsii. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/geopolitics/5221.html>
5. Ismail-bei Gasprinskii (Gaspraly): iz naslediya, sost. Yu. Kandymov i dr. Simferopol': Tavriya, 1991, 64 p.
6. Ismail Gasprinskii – velikii prosvetitel', sost. F. Ziyadinov. Simferopol': Tarpan, 2001, 256 p.
7. Ot "redaktsii". *Perevodchik*. Bakhchisarai, 1883, no. 1.
8. Seitmemetova S. A. Zhanry i tipy publikatsii v gazete «Terdzhiman». *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. Simferopol', 2008, no. 1, pp. 43–51.
9. Chervonnaya S. M. Ideya natsional'nogo soglasiya v sochineniyakh I. Gasprinskogo. *Otechestvennaya istoriya*. 1992, no. 1, pp. 158–165.

**POLICY OF INTEGRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE CRIMEA (NINETEENTH CENTURY)**

N. E. Demeshko

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadskii
Simferopol, Russia*

The subject of this article is a complex research of methods of integration of the Crimean Tatars into the Russian space in the nineteenth century. In the centre of research is the Crimean Tatar newspaper “Perevodchik-Terdzhiman”, which is used as a source of study of integration mechanisms and imperial technologies of governing this territory at the end of the nineteenth century. The revealed historical experience can be used in the present-day integration of the Crimea into the all-Russian political, economic and cultural space.

Keywords: Crimea, Crimean Tatars, integration, newspaper, “Perevodchik-Terdzhiman”.

Об авторе:

Демешко Наталья Эдуардовна, магистрант, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, natalidem93@mail.ru

About the author:

Demeshko Natal'ya Eduardovna, master student, Crimean Federal University named after V. I. Vernadskii Simferopol, natalidem93@mail.ru

УДК 821.161.1(1-87)

А. И. КУПРИН О КРЫМЕ

И. Г. Чеснокова

*ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия*

Раскрывается крымская тема в жизни и творчестве русского писателя А. И. Куприна. Приведены сведения о его пребывании в Крыму в разных местах и в разное время, встречах с известными людьми. На основе документальных и художественных источников цитируются впечатления А. Куприна о Крыме. Сделан краткий анализ некоторых произведений А. Куприна, тематически и сюжетно связанных с Крымом.

Ключевые слова: Крым, Балаклава, Мисхор, Ялта, очерк, рыбаки, листригоны.

Крым был неизменной любовью известного русского писателя А. И. Куприна. Как свидетельствуют его воспоминания, он впервые побывал в Ялте весной 1900 года, где познакомился с А. Чеховым, И. Буниным и М. Горьким. Второе посещение писателем этих мест состоялось в апреле 1901 года, когда он почти ежедневно бывал на даче Чехова. С этого времени посещения Крыма стали для Куприна более-менее регулярными. В течение шести лет – до мая 1907 года – писатель посетил многие крымские уголки – Мисхор, дачу Давыдовых, Ялту, Балаклаву, Алушту, Алупку, Гурзуф, Севастополь.

В Крыму Куприн испытывал состояние высокого творческого подъема, здесь он написал многие свои сочинения: «В цирке», «Трус», «На покое», сюжетно эти рассказы с Крымом не были связаны.

В Крыму у Куприна произошло одно знаменательное событие, важное для его творческой жизни: знакомство с Л. Н. Толстым, которого он боготворил и считал самым большим писателем России. Это произошло в Ялте 25 июня 1902 года. Свидетельства этой встречи были подробно описаны им в 1908 году в очерке-воспоминании «О том, как я видел Толстого на пароходе «Святой Николай».

Как пишет Куприн, знакомство длилось всего несколько минут, но он испытал истинное счастье: «...одна из самых радостных и светлых мыслей – это жить в то время, когда живет этот удивительный человек. Что высоко и ценно чувствовать и себя также человеком. Что можно гордиться тем, что мы мыслим и чувствуем с ним на одном и том же прекрасном русском языке. Что человек, создавший прелестную девушку Наташу, и курчавого Ваську Денисова, и старого мерина Холстомера... – что этот многообразный человек, таинственною властью заставляющий нас плакать, и радоваться, и умиляться – есть истинный, радостно признанный властитель. И что власть его – подобная власти бога – останется

навек, останется даже тогда, когда ни нас, ни наших детей, ни внуков не будет на свете» [4, с. 50].

Среди художественных произведений, сюжетно и тематически связанных с Крымом, следует отметить рассказ Куприна «Белый пудель». Рассказ всецело основан на крымских впечатлениях писателя. Куприн хорошо знал двух бродячих артистов – старика с шарманкой и 13-летнего акробата Сережу, которые в сопровождении белого пуделя бродили по Крыму. Они не раз показывали номера в Мисхоре, где летом 1903 года Куприн был с семьей, он сдружился с ними, те ходили к нему в гости домой, Куприн расспрашивал их о жизни. Об этом Мария Карловна Куприна-Иорданская, жена писателя, оставила воспоминания: «В послеобеденное время, около двух часов, заходили к нам на дачу иногда бродячие артисты – старик с шарманкой, лет тринадцати мальчик Сережа, акробат, и с ними дрессированный белый пудель. Как только раздавались звуки шарманки, к нашей даче стягивались зрители – турки-каменщики, работавшие на соседней даче, няньки с детьми с других дач и просто случайные прохожие.

После представления старик получал деньги, и Александр Иванович звал их обедать на террасу около кухни. Но они брали миски с едой и располагались под деревьями на берегу Салгирки. Старик был неразговорчив и старался говорить о себе как можно меньше. Зато Сережа охотно делился своими планами. В длинных путешествиях по Крыму они доходили до Одессы. Там удалось Сереже однажды побывать в цирке, и с тех пор он мечтал выучиться и стать настоящим акробатом. Рассказывал он Александру Ивановичу и о том, как одна богатая барыня непременно требовала, чтобы ей продали пуделя, который очень понравился ее мальчику.

– Но разве можно остаться нам без пуделя? Дедушка отказался отдать собаку. Барыня очень обозлилась на нас. Мы боялись, что она донесет в полицию да еще скажет, что мы что-нибудь у нее украли, – рассказывал мальчик, – Поэтому мы ушли скорее из города» [5, с. 160–161].

Оттолкнувшись от реальных прототипов и достоверных фактов, писатель создал превосходный рассказ о жизни и судьбе маленьких обездоленных людей. Рассказ глубоко человечен, проникнут искренним чувством любви к героям. Он является характерным купринским произведением.

В письме к Пятницкому в августе 1905 года он пишет: «В середине августа я везу семью или в Крым, или за границу» [1, с. 2]. За границу он не уехал, а в конце августа обосновался с семьей в Крыму, в Балаклаве, где прожил до середины декабря, сдружился с рыбаками, бывал с ними в море. В октябре 1905 года Куприн ездил из Балаклавы в Севастополь, выступал там с чтением отрывков из повести «Поединок». 14 октября он познакомился с лейтенантом П. Шмидтом, который вскоре возглавил восстание на «Очакове». Во время восстания 11–15 ноября Куприн ежедневно бывал в Севастополе. На его глазах были расстреляны восставшие моряки, сотни безоружных людей. Под впечатлением виденного он написал свой очерк-памфлет «События в Севастополе» (1 декабря 1905 года). Он заклеил позором вице-адмирала Чухнина, помогал оставшимся матросам укрыться в деревне Чоргунь, спас их. Эту историю он художественно опишет в рассказе «Гусеница» Вмешательство послужило причиной насильственной высылки писателя из Балаклавы в декабре 1905 года. Здесь у него был участок земли, где был посажен

виноград, недостроенный дом, но, вернувшись через год без разрешения властей, вынужден покинуть Балаклаву по предписанию полицейского пристава. Письмо к Ф. Д. Батюшкову от 21 сентября 1906 года он заканчивал следующим шутиливым восьмистишием:

В Балаклаву, точно в шелку,	Не успел кусок кефали
В середине сентября,	С помидором проглотить,
Я приехал втихомолку,	Как меня уж увидали
Но приехал зря!	И мгновенно – фить!

Эти стихи впервые были приведены в заметке В. Регинина «Встречи» [6].

А. Куприн написал еще несколько произведений о Крыме: «В Крыму» («Меджит»), «Легкие нравы» – о бытовой распущенности сытой дачной публики.

В произведениях 1920–1930-х годов в цикле миниатюр «Рассказы в каплях» (1929), в произведении «Рассказ о рыбке «раскасс» (1931) писатель передал самые разнообразные крымские зарисовки.

Но самым значительным произведением А. Куприна о Крыме, на наш взгляд, были очерки «Листригоны» о балаклавских рыбаках. Может быть, именно поэтому памятник А. Куприну установлен именно в Балаклаве на городской набережной в 2009 году по инициативе скульптора С. Чижа (1935–2008), который прославился своим памятником Екатерине Второй в Севастополе. За спиной бронзового Куприна – здание бывшей гостиницы «Гранд-отель», возведенной в 1887 году, где Куприн останавливался с семьей. У ног писателя – стопка книг. Он с тросточкой опирается на кованую ажурную решетку балаклавской набережной.

«Листригоны» – это восемь очерков, написанных в разное время, с 1907 по 1911 год, в которых необычно и доподлинно представлен труд, в лоне и по законам самой матери – природы. Современная Куприну критика сочла очерки большим художественным достижением писателя: «Настоящим показал себя Куприн и в «Листригонах». Жадный искатель впечатлений, охотник и любитель души дикаря, он нашел в балаклавских греках не только роскошную пищу для своей могучей этнографической наблюдательности, не только родственные души удальцов, соединивших безудержность первобытной природы с хитростью старого купеческого племени: здесь Куприн нашел еще превосходную точку опоры для своей жажды преувеличения... в этом нет ничего дурного – надо только помнить... что этот реалист имеет на своей палитре краски романтика и охотно пользуется их переливами...» [4, с. 500–501]. [Цитата приведена со ссылкой на «Русское богатство», 1909, № 9.]

В «Листригонах» изображены потомки древних греков, живущие в Балаклаве, отъединенно, по представлению автора, от любых общественных событий. Куприн, однако, затрагивает в очерках некоторые исторические явления, но так, как будто они целиком зависели от внутреннего состояния балаклавских рыбаков. В очерках возникает единственное в своем роде сообщество людей, обусловленное лишь их врожденными и воспитанными опасным морским ремеслом способностями и стремлениями. Куприн поэтизирует лучшие черты народного характера. Куприн мореходов Балаклавы называет потомками «кровожадных гомеровских листригонов», т. е. усиливает до мифологических размеров человеческое мужество. Куприн находит прямого антипода своим героям – временных крымских жителей – дачников. Чтобы усилить их несовместимость, автор начинает повествование концом октября, когда «дачников и в помине нет». «Последние курортные

гости потянулись в Севастополь со своими узлами, чемоданами, корзинами, баулами, золотушными детьми и декадентствующими девицами ... И сразу в Балаклаве становится просторно, свежо, уютно и по-домашнему деловито, точно в комнатах после отъезда нашумевших, насоривших непрошенных гостей» [3, с. 278] Здесь «дачники» даются Куприным в горьковском понимании этого слова, т. е. как сосредоточие черт эгоизма, паразитизма, приспособленчества обитателей обычно несостоятельных городов. Освобождение от таких посланцев традиционного общества позволяет показать поэзию «листригонов» особенно широко.

Характерны зачины и концовки очерков. Они содержат «вдохновенный гимн жизни». Каждый из очерков обязательно несет в себе что-то радостное, оптимистичное. Во вступлении и в финале каждой части цикла Куприн откровенно славит смельчаков, ежедневно сражающихся с морской стихией, освещая широту, щедрость их души, «удаль молодецкую». Автор восхищается детьми природы. Куприн знакомит нас с некоторыми из «балаклавцев»: Юрой Паратино, Костей Констанди, Ваней Андруцаки и другими. Все они дополняют друг друга, т. к. обладают прежде всего общим началом. «Юра Паратино – не германский император, не знаменитый бас, не модный писатель, не исполнитель цыганских романсов», между тем он известен в этих местах не меньше, так как «просоленный и просмоленный грек» обладает редким мужеством и молодечеством. У Юры «бычья шея, темный цвет лица, курчавые черные волосы, усы, бритый подбородок квадратной формы..., тонкие, твердые, энергично опускающиеся углами вниз губы» [3, с. 281].

А. Куприн пишет о рыбаках: «О, милые простые люди, мужественные сердца, наивные первобытные души, крепкие тела, овеванные соленым морским ветром, мозолистые руки, зоркие глаза, которые столько раз глядели в лицо смерти, в самые ее зрачки» [3, с. 296].

С большой любовью Куприн описывает борьбу Вани с белугой: «Это была страшно быстрая и точная работа, которая не всегда заканчивается благополучно» [3, с. 292]. Куприн подчеркивает какую-то легкость и дерзость в поведении. И еще одно важно: купринские рыбаки не хвастали своими победами: о победах в море рыбаки «рассказывали отрывками, нехотя, вскользь» [3, с. 299].

Куприн неоднократно оттеняет столь характерное для них – дружбу, солидарность между рыбаками. Никто не мог спать, когда исчез Ваня Андруцаки, все принимали посильное участие в поисках: старики, молодые, женщины и дети... «Проснулась древняя, многовековая спайка между людьми, кровное товарищеское чувство, так мало заметное в будние дни, заговорили в душах тысячелетние голоса прапращуров, которые задолго до времени Одиссея вместе отстаивались от боры в такие же дни и в такие же ночи.

Никто не спал. Ночью развели огромный костер на верху горы, и все ходили по берегу с огнями, точно на пасху. Но никто не смеялся, не пел, и опустели все кофейни» [3, с. 299].

Не были в стороне рыбаки и моменты «героические» – во время севастопольской осады. «До сих пор балаклавские греки убеждены, что только благодаря стойкости их собственного балаклавского батальона так долго продержался Севастополь. Да! В старину населяли Балаклаву железные и гордые люди» [3, с. 301].

Листригоны Куприна живут напряженным и естественным трудом. И это самое яркое их проявление. Им чужда одухотворенность и утонченность.

Представления о мире простых рыбаков узки, однообразны. В детях природы Куприн подчеркивает не ум, не интеллектуальность, а образность видения, тяготение к легенде, одухотворяющей природу. Атаман рыбацкого баркаса Костя Констанди учит героя-рассказчика обычаям и суевериям во время ловли, именно он рассказывает апокрифическое сказание о господне-рыбе, о Летучем Голландце, о морском змее «в версту длиной». Раскрывается сила эмоций скромного немудреного человека.

Как и в других рассказах Куприна, природа – действующее лицо. Многие страницы очерков посвящены ей, гордой, величественной, которая для рыбаков и мать родная и мачеха. Она и награждает, и испытывает храбрцов, потому и представлена в разных состояниях: в период затишья, в бурю, в разные времена года: осенью, зимой. Прекрасно море тихой осенней ночью: «...все море горит огнями. На гребнях маленьких, чуть плещущих волн играют голубые драгоценные камни. В тех местах, где весла трогают воду, загораются волшебным блеском глубокие блестящие полосы... Сегодня – одна из тех волшебных ночей, про которые рыбаки говорят: «Море горит!..» [3, с. 286]. В одном из очерков автор описывает бору: «...яростный таинственный ветер, который рождается где-то в плешивых, облезлых горах около Новороссийска, сваливается в круглую бухту и разводит страшное волнение по всему Черному морю. Сила его так велика, что он опрокидывает с рельсов груженные товарные вагоны, валит телеграфные столбы, разрушает только что сложенные кирпичные стены, бросает на землю людей, идущих в одиночку». [3, с. 296–297]. Вот она – стихия! Но чем более разворачивается она, тем более крепнут души и руки тех, кто «в обнимку» с бурей вершит свое дело. У Куприна отражено не фигуральное, а прямое слияние с природой, ощущение ее близкой, живой, но суровой матерью.

Автор «Листригонов» – чужой балаклавцам человек, но он целиком сопричастен их горестям, радостям, труду и развлечениям, поэтому он поет гимн смельчакам. У Куприна – романтизированные очерки. Он отходит от многих конфликтов (ведь вряд ли в реальности рыбаки были столь свободны, так выключены из социальной действительности). Здесь – исток романтизации. И одновременно «Листригоны» – очерки, т. е. постижение жизненных лиц и событий. В реальной обстановке существования специфической группы людей выделено то, что сознательно возвышается чуть ли не до легенды. Куприн творит поэтическую сказку на реальном материале, сказку о якобы возможном внесоциальном бытии, начисто будто отторгнутом от любых общественных противоречий.

Своеобразным продолжением очеркового цикла «Листригоны» является написанный в эмиграции очерк «Светлана» (1934), воскрешающий трудовые будни балаклавских рыбаков.

Именно романтизированные произведения Куприна свидетельствуют о том, что он следовал священным для себя заветам: «открыть землю, небо, людей», соединяющему миллионы душ призыву: «Смотрите, как лучезарно прекрасен и как велик человек!». Так Куприн откликнулся на вопросы своего противоречивого времени.

1. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. 1883–1907. Мн.: Изд-во БГУ, 1983. 351 с. Цитата из письма приведена Ф. Кулешовым со ссылкой на ИМЛИ. Кн. П – 686, № 56551.
2. Куприн А. И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1970–1973. Т. 3.
3. Куприн А. И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1970–1973. Т. 5.
4. Куприн А. И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1970–1973. Т. 9.
5. Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М.: Худ. лит., 1966. 384 с.
6. Регинин В. Встречи с А. И. Куприным // Биржевые ведомости. 1908. 22 января, № 10313.

1. Kuleshov F. I. Tvorcheskii put' A. I. Kuprina. 1883–1907. Mn.: Izd-vo BGU, 1983, 351 p. Tsitata iz pis'ma privedena F. Kuleshovym so sсыlkoй na IMLI. Kn. P – 686, no. 56551.
2. Kuprin A. I. Sobr. soch.: v 9 t. M.: Khud. lit., 1970–1973, t. 3.
3. Kuprin A. I. Sobr. soch.: v 9 t. M.: Khud. lit., 1970–1973, t. 5.
4. Kuprin A. I. Sobr. soch.: v 9 t. M.: Khud. lit., 1970–1973, t. 9.
5. Kuprina-Iordanskaya M. K. Gody molodosti. M.: Khud. lit., 1966, 384 p.
6. Reginin V. Vstrechi s A. I. Kuprinym. *Birzhevye vedomosti*. 1908, 22 yanvarya, no. 10313.

WORKS OF A. I. KUPRIN ON THE CRIMEA

I. G. Chesnokova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

The article analyses the subject of the Crimea region in the works of the Russian writer A.I. Kuprin. The author provides the information on Kuprin's stay in the Crimea at different times and his meetings with a number of famous people. The cited documentary and literary sources give the reader an idea of Kuprin's impressions on the Crimea.

Keywords: The Crimea, Balaklava, Miskhor, Yalta, essay, fishermen.

Об авторе:

Чеснокова Инна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, ffg@marsu.ru

About the author:

Chesnokova Inna Gennad'evna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, ffg@marsu.ru

УДК 821.161.1(1-87)

**ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ И. С. ШМЕЛЕВА
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ИВА ЖАНТИЙОМА-КУТЫРИНА)**

Е. П. Серапионова

*Институт славяноведения Российской академии наук,
МГИМО (Университет) МИД РФ, Москва, Россия*

В статье, основанной на воспоминаниях внучатого племянника и письмах И. С. Шмелева к нему и его матери, рассказывается о характере, привычках, взглядах русского писателя, чье творчество непосредственно связано с Крымом. В Алуште уже более 20 лет существует музей И. С. Шмелева, и проводятся научные конференции, посвященные его наследию.

Ключевые слова: Крым, Алушта, музей И. С. Шмелева, его жизнь и творчество в эмиграции, отношения с А. И. Деникиным и другими русскими эмигрантами.

В Крыму, в Алуште, есть музей русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева. Это неслучайно. В июне 1918 г. писатель с женой и сыном приехал из Москвы в Алушту, где приобрел небольшой участок земли и поселился. Но и там Шмелевых «догнала» Гражданская война, отнявшая у писателя единственного сына Сергея, который как белый офицер был расстрелян в Крыму. Именно крымские воспоминания легли в основу, пожалуй, самого пронзительного произведения Шмелева – «Солнце мертвых». Директором музея является В. А. Цыганник, настоящий подвижник музейного дела, человек активный и неравнодушный, сумевший организовать и практически ежегодно более 20 лет проводить так называемые Шмелевские чтения – международный форум ценителей и знатоков творческого наследия писателя. Основные участники чтений, конечно же, филологи, но и историки, в основном занимающиеся проблемами русской эмиграции, почти с первых лет проведения этой научной конференции являлись и являются ее участниками.

Литературоведы исследуют биографию писателя, его произведения, пытаются оценить авторский талант. Историки сосредоточиваются на личности Шмелева, стараясь показать ее на историческом фоне: в отношениях с родными, близкими, друзьями и знакомыми. Они исследуют роль писателя в общественном сознании, его жизненную позицию и взгляды.

XXII Шмелевские чтения, состоявшиеся в сентябре 2015 г., о многом говорят. Шмелев – писатель, чье творчество было широко известно в дореволюционной России, но стало активно изучаться лишь с начала 1990-х годов из-за его резко антибольшевистской позиции. Правда, благодаря ни на кого не похожей манере письма, яркому, образному языку, Шмелев вновь быстро завоевал популярность,

его сочинения издаются достаточно большими тиражами. И, несмотря на обилие литературы о нем, личность писателя не перестает вызывать интерес. В 2011 году в издательстве им. Сабашниковых Российским фондом культуры изданы воспоминания внучатого племянника и крестника Ивана Сергеевича Шмелева – Ивистиона Жантийома-Кутырина, родившегося в Париже в 1920 г. и, можно сказать, воспитанного в семье Шмелевых. Конечно же, воспоминания – вещь сугубо субъективная, но, дополненные эпистолярным наследием (сохранившимися и изданными в той же книге письмами Шмелева и его супруги Ольги Александровны к племяннице Ю. А. Кутыриной и ее сыну И. Жантийому-Кутырину), вполне могут стать источником для небольшого наброска к портрету, скорее, даже не писателя, а человека, обогатить его образ любопытными деталями.

Первое, что характеризует этого человека и о чем пишет Жантийом-Кутырин, – это необыкновенная доброта и мягкость. Испытав на себе «спартанское» воспитание с нередкими порками за шалости в детстве (о своем детстве И. С. Шмелев вспоминал в письме к крестнику: «Я в твои годы (в 10 лет. – Е. С.) целыми страницами писал, а читал столько, что тебе и не поднять, – такие толстые книги! И на все время было: и с мальчишками играл-дрался, и в училище бегал, и к Троице пешком ходил, и рыбку ловил, и голубей водил: ни минуты без дела!»), он никогда физически не наказывал своего внучатого племянника, воспитывал в ласке, не обижал, но давал понять и усвоить, что хорошо, а что плохо [1, с. 110].

Безудержная фантазия Шмелева увлекала ребенка, будила его воображение, учила мечтать. Выразительный голос Шмелева и его рассказы хорошо запомнились Иву и воспроизведены им через много лет. Шмелев, по словам Жантийома, обладал невероятной памятью и мог наизусть цитировать отрывки на латыни из «Войн Цезаря с галлами». Так как Шмелев был замечательным чтецом, его часто приглашали выступать на различных литературных вечерах, где он читал отрывки из своих произведений. Иву старались привить любовь и к русской, и к французской литературе, знакомя с ними в оригинале. Дома использовали домашний язык, так называемый идиолект, понятный только для членов семьи [1, с. 11–13].

Лишившись в 1921 году единственного сына-офицера, расстрелянного в Крыму, Шмелев относился к Ивушке как к собственному ребенку, часто играя с ним и одновременно обучая, как коптить рыбу на костре, мастерить лук из дубняка, делать стрелы с выемкой для тетивы, разжигать костер. Погибшего от рук большевиков Сережу никогда не забывали, он как бы постоянно присутствовал в семье, Иву ставили его в пример.

Судя по воспоминаниям, и еда (клюквенный кисель, гречневая каша, суп из сушеных белых грибов, маринованные грибы, соленые рыжики, пирожки с вязигой, блинчики), и игры (скажем, в бабки) были в семье типично русскими. Все русское культивировалось и сохранялось за рубежом, в этом выражалась и тоска по Родине, и желание сохранить собственный уклад, свою культуру, обычаи, традиции. Заботясь о крестнике, Шмелев хотел сделать из него честного русского человека для будущей России, в которую он верил. В письме Ивана Сергеевича племяннице жены Ю. А. Кутыриной есть такие строки: «Придет срок – и Россия получит полное удовлетворение, присущее ей место и уважение в мире, – будет увенчана. Без нее миру – не жить в мире» [1, с. 146–147].

Быть крестным отцом для него, человека верующего, не было пустым словом, он воспринимал это как большую ответственность перед Богом [1, с. 146–147]. Чета Шмелевых была очень религиозной, отмечали все православные праздники, соблюдали посты, исповедовались и причащались. Шмелев подолгу беседовал на религиозные темы с богословом А. В. Карташовым.

Когда-то в подростковом возрасте Шмелев хотел стать оперным певцом, и, хотя его мечта не осуществилась, он очень любил музыку и пел арии из опер, особенно из «Руслана и Людмилы», русские народные песни, приучив петь и крестника, который сам многим позже учил свою жену-итальянку русскому языку через пение русских песен. Песни пели народные, военные, авторские романсы, слова и мотив которых Ивушка запомнил на всю жизнь. Дядя Ваня, как его звал Ив, научил его «Гаудеамусу», песням о гибели крейсера «Варяг» и многим другим. Он водил крестника на оперу «Жизнь за царя» с участием Ф. И. Шаляпина. Шмелев любил слушать музыку Мусоргского, «Болеро» Равеля. Он рассказывал Иву русские сказки, учил скороговоркам.

Иван Сергеевич очень любил садоводство, занимался огородом, ему нравилось выращивать цветы во время летнего дачного сезона. Выращенные им настурции, душистый горошек, подсолнухи вызывали восхищение соседей. Даже в выборе огородных культур Шмелев, по словам внучатого племянника, предпочитал все русское: «русские огурцы, а не французские хилые корнишоны, ароматный укроп, а не „глупую“ петрушку» и т. п. [1, с. 16]. Глядя на худощавую фигуру писателя, никак нельзя предположить, что тот, оказывается, был большим лакомкой и требовательным гурманом, а его супруга Ольга баловала его вкусной стряпней. Сублищность и болезненный вид писателя объяснялись тем, что он страдал язвой желудка, время от времени едва переносил мучительные приступы. Пережив в Крыму страшный голод, Шмелевы крайне бережно относились к хлебу насущному, особым лакомством был редкий во Франции черный хлеб.

Иван Сергеевич обладал настолько сильным воображением, что во время поездки в Альпы, увидев Ива, стоящим на краю обрыва, упал в обморок, живо представив, что тот уже сорвался и летит в пропасть. Вместе с тем ребенка не растили неженкой, отправляли в мальчишеский военно-спортивный лагерь, где ребята играли в разведчиков, распевали военные песни, маршировали, занимались гимнастикой и овладевали полезными навыками.

В эмиграции Шмелевы жили очень скромно, постоянно нуждаясь в деньгах (в одном из писем Ю. А. Кутыриной он писал: «Веселого мало, печататься негде, но я привык») [1, с. 93], но тем не менее Иван Сергеевич отказался от экранизации своего романа «Человек из ресторана», так как был не согласен с требованиями продюсеров. Его принципиальность подтверждают слова Кутырина: «В области искусства он был непоколебим и не допускал ни малейших коммерческих компромиссов» [1, с. 14].

В Париже Шмелевы жили в 3-комнатной квартире на пятом этаже. Все хозяйские заботы были на супруге Ольге Александровне, а Шмелев обдумывал очередное произведение, а затем печатал его на машинке. Далее читал черновик жене, корректировал текст ручкой, считаясь с ее замечаниями. Он был всецело поглощен литературным трудом, рассматривая его как свое «жизненное задание» свыше и, как сам признавался, «прошел мимо жизни» [1, с. 82]. Писатель ценил спокойную обстановку для работы, свет и тепло.

Рассказывая о человеке, невозможно не коснуться его окружения, знакомых и друзей. «Скажи кто твой друг, и я скажу, кто ты» – определенно, в этой поговорке есть народная мудрость. Ив вспоминает о дружбе Шмелевых и Деникиных, когда обе семьи снимали поблизости дачи в Капрбретоне, Ландах и Аллемонте: ходили друг к другу в гости, устраивали совместные поездки, участвовали в экскурсиях, ходили за грибами и ягодами. Иван Сергеевич и Антон Иванович любили подолгу беседовать друг с другом [1, с. 18]. Ив же в это время играл с дочерью Деникиных Маришей. Шмелевы отличались гостеприимством, нередко к ним на дачу заезжал полковник К. С. Попов, потерявший руку в Первой мировой войне, член Союза русских военных инвалидов, секретарь редакции «Русский инвалид», мемуарист и литературный критик. Дружили Шмелевы и с семьей врача С. М. Серова. Русским врачам, не имевшим французского медицинского диплома, не разрешалось иметь собственную практику, они могли работать только в клинике под ответственность французского врача. Но Серов оказывал помощь больным, в том числе и Шмелевым (Ольга страдала сердечной недостаточностью). Бедных он лечил за гроши и даже бесплатно. Среди знакомых Шмелевых Иву запомнились еще Карташовы и профессор-славист Н. К. Кульман с супругой.

Из писем И. С. Шмелева Ю. А. Кутыриной становится ясно, что он любил детей и природу, обладал чувством юмора и наблюдательностью, был искренне привязан к Ивуну, как он называет его в письмах, очень увлечен работой, хотя нередко бывал разочарован, недоволен сделанным, хандрил, нервничал, чувствовал упадок сил, жаловался на проблемы со здоровьем. Читал «Последние новости», «Звено», но больше ценил и печатался в «Возрождении», считая, что там больше правды о России, чем в «явно враждебном всему нашему, родному, в “Посл. Нов.”» [1, с. 98]. В 1920-е годы еще существовала связь с Москвой, куда Иван Сергеевич планировал послать кому-то новые почтовые марки.

В письмах к крестнику Иван Сергеевич предстает шутливым выдумщиком, относящимся к мальчику скорее как к младшему другу, чем как к ребенку. Шмелев любил все живое – растения, муравьев, птиц, кошек, собак. Он рассказывает о совершенных прогулках, пеших и велосипедных, рыбной ловле, знакомых и соседях. Его письмо к заболевшему Иву пронизано любовью и заботой, с подробными советами, как вылечиться от простуды.

После смерти в 1936 году супруги Шмелев, пытаясь заглушить боль одиночества, много путешествовал: побывал в Латвии, Германии, Чехословакии. Любопытны его воспоминания о поездке в ЧСР. 22 мая 1937 г. он пишет крестнику из Ладомировой (православной обители в Словакии): «Милый мой Ивушка, добрался я до тихой обители... отдыхаю в полном покое. В Праге все мои выступления прошли при переполненных залах, в громе аплодисментов. Слушали меня 1800 человек. На “Пушкинском” собрании (13-го) весь зал поднялся, – было до 900 человек, – и приветствовал меня... Не думал я, что Прага так восторженно будет принимать меня. Получил и подношения. На вокзал – когда ехал я в монастырь – приехал проводить меня епископ Сергей и одарил куличами и конфетами. Словом – русская победа, полная!» В обители он чувствовал себя очень хорошо, восклицая в письме «Совсем – Россия» [1, с. 122].

Затем письма приходили из разных мест Франции, из Швейцарии, в них он сообщал, что много работает, устал, соскучился по близким и знакомым, что из Парижа

ему никто не пишет. Весной 1938 года из Цюриха Шмелев едет в Прагу, сетуя в письме на усталость от «борьбы с консулами и нансеновские волчьи билеты», затем он еще раз посетил обитель преподобного Иова – Братство преп. Иова Почаевского. На этот раз он в Праге заболел и писал, что это, вероятно, последнее его путешествие. Но после возвращения в Париж, в сентябре 1938 г. совершил новую поездку с С. М. Серовым на юг Франции. Даже находясь на отдыхе, он внимательно следил по газетам за происходившими в Европе событиями, отмечая, что политическое положение крайне обострилось [1, с. 139].

В годы войны И. С. Шмелев жил в Париже, работал. Последнее письмо Иву датировано мартом 1942 года. Оставаясь ярким противником большевиков, считая что «в большевизме гибнет, стирается человеческая личность с ей присущим – духовной свободой», «Шмелев переживал, когда «пинали и унижали» его родину. Он писал, что, несмотря ни на что, гордится, что он русский, – и этот его патриотизм и вера в будущее России, пожалуй, также одна из основных черт его характера и его творчества.

1. Жантийом-Кутырин И. Мой крестный. Воспоминания об Иване Шмелеве. Письма И. Шмелева. М., 2011.

1. Zhantijom-Kutyryn I. Moj krestnyj. Vospominanija ob Ivane Shmeleve. Pis'ma I. Shmeleva. M., 2011.

**THE SKETCHES TO THE PORTRAIT OF I. S. SHMELEV
(FROM THE MEMOIRS OF IVE JANTIJOM-KUTYRIN)**

E. P. Serapionova

*Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
MGIMO MID RF, Moscow, Russia*

The subject of the article is the personality and life of I. S. Shmelev, a Russian writer who was popular before the October revolution. Based on Shmelev's grand-nephew memoirs, the article gives the reader an idea of the writer's main features of character, his life abroad, his views and habits. There is also information about his relations with A. I. Denikin and other Russian emigrants in France.

Keywords: Crimea, I. S. Shmelev's muzeum, emigrant, emigration.

Об авторе:

Серапионова Елена Павловна, доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения Российской академии наук, профессор МГИМО (Университета) МИД РФ, Москва, serapion@hovrino.net

About the author:

Serapionova Elena Pavlovna, Doctor of History, Full Professor, Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, MGIMO MID RF, Moscow, Russia, serapion@hovrino.net

УДК 94(47)"1917/1991"(470.343)

**КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
В МАРИЙСКОЙ АССР В 1944–1956 ГГ.
ДОЛГИЙ ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ В КРЫМ**

Р. Д. Куртсеитов

*Научно-исследовательский институт
Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, Россия*

На основе опубликованных данных и семейных воспоминаний автор рассказывает о судьбе крымских татар, выселенных с Крымского полуострова после его освобождения от фашистов. В центре внимания – судьбы крымских спецпоселенцев на территории Марийской АССР.

Ключевые слова: крымские татары, спецпоселения, депортация, МАССР, леспромхоз.

Насильственные переселения народов и этнических групп накануне и в годы Великой Отечественной войны являются одной из самых трагических страниц истории СССР. 14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». В ней говорилось о том, что «Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Варварской акцией сталинского режима явилось выселение в годы Второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов. В Декларации Верховного Совета СССР 1989 года безоговорочно осуждается практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя...» [1, с. 415–416].

Исследования проблем репрессий по национальному признаку не теряют своей актуальности до сегодняшнего дня, тем более что до сих пор еще не завершился процесс репатриации репрессированных по национальному признаку граждан. В государствах Средней Азии, по данным экспертов, остается около ста тысяч

крымских татар. В настоящее время принимаются государственные нормативные акты по восстановлению прав репрессированных из Крымской АССР – крымских татар, армян, болгар, греков, немцев, и в том числе находившихся на спецпоселении в Марийской АССР.

Цель данной статьи – показать лишь одну из страниц репрессий по национальному признаку через призму человеческих судеб, законодательных и нормативных актов СССР, воспоминаний крымских татар, находившихся на спецпоселении в Марийской АССР, и их потомков.

В 1945 году на спецпоселении в СССР находилось 2 230 500 человек, значительную часть этих людей составлял этнический «спецконтингент», высланный по национальному признаку [2, с. 102]. Крымский «спецконтингент» (крымские татары, армяне, греки, болгары) насчитывали в это время 195 200 человек, высланных в мае-июне 1944 года. К этой цифре необходимо добавить 61 000 немцев, высланных с началом войны (август-сентябрь 1941 г.) из Крымской АССР. Ко времени выселения крымского «спецконтингента» репрессивная машина тоталитарного государства уже имела значительный опыт, приобретенный на Северном Кавказе, в Калмыкии и других регионах страны.

К 9 мая 1944 года Крымская АССР была полностью освобождена от нацистских оккупантов. Длившаяся с конца октября 1941 года оккупация принесла неимоверные страдания населению полуострова. За это время были уничтожены десятки тысяч мирных жителей, более 80 тысяч угнаны в Германию на принудительные работы. Евреев, крымчаков, цыган нацисты уничтожали тотально по национальному признаку. Нацистами было сожжено 127 сел из них 105 крымско-татарских сел предгорной и горной части полуострова, за содействие партизанскому движению. Крымско-татарские села Улу-Сала, Тав-Бадрак были сожжены вместе с населением, сгорели сотни взрослых и детей. В селе Баксан нацистский карательный отряд сжег 11 человек, остальным удалось бежать.

Крымский полуостров с октября 1941 по май 1944 года был ареной постоянных боев. Длительная оборона г. Севастополя превратила в руины не только город, но и прилегающие поселки и села. Морские десанты и тяжелые бои советских войск, партизанское движение на очень ограниченной территории с постоянными ее прочесами немецкими и румынскими войсками, нацистский террор в отношении мирного населения, постоянные облавы и угон населения на работы в Германию, захват и удержание в качестве заложников при размещении немецких военных частей в населенных пунктах делали жизнь людей на оккупированной территории невыносимой.

Одновременно с освобождением полуострова восстанавливалась система управления. Органами НКВД и других структур, как и на всех освобожденных территориях, проводилось выявление тех, кто сотрудничали с оккупационным режимом в различной форме (воевал с оружием в руках, работал в городских управах, на предприятиях, которые все функционировали в годы оккупации, были старостами или полицаями и т. д.). Наряду с этими мероприятиями была проведена перепись населения, как впоследствии выяснилось, чтобы вычислить тех, кого планировалось выселить.

За два дня до полного освобождения полуострова 11 мая 1944 года под грифом «Совершенно секретно» было издано Постановление № 5859 ГКО СССР

«О крымских татарах», в котором говорилось о массовом предательстве крымских татар во время оккупации Крыма. «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпереселенцев в районах Узбекской ССР ... Выселение закончить до 1 июня 1944 года». Формальной основой для данного постановления служила докладная наркома НКВД Л. Берии, основывающаяся на докладной заместителя наркома НКГБ СССР Б. З. Кобулова и заместителя наркома НКВД СССР И. А. Серова, направленной на его имя, датированной 22 апреля 1944 года. Здесь, в частности, указывалось, что «...все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар... 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении ее из Крыма...» [1, с. 121–122].

За несколько дней до выселения 11 тысяч мужчин крымских татар, достигшие совершеннолетия за годы войны, а также те, кто по разным причинам не были мобилизованы в действующую армию летом 1941 г., были отправлены в трудовую армию, для работы на шахтах Подмосковья и Тулы. Из них 3 тысячи были направлены на строительство Гурьевского нефтеперерабатывающего завода в Казахскую ССР.

Общая численность населения автономии составляла 1 126 429 (перепись 1939 г.). Крымские татары насчитывали 218 тысяч человек (19,4 %) населения Крымской АССР. С началом войны было объявлено о мобилизации четырнадцати возрастов, включая рожденных в 1923 году. К середине августа 1941 года из Крыма ушли на фронт 74 240 чел. К этому числу добавим тех, кто проходил срочную службу по довоенным четырем призывам, – 21 тысяча военнослужащих.

Не подлежали мобилизации в Красную армию представители ряда этнических меньшинств – диаспор, чьи материнские государства находились в союзнических отношениях с Германией, или по другим причинам. Крымский историк В. Брошеван в этой связи пишет: «Применительно к Крыму следует отметить, что в соответствии со специальным указом, в РККА не призывались военнообязанные: болгары, греки, иранцы, итальянцы, китайцы, корейцы, латыши, немцы, поляки, румыны, турки [3, с. 126]. Весной 1944 г. после освобождения Крыма от нацистов мобилизовали в действующую армию еще 40 тысяч человек. Не подлежали мобилизации весной 1944 года уже крымские татары и армяне.

Из архивных данных и данных исследований В. Полякова известно, что к началу войны в Крыму проживало только 15 938 крымских татар в призывном возрасте от 18 до 45 лет, к ним необходимо добавить тех, кто проходил срочную службу в рядах Красной армии, а это примерно 4 200 человек. Общая численность крымских татар, мобилизованных только из Крымской АССР, составила 20 138.

После окончания войны в 1945–1946 годах в местах спецпоселений на спецучете состояли 8 995 крымских татар-ветеранов войны, в том числе 524 офицера и 1392 сержанта [4, с. 407–416]. К этому числу необходимо добавить тех, кто не находился на спецучете, а это минимум 3 000, в итоге общая цифра составляет уже почти 12 тысяч человек. Остальные погибли, пропали без вести, попали в плен, на фронтах войны начиная с июня 1941 года и до окончания войны с Японией. С 18 по 20 мая 1944 года, через неделю после освобождения Крыма, ответственный за «очистку» Л. Берия с использованием войск НКВД организовал в самой жестокой форме тотальное выселение крымских татар, в основном

женщин, стариков, детей, инвалидов в республики Средней Азии, Казахстан и на Урал. Выселение производилось с особой жестокостью. Ранним утром 18 мая, еще было темно, по заранее разработанному плану, все населенные пункты были окружены войсками НКВД. По их периметру были установлены станковые пулеметы. В дома спящих, ничего не подозревающих людей, в основном это были женщины, дети и старики, врываются трое вооруженных военных, старший из них зачитывал постановление ГКО на русском языке, который не все понимали. Объявлял, что на сборы дается 15 минут. Разбудить детей, одеть их, собрать больных и немощных стариков за это время в условиях психологического шока было очень трудно. Многие впоследствии вспоминая это утро, изменившее судьбу целого народа, говорили о том, что первая мысль, которая приходила в голову: «Будут расстреливать», и нечего, кроме священной книги мусульман Корана с собой не брали. Солдаты, подталкивая прикладами автоматов, сгоняли людей к кладбищам. Привыкшие за годы войны к расстрелам, люди прощались друг с другом, дети плакали. Мародерство в оставленных домах во многих случаях начиналось уже во время выселения. Во втором пункте Постановления ГКО от 11 мая 1944 г. говорилось: «а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 килограммов на семью». Для сравнения 500 кг – это 10 мешков по 50 кг [1, с. 122–125]. На практике солдаты НКВД в большинстве случаев не позволили взять с собой даже самые необходимые продукты питания, одежду, сотую часть положенного. 20 мая Кобулов и Серов отправили телеграмму Л. Берии, в которой доложили, что операция успешно завершена, последний состав отправлен к местам спецпоселений, выселено и погружено в вагоны 180 014 человек, кроме того, райвоенкоматы Крыма мобилизовали 6 000 татар призывного возраста, которые направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев и 5 000 в распоряжение «Московуголь». Из Крымской АССР была вывезена 191 044 крымских татарина [1, с. 121]. Операция, начало которой было запланировано на 21 мая, а завершение на 1 июня, была начата на три дня раньше – 18 мая – и вместо 10 дней проведена за 3 дня.

21 мая выходит Постановление ГКО № 5937СС, в п. 1 которого говорится «Разрешить НКВД СССР (т. Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленность и леспромхозы Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесиной, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10000 семейств переселяемых крымских татар». Далее в Постановлении говорилось о том, что НКВД СССР в районах размещения необходимо создать спецкомендатуры [1, с. 138]. Кроме вышеназванных областей, в леспромхозы Костромской области было направлено еще 6 347 крымских татар. На 1 января 1953 года в Марийской АССР числилось 7 652 спецпереселенца крымско-татарской национальности. В докладной Л. Берии на имя И. Сталина предлагалось расселить всех спецпереселенцев крымских татар в Узбекской ССР, фактически, кроме десяти областей данной республики, география расселения охватила еще 42 области, края, автономной республики РСФСР и Казахской ССР.

В Марийской АССР расселение спецконтингента осуществлялась по повсеместно принятому принципу – по мере необходимости рабочей силы, в населенных пунктах вдоль железнодорожной линии, где имелись барачные помещения.

Оцепляли от состава необходимое количество товарных вагонов с определенным количеством спецпереселенцев. После долгой дороги в битком набитых товарных вагонах, предназначенных, по воспоминаниям спецпереселенцев, для перевозки скота, без всяких санитарных условий, без еды, без медицинского обслуживания, люди буквально вываливались из них. Они были голодные и истощенные, всех заедали вши. В пути следования только 2–3 раза кормили мутной похлебкой без хлеба. Те, кто смог с собой прихватить съестное, делились с соседями.

В то же время в рассекреченных и опубликованных документах дается информация, сколько продуктов было отпущено для организации питания в пути следования. На каждый состав полагался один врач и два человека младшего медперсонала. Их не было вообще. На больших станциях двери вагонов не открывались. В углу вагона разбивали пол, отгораживали простыней, это место служило туалетом. Составы находились в пути следования от 15 до 25 дней. В них умирали и рождались.

В Марийской АССР спецпереселенцев поселили в бараках на лесоучастках, в так называемых населенных пунктах «10 км», «12 км» (эти наименования связаны были с километрами узкоколейной железной дороги, которую проложили для ведения лесоразработок), поселке Октябрьский и других Суслонгерского леспромхоза. Самыми тяжелыми для физического выживания спецпереселенцев были первые 1,5–2 года. Автору этих строк, сыну спецпереселенцев, с самого детства пришлось слышать воспоминания, рассказы, как своих родителей, так и всех их братьев и сестер, односельчан, о жизни на спецпоселениях в Марийской АССР. Мой отец Куртсеитов Джафер¹ – 1931 года рождения, а мама – Куртсеитова (Мамбетова) Ремзие – 1934 года рождения. В семье отца было 8, а мамы – 5 детей. Мои родители женились в 1956 году. Двое моих старших братьев родились в 1957 и 1958 годах, в их паспорте местом рождения указан «Нас. пункт 10 км».

После отмены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года режима спецпоселений для крымских татар ограничений на перемещение и проживание не было, за исключением «мест, откуда они были выселены», т. е. запрета на возвращение на Родину и прилегающих к Крыму областей Украинской ССР [1, с. 249–250]. Значительная часть спецпереселенцев – крымских татар из Марийской АССР – выехала на освоение целинных земель Казахской ССР, в Акмолинскую (Целиноградскую), Павлодарскую и другие области, а также к своим родственникам в Узбекскую и Таджикскую ССР. До этого в 1948 году из Узбекской ССР в Алма-Атинскую область Казахской ССР переселили

¹ Куртсеитов Джафер (10.04.1931 г. – 24.10.1995 г.) родился в многодетной семье ветерана-инвалида Первой мировой Аблямита Куртсеитова в д. Ени-Сарай Карасубазарского района Крымской АССР, РСФСР. В 13 лет, в мае 1944 г., вместе со всем крымско-татарским народом был выслан из Крыма на спецпоселение. Семья родителей попала в Марийскую АССР, Суслонгерский леспромхоз, где прожила до 1958 года, до отмены режима спецпоселений. В связи с запретом возвращения на Родину Джафер со своими малолетними детьми переехал в Акмолинскую область, а через год в совхоз «Казахстан» Алма-Атинской области Казахской ССР. В этом хозяйстве проработал более тридцати лет, стал одним из лучших виноградарей республики, вырастил шестерых детей. Через 48 лет, в 1992 году, вернулся в Крым в село Аргын (с. Балки) родного района. Умер после тяжелой болезни в 1995 году.

спецпереселенцев специалистов-табаководов, значительную их часть составляли крымские татары, а также греки, болгары. Ими был основан табаководческий совхоз «Чиликский», а в конце 1950 – начале 1960-х развернулось строительство плодородного совхоза «Казахстан» того же района. Со временем они станут самыми передовыми многопрофильными хозяйствами республики. В эти хозяйства стали переезжать сотни семей крымских татар, которые с 1944 и до начала 1960-х годов были на спецпоселении в Марийской АССР, Молотовской, Костромской и других областях, и в том числе те, которые прожили по несколько лет в целинных областях Казахстана. На новом месте все они самостоятельно, за свой счет построили себе жилье. В с. Анатольевка совхоза «Казахстан» 80 % домов было построено крымскими татарами. Были заложены и возделаны тысячи гектаров виноградников и садов. На табачных плантациях совхоза «Чиликский» выращивали крымский сорт «Дюбек».

Здесь в большинстве своем они прожили до середины 1990-х годов. Массовое самостоятельное возвращение в Крым началось с осени 1987 года. Старшее поколение, выселенное из Крыма, покоится на крымско-татарских кладбищах этих совхозов, они не дожили до возвращения. Все долгое время изгнания, длинными зимними вечерами, когда в доме собирались до 20 и более односельчан, с чего бы разговоры ни начинались, все они обязательно заканчивались Крымом. Эти разговоры велись после окончания похорон, различных молебнов, свадеб и других общественных мероприятий крымских татар. С самого детства в моей памяти сохранились такие слова: как «марийский», «марилер» (марийцы), «10-й», «12-й», «октябрьский», «суслонгер», «филипсола», «мочалище», «барак», «комендатура», «комендант», «паек», «карточная система», «кукушка» (паровоз), «марийские леса», «леспромхоз» и другие. И даже вернувшись на Родину в Крым, организовывая ежегодные встречи довоенных односельчан, они не забывают «Марий», в объявлениях о встречах можно прочесть «... и тех, кто был в Марийской АССР». Это время стало частью их жизни. В газетах публикуются воспоминания спецпереселенцев о нахождении в Марийской АССР.

Самыми тяжелыми для физического выживания спецпереселенцев были первые полтора-два года. Это было связано с изменением места жительства, суровыми климатическими условиями в зимний период, отсутствием мужчин, за исключением инвалидов, больных, не пригодных к службе. Все трудоспособные, женщины, подростки работали на участках, где велся лесоповал. Женщины грузили лес на вагоны, подростки работали «сучкорубами», а в теплое время года все работали на лесопосадке. В настоящее время, через более чем 70 лет, на тех лесных участках, где были посажены молодые сосенки, уже ведется новая вырубка леса. Хлебный паек зарабатывался тяжелейшим трудом, иждивенцы получали всего 150–200 г. При отсутствии других продуктов это приводило к истощению и голодным смертям. Иногда поступала иностранная гуманитарная помощь в виде муки, яичного порошка, которую выдавали не полностью, были постоянные обвесы иногда до половины положенного.

Фактором, усугубляющим трагедию целого народа, было и то, что при выселении вместо положенных 500 кг груза на семью, не позволили ничего взять с собой. Последствия такой ситуации можно было легко спрогнозировать. Для сравнения при переселении в 1938 г. корейцев с Дальнего Востока

в Казахскую ССР, им заранее были предоставлены вагоны, каждая семья погрузила свое имущество, продовольствие, инвентарь, семена и так далее. При выселении с Северного Кавказа чеченцев и ингушей им за несколько дней также объявили об этом, люди могли взять с собой наиболее ценные вещи, продукты длительного хранения.

Еще одним существенным фактором, повлиявшим на положение спецпереселенцев, было и то, что им запрещено было самовольно покидать места поселений, т. е. найти другую работу или пропитание в другом месте. Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. констатировал: «В целях укрепления режима поселения ... чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар ... установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд, побег. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ» [1, с. 196–197]. С каждого совершеннолетнего взяли письменную расписку об ознакомлении.

В 1960-х годах национальным движением крымских татар были проведены две самопереписи крымско-татарского народа. В результате анализа всех полученных данных было установлено, что за первые два года от голода и болезней в местах спецпоселений умерло 46,2 % крымских татар. Эти данные, как и более 300 томов документов, начиная с 1956 года (XX съезда КПСС), систематически передавались народными представителями в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, а их копии – в ЦК компартий союзных и автономных республик, в редакции центральных, республиканских газет и журналов, общественности.

При встречах пожилые крымские татары, находившиеся в разных республиках на спецпоселении, начинают вспоминать это время и сравнивать условия содержания. В Марийской АССР не было тотально вымерших семей и тем более жителей целых сел, как это было во многих местах Узбекской ССР, где голод, малярия, тиф, дизентерия и другие болезни унесли жизни многих людей. В трех томах воспоминаний спецпереселенцев крымских татар «Депортация крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было (воспоминания депортированных)» [6], приводятся примеры, когда умерших было некому хоронить, тогда дети рыли неглубокие могилки, в которых хоронили братьев и сестер, ночью шакалы их раскапывали и разрывали трупы. В воспоминаниях спецпереселенцев из Марийской АССР сквозит одна мысль: «нас спасла марийская картошка». Голодные дети и подростки-спецпереселенцы ходили по марийским селам просили милостыню. Из воспоминаний моей покойной мамы: «Чувство голода было всегда, мы детьми думали, наступит ли тот день, когда мы досыта наедемся черного хлеба», ... продукты просить ходила вместе с двумя старшими братьями (они были на год и два старше по 12–13 лет – *Р. К.*). «Братья мне говорили: «Проси ты, ты девчонка тебе не откажут», «все давали по-разному, кто несколько картофелин, кто полведра, а кто-то и целое ведро, редко кто отказывал, но были и те, кто спускал собаку». Отец мамы был инвалидом, у него был искривлен позвоночник, он не мог разогнуться, в его армию не мобилизовали, как трех родных его братьев – Амета, Ваита, Сеттара Османовых. Все братья вернулись с войны инвалидами. Сеттар был на фронте воздушным стрелком, работая на лесоповале в МАССР, получил травму, ему ампутировали ногу.

Мой дед по отцу, Аблямит Куртсеитов, был инвалидом Первой мировой войны. Во время Брусиловского прорыва в Карпатах получил тяжелое ранение в плечо, руку в госпитале в Воронеже ему сохранили, но он не мог ее согнуть. Был награжден, свою награду и фотографию после награждения зарыл во время репрессий 1930-х годов. В честь награжденных в императорской России тогда был дан обед. Серебряный прибор, которым пользовались во время торжественного обеда, каждому был оставлен на память. Как инвалид, он получал пенсию. Родные дяди деда Аблямита – Сейтвели Асан и Ягья Асан – служили в Крымском конном Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полку, воевали в Первую мировую. Еще до Первой мировой рядовой Сейтвели Асан в июне 1901 года был награжден серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте за то, что будучи на посту № 1 во время схода селевого потока, «сохраняя верность присяге», не покинул пост, рискуя жизнью спас штандарт (знамя) лейб-гвардии Крымско-татарского дивизиона, который охранял и сопровождал императорскую семью. Сын Сейтвели Асана – Мурат – в первый день добровольцем ушел на фронт, вернулся живым с войны в 1945 году, жил в г. Волжском, а затем в г. Мелитополе. Двое сыновей Ягьи Асана – Бейтулла и Бенсеит – погибли на войне.

Дед Аблямит на спецпоселении в МАССР из-за инвалидности работал учетчиком. В семье было 8 детей, старший сын Мусин два года был малолетним узником нацистских лагерей в Австрии, после этого его направили на работу на завод, был освобожден советскими войсками, служил в Советской армии, после окончания службы приехал в Марийскую АССР. В феврале 1945 года умерла наша бабушка Амиде в возрасте 42 лет, ее, роженицу, дважды не приняли в медучреждение как спецпереселенку, куда ее возили сыновья-подростки, она родила в бараке девятого ребенка. В бараках были почти голые нары, медицинского обслуживания не было. Вскоре после ее смерти умерла от голода и новорожденная девочка. В шести бараках «нас. пункта 10-й км» не нашлось ни одной женщины, у которой было молоко.

Пережив самую тяжелую зиму, спецпоселенцы весной начали обзаводиться огородами. На участках, которые освобождались от леса, выкорчевывали пни, сажали картофель, на свежей земле он давал хороший урожай. Стали разводить молочных коз, которых зимой держали в бараках. Собирали ягоды в лесах, подростки везли собранные ягоды на станцию Суслонгер на продажу, на вырученные деньги покупали продукты.

Дед Аблямит прекрасно знал Коран, хорошо читал на арабском языке, узнав об этом, за ним приезжали местные жители из татарских сел. Во время войны все жили с верой. Местные жители-мусульмане приглашали читать молитвы, чтобы Всевышний уберег их близких на фронте от смерти. Семьи погибших просили прочесть молитву за упокой своих родных. В знак благодарности давали продукты, это тоже помогало выжить семье. Если кто-то из семи детей начинал слабеть, дед поровну брал у других и таким образом усиливал питание ослабшему. Благодаря деду все его дети выжили, за исключением новорожденной девочки.

Из-за тяжелых условий, отсутствия одежды, обуви многие дети первые годы в местах спецпоселений не могли продолжить учебу, т.к. до этого еще три военных года в оккупации не учились, многие школы не работали. Когда бытовые проблемы были решены, разница в возрасте обучающихся в одном классе местных

учеников и спецпереселенцев становилась очень большой. Из воспоминаний Зубиде Газиевой: «До войны окончила два класса, когда меня привели в школу и посадили за парту в третьем классе, я была старше остальных на пять лет, надо мной все смеялись, таких было много». Большинство из спецпереселенцев, кто начал учиться в школе до войны, среднюю школу после войны не окончили, надо было работать, помогать содержать семьи, поэтому только те, кто пошел в школу после войны, смогли закончить ее и имели возможность поступить в высшие учебные заведения. Для двоих старших братьев мамы и для нее самой среднее образование осталось несбыточной мечтой, а младший брат после окончания школы поступил и успешно окончил Марийский лесотехнический институт, младшая сестра с золотой медалью окончила школу, поступила и окончила Андиганский мединститут.

До отмены режима спецпоселений лишь единицы могли добиться в спецкомендатурах разрешения на выезд на учебу. И после этого многие специальности оставались закрытыми для поступления спецпереселенцев, среди них юридические, исторические, иностранных языков, авиационные, наиболее престижные военные специальности, не говоря о дипломатических и связанных с государственной тайной и безопасностью.

Помимо гражданского населения участь спецпереселенца не обошла стороной и военных, кто с оружием в руках защищал нашу Родину. Часть солдат и офицеров из числа репрессированных народов демобилизовали из армии до окончания войны и отправили в трудовую армию и в места спецпоселений на самые тяжелые работы. Зам. начальника отдела спецпоселений НКВД СССР полковник ГБ Мальцев 10 октября 1944 года докладывал заместителю НКВД СССР Чернышеву: «Демобилизованные из армии спецпереселенцы прибыли к месту расселения в летнем армейском, вполне исправном обмундировании. Работая в лесу без спецодежды, свою одежду и обувь изорвали ... в июле был период, когда кормили исключительно похлебкой из крапивы с небольшой примесью овсяной муки. Стоимость такой похлебки составляла 6 копеек. [...] Одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечены, производят впечатление оборванцев, а между тем многие из них на груди носят ордена и медали» [7, с. 132–134.].

По воспоминаниям отца, о Победе он узнал, когда на станции Суслонгер вместе с другими подростками из бараков гвоздями выковыривали из щелей товарных вагонов зерна пшеницы, которые собирали в мешочки. В это время они увидели мужчину, верхом летевшего на лошади и громко кричавшего: «Победа! Победа!». После Победы в Марийский край стали возвращаться фронтовики, ситуация изменилась. Теперь в лицо боялись говорить: «Предатели», «Крым продали». Фронтовики, как и все остальные, были обязаны раз в месяц отмечаться в спецкомендатуре. В бараках дети играли вместо игрушек их орденами и медалями, никто на это не обращал внимание, они потеряли ценность для тех, кого подло лишили Победы.

Отметим, что крымские татары, ветераны Русско-японской войны, Первой мировой войны никогда плохо не отзывались об императоре Николае II. Наш сосед, трижды раненый ветеран-инвалид Первой мировой Мемедляев Хайбула (дожил до ста лет) много рассказывал о войне, всегда говорил о царе с уважением. Его сын Хайбулаев Садык вернулся живым со Второй мировой, умер от ран в Казахстане.

Ветераны Второй мировой, крымские татары, о Сталине не только ничего хорошего не говорили, а всегда его проклинали.

Когда объявили о смерти Сталина, вспоминал отец, многие из местных жителей плакали, а «мы радовались, у спецпереселенцев появилась надежда на изменения в жизни». Отец рассказывал об этих днях: «Мы, молодежь, все детство и юность которых прошла в бараках и лесах, собрались вместе и пошли в лес и там громко стали на родном языке кричать: «Сдох! Сдох!». Отец вспоминал, что «после смерти Сталина комендантский режим смягчился. В выходные дни мы сбегали из барачных, без разрешения спецкоменданта, садились на проходящие товарные поезда и ехали в Казань. Там бурлила жизнь. Люди, празднично одетые, ходили по улицам, играли на гармонии, пели песни. Было много студентов. Я же ходил по книжным магазинам, покупал школьные учебники, учебники литературы на татарском языке, художественную литературу, хотелось читать, хотя бы на родственном, татарском, языке». Вся литература на крымско-татарском языке после выселения народа из Крыма была насильственно отобрадена и сожжена. Книжки, купленные в Казани в начале 1950-х годов, на татарском языке до сих пор хранятся в нашей домашней библиотеке. Многие стихи Г. Тукая отец знал наизусть. В те же годы он стал увлекаться поэзией, писал стихи на родном языке и записывал их в тетрадях. Только в 1970-е годы он стал публиковать их в литературно-художественном журнале «Йылдыз» («Звезда») на крымско-татарском языке в г. Ташкенте, удивляя пожилых, еще довоенных писателей и поэтов, богатством своего языка, имея за плечами только два класса довоенной школы. Среди наших родственников было трое членов Союза писателей СССР, один из них с довоенным стажем, выпускник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Абдураим Шейх-заде (Алтанлы). Много лет спустя, когда в Алма-Ату на гастроли приезжал театр им. Г. Камала из Казани, артисты театра во главе с Марселем Салимжановым приезжали к нам в гости и отец на татарском языке им читал им стихи Г. Тукая, и в первую очередь «Мое село». Село для отца всегда оставалось символом Родины, и все это передавалось нам, детям.

Память о добром всегда сохраняется. Летом 2015 года в Крыму гостил родственник наших друзей, ныне живущий в г. Волжском Джеппар Аблязов, родившийся, как и мои старшие братья, в «нас. пункте 10 км». Собрались так называемые марийцы. Рассказывали о том, что сейчас на том месте, где были бараки и где хоронили умерших. Среди прочего он рассказал о том, что навещил одинокую женщину – крымскую татарку уже преклонного возраста, которая с семьей после отмены спецрежима, как и небольшая часть крымско-татарских семей, осталась жить в Марийской АССР. Вспоминая прошлое, она сказала: «Мы выжили благодаря селам с этой стороны железнодорожного полотна, вы должны это помнить всегда...». После этой встречи через несколько месяцев она умерла. Почти в каждой семье из бывших «спецпоселенцев» хранятся фотографии той поры. Их очень немного, в основном встречаются снимки с начала 1950-х годов, как правило, на майские и октябрьские праздники, групповые фотографии молодежи.

Сегодня перед исследователями стоит задача восстановить историческую истину, написать правдивую историю о судьбе целого народа, реабилитировать не только в скудных строках государственных постановлений, но и в исторической памяти поколений горькую судьбу крымских татар в середине XX века.

1. Бекирова Г. Т. Крым и крымские татары в XIX–XX веках: сборник статей. М., 2005. С. 132–134.
2. Брошеван В. М. Военная мобилизация в Крыму. Симферополь, 2005. 126 с.
3. Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М.: ИНСАН, 2002.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). ФР–9478. Оп. 1. Д. 377. Л. 8–15.
5. Депортация крымских татар 18 мая 1944 г. Как это было (воспоминания депортированных). Симферополь: Оджакъ, Т. 1. 2004. 252 с.; Т. 2. 2005. 304 с.; Т. 3, 2008. 316 с.
6. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення. (1917–1991). Київ, 2004. 464 с.
7. Поляков В. Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М.: Яуза-пресс, 2011. 448 с.
8. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. оп. 31. Д. 56. Л. 180–206.

1. Bekirova G. T. Krym i krymskie tatory v KhKh–KhKh vekakh: sbornik statei. M., 2005, pp. 132–134.
2. Broshevan V. M. Voennaya mobilizatsiya v Krymu. Simferopol', 2005, 126 p.
3. Bugai N. F. Deportatsiya narodov Kryma. M.: INSAN, 2002.
4. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii). FR–9478, op. 1, d. 377, l. 8–15.
5. Deportatsiya krymskikh tatar 18 maya 1944 g. Kak eto bylo (vospominaniya deportirovannykh). Simferopol': Odzhak", t. 1, 2004, 252 p.; t. 2, 2005, 304 p.; t. 3, 2008, 316 p.
6. Deportovani krim'ski tatar, bolgari, virmeni, greki, nimtsi. Dokumenti. Fakti. Svidchennya. (1917–1991). Kiiv, 2004, 464 p.
7. Polyakov V. E. Strashnaya pravda o Velikoi Otechestvennoi. Partizany bez grifa «Sekretno». M.: Yauza-press, 2011, 448 p.
8. RGANI (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii). F. 5, op. 31, d. 56, l. 180–206.

**THE CRIMEAN TATARS IN THE SPECIAL SETTLEMENTS
IN THE MARI ASSR IN 1944–1956.
A LONG WAY HOME**

R. D. Kurtseitov

*Research Institute of the Crimean Engineering and Pedagogical University,
Simferopol, Russia*

On the basis of printed sources and family memoirs the author studies the fates of Crimean Tatars deported from the Crimean peninsula after its liberation from the fascists. The author focuses his research on the fate of the Crimean settlers on the territory of the Mari ASSR.

Keywords: Crimean Tatars, special settlements, deportation, MASSR, forestry.

Об авторе:

Куртсеитов Рефик Джафарович, кандидат социологических наук, доцент, Научно-исследовательский институт Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, kurtseitov@mail.ru

About the author:

Kurtseitov Refik Dzhafarovich, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Research Institute of the Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, kurtseitov@mail.ru

УДК 94(47)"1917/1991"(470.343)

**КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ – СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ
В МАРИЙСКОЙ АССР В 1940–1950-Е ГОДЫ**

К. Н. Сануков

*ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия*

На основе малодоступных архивных и опубликованных документов воссоздается часть истории организации спецпоселений для крымских татар на территории Марийской АССР в 1944–1956 гг. Освещены правовые аспекты организации спецпоселений, бытовых условий, труда спецпереселенцев – крымских татар в режимных спецпоселках. Показано значение этих поселков в дальнейшем развитии лесозаготовок в Марийском крае.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, Марийская АССР, спецпереселенцы, режимные спецпоселки, лесозаготовки.

В годы Великой Отечественной войны Крым был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Национальная служба безопасности создала «мусульманский комитет», а затем на его базе «татарский комитет», в программу которого входило создание формирований для оказания помощи германской армии. Немецким командованием было набрано около 20 тысяч человек из примерно 200-тысячного татарского населения Крыма. В апреле 1944 года, сразу же после освобождения Крыма, НКВД и НКГБ приступили к «очистке» его территории от «антисоветских» элементов. Практически это обернулось поголовным выселением крымских татар по обвинению в пособничестве оккупантам. Крымская АССР была упразднена, переименована в Крымскую область РСФСР.

Постановления ГКО о выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР принимались 2 апреля, 11 и 21 мая 1944 года.

Основную операцию начали на рассвете 18 мая и провели за 3 дня. По окончательным данным из Крыма были депортированы 191014 крымских татар (более 40 тысяч семей) [5, с. 43]. Большинство из них увезли в Узбекистан. Остальных распределили по регионам России, в том числе в Марийскую АССР. С конца мая по начало июля 1944 года в Марийскую республику были выселены 2066 семей (9061 человек) крымских татар [1, д. 4, л. 36]. 2 июня 1944 года последовало Постановление ГКО о выселении с полуострова армян, болгар и греков. Часть из них (581 человек) была направлена в нашу республику.

Из воспоминаний Амдия Джелялова, опубликованных в 1994 году, возможно восстановить картину переселения крымских татар в Марийскую АССР. Автору

воспоминаний было 13 лет, когда ночью пришли за Джелиловыми сотрудники НКВД и НКГБ и погрузили в товарные вагоны. Амдий с братишкой в ту ночь находились в Ялте у тетки и в вагон с родителями не попали. Тех с другими детьми повезли в Костромскую область, а Амдия с братом, теткой, бабушкой и дедушкой – в Марийскую АССР. 10 дней ехали в битком набитых телячьих вагонах под конвоем. «Лишь на четвертые сутки – баланда, а к концу пути – вши горстями». Потом – конечная станция – город Волжск [4].

Крымские татары, армяне, болгары, греки, прибывшие с Крымского полуострова, в документах фигурируют под общим наименованием «спецпереселенцы из Крыма».

Данный контингент на территорию Марийской АССР прибыл в основном в четыре этапа [1, д. 1, т. 2, л. 114]:

27 мая 1944 г.	эшелоном № 616	семей 810	человек – 2983
29 мая 1944 г.	эшелоном №614	семей 699	человек – 2842
1 июня 1944 г.	эшелоном №606	семей 606	человек – 2670
6 июня 1944 г.	эшелоном № 732	семей 176	человек – 580
всего		семей 2291	человек – 9075

Выселенные из Крыма размещались в лесных поселках, чтобы использовать их на заготовке и вывозке древесины на основе договора ГУПАГА (от 20 февраля 1940 года) с Наркоматом лесной промышленности «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций».

С прибытием крымских татар Наркомат внутренних дел Марийской АССР создал специальный аппарат для их обслуживания – спецкомендатуры НКВД, которые располагались в следующих районах [1, д. 1, т. 2, л. 36–37]:

1. Йошкар-Олинский район – на территории Суслонгерского лестранхоза, где расселено 255 семей (1272 человека) – одна спецкомендатура.

2. Волжский район – в городе Волжске с расселением 245 семей (1495 человек) – одна спецкомендатура.

3. Звениговский район – на участках сплавных контор Малой и Большой Кокшаги с расселением 282 семьи (1253 человека) – две спецкомендатуры.

4. Юринский район – на территории Юркинского лестранхоза с расселением 395 семей (1410 человек) – одна спецкомендатура.

5. Горномарийский район – на территории Волжского и Руткинского лестранхозов с расселением 577 семей (2259 человек) – две спецкомендатуры.

6. Медведевский район – на территории Йошкар-Олинского лестранхоза с расселением 312 семей (1374 человека) – одна спецкомендатура.

В сентябре 1944 года в Наркомате внутренних дел Марийской АССР создан специальный Отдел спецпоселений, который руководил работой по спецпереселенцам.

В условиях продолжающейся войны из фронтовых формирований крымских татар, как правило, убирали в тыловые части (стройбаты). Но некоторые оставались в рядах сражающейся армии, с окончанием войны наступало время и им разделить участь своего народа. Так, например, Селями Алимов из деревни Байдары

Балаклавского района провоевал всю войну на фронте, награжден орденом Красной Звезды и медалями, принят в Коммунистическую партию. В декабре 1945 года прибыл в Горномарийский район на встречу с семьей и здесь был определен на положение спецпоселенца [2, д. 34-9, л. 29].

На 1 января 1948 г. в Марийской АССР находилось спецпоселенцев «из Крыма» – 8079; на 1 января 1952 г. – 8244 человек, на 1 января 1953 г. – 8341 [3, с. 10].

Спецпоселенцы были жестко привязаны к местам размещения и спецкомендатурам. Для них был установлен посемейный и индивидуальный учет.

По-настоящему черными днями для спецпоселенцев стали те, когда им под расписку объявляли Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного места поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указ предусматривал, что на спецпоселении они остаются «навечно, без права возврата к прежним местам жительства». За побег предусматривалось 20 лет каторги. Коменданты спецкомендатур получили инструкции по выполнению Указа. Со спецпереселенцев ими были взяты расписки: «Расписка: Мне, выселенному..., проживающему в..., объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен на спецпоселение навечно без права возврата к месту прежнего жительства и за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ».

Отправка на спецпоселение новых контингентов не прекращалась вплоть до смерти И. В. Сталина. В результате к 1 января 1953 года численность спецпоселенцев в СССР достигла максимальной величины – 2753356 человек, в Марийской АССР – 11112 [3].

Работа по обслуживанию спецпоселенцев, размещаемых с 1944 года на территории Марийской АССР, осуществлялась до июня 1954 года Отделом спецпоселений, который был создан в Наркомате внутренних дел МАССР, а позже – 4-м спецотделением.

На местах поселения спецпереселенцев создавались спецкомендатуры, работники которых были проинструктированы. Также на места спецпоселений были командированы оперативные работники, проведены оперативные совещания с начальниками РО НКВД.

С прибытием спецпереселенцев «из Крыма» была развернута работа по выявлению и разработке «контрреволюционного преступного элемента» среди спецпереселенцев. С этой целью среди спецпереселенцев начали вербовать осведомителей. В период с июня по август 1944 года было завербовано 13 осведомителей, а на 1 марта 1945 года их было уже 138 человек. За это время с их помощью было выявлено и привлечено к ответственности по 58-й статье 53 «антисоветских элемента» [1, д. 4, т. 1, л. 40]. В последующем такая работа приобрела еще больший размах. В «Книге Памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл» опубликованы десятки фамилий крымских татар, репрессированных и впоследствии реабилитированных [6].

Заботой спецслужб была также борьба с побегами спецпереселенцев. С момента заселения по 1 декабря 1944 года бежали из мест поселения 85 человек, из которых 35 человек так и не разыскали [1, д. 1, т. 2, л. 47].

Основными причинами побегов были следующие:

- 1) плохие материальные и бытовые условия, в которых проживали спецпереселенцы;
- 2) желание соединения с родственниками, проживающими в других областях и республиках;
- 3) слабый контроль со стороны спецкомендатур.

Для предотвращения побегов создавалась из спецпереселенцев же «противопобеговая сеть», вербовались группы содействия комендатурам по выявлению и задержанию бежавших, вводилась круговая порука по принципу десятидворок с избранием старших, у которых были отобраны подписки [1, д. 1, т. 2, л. 47].

Представляют интерес заявления спецпереселенцев, которые были донесены агентурно-осведомительной сетью. Так, 2 февраля 1945 года Кара-Ибрагим сказал: «Здесь жить трудно, работа тяжелая, голодно. Нас выслали не за то, что мы немцам помогали, – война здесь ни при чем, – а выслали как нацию, чтобы уничтожить татар». Подобные заявления подтверждают тяжелое положение спецпереселенцев. Шамратова, проявляя недовольство выселением татар из Крыма, одновременно восхваляя жизнь на временно оккупированной немцами территории Крыма, заявила: «Нас, крымских татар, переселили неверно. Мы жили хорошо только в период оккупации немцами Крыма, а при Советской власти хорошей жизни не было. Если бы не возвращение в Крым Красной Армии (похабно выражаясь), то мы бы не страдали. Я 25 лет при Советской власти не жила так хорошо, как жила при немцах 2 года». Османов Осман 1 апреля 1945 года в парикмахерской спецпоселка Шуйка в разговоре о жизни заявил: «Когда немцы находились в Крыму, то в советской печати писали, что немцы грабят местных жителей, отбирают скот, хлеб и имущество. Это неверно, немцы этого не делали, а Советская власть это проводила – брали от нас скот, хлеб, одежду» [1, д. 1, т. 2, л. 29, 63].

Спецпереселенцев с подобными заявлениями брали на учет для дальнейшей разработки.

Отдел спецпоселений МВД МАССР в исполнение Приказа МВД СССР № 00246 от 8 марта 1948 года в своей работе основными задачами ставил [1, д. 6, т. 1, л. 231]:

- 1) установление строгого режима в местах поселений спецпоселенцев, исключая какой бы то ни было возможности побегов;
- 2) организация точного учета, правильного и обязательного трудоустройства спецпоселенцев и административного надзора в местах поселения;
- 3) улучшение жилищно-бытовых условий спецпоселенцев.

Отделом спецпоселений совместно с комендатурами за период с апреля по май месяцы 1948 года по всем спецпоселкам полностью была закончена сверка фактического наличия спецпоселенцев с учетными данными на них [1, д. 6, т. 1, л. 232]. По окончании сверки во всех спецпоселках заведены новые книги учета и внесены соответствующие изменения в картонный учет.

Для установления строгого режима за этот же период по всем спецпоселкам проведены общие собрания со спецпереселенцами, совещания со старшими бараков, на которых им были разъяснены их обязанности и отобраны подписки об их ответственности за личный состав их бараков. Спецкомендатурами были заведены журналы явок глав семей и старших бараков один раз в месяц. Всем

совершеннолетним спецпоселенцам разъяснено «Положение о мере наказаний» в случае совершения побегов, и отобраны от каждого из них индивидуальные подписи.

Для установления контроля за нарушениями режима и трудовой дисциплины коменданты спецкомендатур должны были поддерживать постоянную связь с администрациями предприятий, а также с комендантами общежитий. Производственные бригады и цеха обставлялись агентурой и доверенными лицами, через которых устанавливалось наблюдение за лицами, склонными к побегу. В паспортах спецпоселенцев были произведены отметки с записью «Разрешено проживать только в пределах ... района Марийской АССР», а тем, которые не имели паспортов, – выдавались временные удостоверения.

В целях предупреждения побегов и задержания бежавших спецпоселенцев было организовано круглосуточное дежурство оперативного состава РО МВД по наблюдению за отходящими поездами и пароходами. Добиваясь выполнения Приказа МВД СССР №000246, Отделом спецпоселений МВД Марийской АССР за 1948 год был разыскан 81 бежавший спецпоселенец. По состоянию на 1 декабря 1948 года осталось в бегах: «из Крыма» – 80 человек, из них объявлено во всесоюзный розыск – 27 человек, а остальных – в местный розыск [1, д. 6, т. 1, л. 233].

Практиковались контрольные проверки жилых помещений работниками спецкомендатур путем внезапного обхода квартир выселенцев на предмет установления правильности доклада старших барачников. Для закрытия выходов из спецпоселков и своевременного задержания самовольно отлучающихся велась регулярная работа с имеющимися группами содействия как внутри поселков, так и вне спецпоселков, в которых, по состоянию на 1 января 1950 года, имелось 113 групп содействия с общим числом 539 человек. Группы содействия создавались также в прилегающих к спецпоселкам населенных пунктах. Отдел спецпоселений МВД проводил работу и по соединению разрозненных семей. По состоянию на 20 мая 1948 года общее количество разрозненных семей спецпоселенцев в Марийской АССР значилось в 322 семьи.

С начала расселения спецпоселенцев по 20 мая 1948 года всего выбыло в порядке соединения с семьями в другие области, края и республики «из Крыма» 1352 человека. Крымские татары в основном выехали в Узбекистан, Тульскую и Молотовскую области. За этот же период прибыло спецпоселенцев в Марийскую республику на соединение с семьями, работавшими в лесной промышленности «из Крыма» 1043 человека [1, д. 6, т. 1, л. 70–71].

Спецпереселенцы рассматривались Советским государством как дармовая «рабсила», как эффективная форма пополнения трудовых ресурсов. В условиях Марийской АССР спецпоселенцы привлекались к работам в лесу по заготовке и вывозке древесины в лесотранхозах треста Маритранлес и на Марийском целлюлозно-бумажном комбинате для работы в цехах и на лесной бирже. В Постановлении Совета Народных Комиссаров № 235 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» говорилось следующее: «Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях

и учреждениях. За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются в ответственности в соответствии с существующим законом».

После окончания Великой Отечественной войны перед работниками лесных отраслей была поставлена главная задача – дать стройкам послевоенных пятилеток как можно больше древесины для восстановления разрушенного войной народного хозяйства, строительства жилья, новых предприятий. В исполнение этой задачи важный вклад внесли спецпереселенцы.

В систему Марийского целлюлозно-бумажного комбината прибыли 730 человек трудоспособного контингента, из них на 1 апреля 1945 года были трудоустроены 622 человека, в Маритранлесе из 2565 трудоспособных человек трудоустроены 2232 человека. Для устройства на работу женщин, имеющих детей, на участках были организованы школы и детские сады. Из числа трудоспособных не работали 432 человека.

Основными причинами невыхода трудоспособных спецпереселенцев являлись:

а) отсутствие в достаточном количестве на участках детских учреждений, поэтому трудоспособные женщины, имеющие детей, вынуждены были сидеть дома (например, Волжский леспромхоз);

б) отсутствие в достаточном количестве теплой одежды и обуви для работы в зимних условиях в лесу (например, Юринский леспромхоз);

в) не организованы на участках леспромхозов подсобные цеха, где бы могли работать физически слабые и многодетные женщины.

Некоторые руководители леспромхозов не доверяли материальные ценности спецпереселенцам, снимали их с работы без всяких на то оснований, а на их место ставили людей из местного населения. Также имели место случаи переброски спецпереселенцев с основных работ на малооплачиваемые. Так, в Абаснурском лесоучастке из 69 человек 35 спецпереселенцев систематически перебрасывались с основных работ на сжигание сучьев, очистку дорог и спиливание пней. За сентябрь 1948 года 69 рабочими спецпереселенцами выработано на основных работах только 508 человекоднев, остальное время затрачено на подсобные работы. Факты переброски рабочих с основных работ на второстепенные отмечены также по Волжскому, Руткинскому, Юркинскому леспромхозам треста «Марилес», причем эти работы по своему характеру различны и в значительной степени влияют на выработку норм и заработка рабочих.

Наряду с этим полностью не были изжиты факты обсчета спецпереселенцев и незаконных удержаний при исчислении зарплаты. Так, руководством Абаснурского лесоучастка сплавной конторы реки Малая Кокшага из зарплаты спецпереселенцам за июль 1948 года удержано 3747 рублей, якобы за дрова, полученные спецпереселенцами с дровяных складов лесоучастка на осенне-зимний сезон 1947–1948 гг., тогда как в действительности этого не было.

Часто спецпереселенцам приходилось преодолевать большие расстояния, добираясь до места работы. Так, на лесоучастках «Карачурино», «Пристань Дубовая», «11-й километр» и «Строительство Килемарской железнодорожной ветки» рабочим приходилось ходить на работу на расстояние 10 километров. «... В числе этих рабочих имеются женщины с грудными детьми, за путь следования этим рабочим не оплачивается, и транспорт не предоставляется. Следовательно,

эти рабочие ежедневно на 10 часов оставляют своих грудных детей, в данное время часть из них по указанной причине работу оставили».

ОСП МВД Марийской АССР в своей практической работе, наряду с другими мерами, в качестве одной из задач ставил максимальное трудоустройство выселенцев с учетом их профессии и физического состояния, добиваясь закрепления выселенцев в постоянные кадры. Принудительный труд причудливо дополнялся таким методом стимулирования трудового энтузиазма, как «социалистическое соревнование».

Из отчетов ОСП МВД Марийской АССР видно, что «выселенцы в своем большинстве к труду относятся добросовестно, нормы выработки выполняют и перевыполняют. Широко развернуто социалистическое соревнование между лесоучастками, бригадами и отдельными лицами».

Из доклада о работе 4-го Спецотделения МВД Марийской АССР за 1955 год видно, что «все спецпоселенцы трудоустроены. Лиц, не занимающихся общественно полезным трудом, не выявлено. Имели место факты, когда отдельные спецпоселенцы уклонялись от работы, таких лиц вызывали в спецкомендатуры, беседовали, предупреждали, давали срок для устройства на работу и оказывали помощь через администрацию в трудоустройстве».

Несмотря на все трудности, спецпереселенцы на своей работе добивались определенных высот. Так, по Козиковскому ЛПХ, являвшемуся передовым по тресту «Марилес», 35 спецпоселенцев систематически перевыполняли норму. Бригады лебедчика Ильясова С., электропильщика Ибрагимова Т., машиниста паровоза Аблязова З. держали переходящие Красные знамена. Моторист Сеит-Умеров выполнял норму на 213 %, трелевщики Арифов, Сеитумеров – на 176–218 %. Четырнадцать спецпоселенцам была объявлена благодарность. По Головинскому лесоучастку о лучшем трактористе Веисове Ю. помещена статья в центральной газете «Лесная промышленность», в газете «Марийская правда» помещены статьи о лучших шоферах Абкеримове, Бакалове, Кадырове, Ханбулаеве. По Суслонгерскому леспромхозу спецпоселенец Гафаров Аблямит, член ВЛКСМ, дважды награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР; возчики Симелетдинов Х., его брат Керим, грузчик Сетгаров систематически выполняли норму на 150–200 %. Спецпереселенцы, работая на предприятиях Марийской АССР, внесли существенный вклад в поднятие и развитие послевоенной экономики Марийской АССР.

Деятельность государственных органов подразумевала создание системы спецпоселений, способных обеспечить жизнедеятельность и эффективность труда спецпоселенцев. Но многие подготовительные работы, как правило, оставались на бумаге. Условия жизни на спецпоселениях складывались крайне неблагоприятные. Спецпоселки были отгорожены от остального мира.

Крымские татары, прибывшие в Марийскую АССР, были в основном расселены в общих бараках. Жилая площадь в этих бараках в большинстве своем была не подготовлена. Многим баракам требовался капитальный ремонт, устройство печей, застекление окон и другие работы. Постепенно в общих бараках в 1945 году были устроены комнаты на 1748 семей. Из непригодных бараков производили частичное переселение на вновь организованный участок Пикен-Агур. Но, несмотря на эти меры, 318 семей проживали в общих бараках, часть которых для жилья в зимних условиях была совершенно не пригодна.

К 1 января 1946 года из 1806 семей спецпереселенцев – крымских татар – 177 семей проживали в общих бараках; 47 человек были переведены в другие поселки, в отдельные комнаты с печным отоплением для каждой семьи. Построено 3 дома на 39 семей, также с устройством комнатной системы; переселены из общих барачков в дома с комнатной системой 213 семей; устроена комнатная система в бараках на 1562 семьи.

Но, несмотря на все предпринятые меры, жилищно-бытовые условия были по-прежнему в плохом состоянии. Это показали и результаты обследования, которое проводилось в декабре 1947 года. Так, например, в спецпоселениях Марбумкомбината «жилищно-бытовые условия находились в крайне неудовлетворительном состоянии: жилой площадью обеспечен не весь контингент спецпереселенцев, часть семей проживала на кухнях, а в бараках – чрезмерная скученность (3–4 семьи по 12–14 человек в одной комнате площадью 40–48 кв. м). Мест для хранения дров и овощей большинство семей не имели. Предметами домашнего обихода, а также постельными принадлежностями не обеспечены. В жилых комнатах от чрезмерной скученности царил антисанитария».

13 апреля 1948 года была произведена проверка санитарно-бытовых условий спецпереселенцев, проживающих в спецпоселке Орша Медведевского района Марийской АССР. Там всего находилось спецпереселенцев «из Крыма» – 97 семей, 370 человек, из них: мужчин – 73 человека, женщин – 108 и детей – 189 человек.

В абсолютном большинстве спецпереселенцы были расселены в помещениях барачного типа с переборками из теса, имели по одной комнате на семью, в отдельных случаях в одной комнате проживало по 2–3 семьи. Специальные кухни и сушилки в бараках отсутствовали. В каждой квартире спецпереселенцев были установлены подтопки, где проводились приготовление пищи и сушка одежды после работы.

Спецпереселенцы проживали скученно, жилой полезной площади на человека приходилось 2–3 кв. м., а в отдельных случаях было и меньше. Вся территория лесоучастка «Ошла», подучастков правого и левого тупиков, в особенности около жилых помещений, была засорена в большом количестве навозом, отбросами и другим мусором. Имеющиеся уборные и помойные ямы были не вычищены. В жилых помещениях было грязно, развелись клопы.

У большинства спецпереселенцев лесоучастка не имелось в достаточном количестве нижнего и верхнего белья, одежды и обуви по сезону, ходили оборванными. За отсутствием белья некоторые спецпереселенцы в бане мылись редко. Вошебойка в течение всего 1948 года не работала в связи с отсутствием печи (кирпич от печи был использован для котлопункта).

Заработная плата рабочим-спецпереселенцам выплачивалась нерегулярно, в большинстве своем – в порядке авансирования. Имелся острый недостаток в снабжении печеным хлебом, в особенности иждивенцев. На лесоучастке проживало рабочих и служащих 750 человек, на которых отпускалось хлеба в продажу 400 кг. Из них распределялось для общественного питания через столовую – 30 кг, детскому саду – 13 кг. Остальной хлеб – 357 кг – распространялся не в порядке открытой свободной торговли, а развозился по котлопунктам и баракам для продажи в первую очередь рабочим на производстве (на одну семью

по 2 кг), а то, что оставалось, передавалось многосемейным, детям и другим иждивенцам.

В большинстве своем спецпереселенцы лесоучастка «Ошла» не были обеспечены жестким инвентарем (стулья, табуретки, кровати), домашней утварью (ведра, тазы, умывальники) и кухонной посудой. Абсолютное большинство населения поселка, за исключением нескольких семей, не имело ламп. Они сидели с копилками, а отдельные семьи не имели и таковых.

За период с 1944 года по апрель 1948 года ссуды на приобретение скота и постройку домов по участку «Ошла» спецпереселенцам не отпускались [1, д. 1, т. 1, л. 188].

Самым болезненным вопросом для спецпоселенцев было снабжение продуктами питания, одеждой и обувью. Так, например, с момента прибытия спецпереселенцев – крымских татар – до 1 января 1945 года по Маритранлесу на 2232 работающих было выдано только 1413 пар валенок, 2394 штук ватных фуфаяк. Причем фуфайки и брюки были бывшие в употреблении, и 25 % этих вещей были употреблены как не пригодные для других целей.

В силу необеспеченности теплой одеждой и обувью, часть трудоспособных спецпереселенцев не выходила на работу. Так, в Козиковском мехлесопункте Юркинского ЛТХ 100 трудоспособных спецпоселенцев не выходили на работу по причине отсутствия теплой одежды и обуви.

Спецпереселенцы часто жили голодая. Руководство Маритранлеса и Марбумкомбината часто не выдавало муки и картофеля, согласно постановлениям.

Задержку хозяйственные руководители объясняли отсутствием транспорта, хотя фактически транспорт эти предприятия имели в достаточном количестве.

В целях улучшения материального положения спецпереселенцев, ежегодно проводилась работа по посадке индивидуальных и коллективных огородов и оказания им помощи семенами. Наряду с этим были организованы бригады из домохозяев-стариков и подростков по сбору дикорастущих ягод. Собранные ягоды сдавались торгующим организациям, за что последние выдавали сдатчикам промтовары. Часть собранных ягод продавалась на рынках, а на вырученные деньги покупался скот. Так, уже в 1945 году было приобретено спецпереселенцами коров – 10 голов, коз – 1166 голов, другого скота – 18 голов.

Торговля промышленными и продовольственными товарами, несмотря на Постановление Совета Министров МАССР за № 671с от 5 июля 1948 года, которое требовало коренного улучшения в торговле продовольственными и промышленными товарами, в ряде лесоучастков треста «Марилес» оставалась в неудовлетворительном состоянии. В практике торгующих организаций еще не была изжита выдача продуктов по спискам. Хлеб отпускался из расчета 800 граммов на рабочего и 200 грамм на иждивенцев, что ни в коей мере не удовлетворяло потребностей человека. Других продуктов питания – таких, как крупы, макаронные изделия, жиры сахар – поступало в крайне недостаточном количестве. Слабо была развернута торговля теплой одеждой, обувью, предметами домашнего обихода, посудой, мебелью, а торговля лампами и керосином совершенно отсутствовала [1, д. 6, т. 1, л. 221].

Одним из больших недостатков работы хозорганов была несвоевременная и неполная выплата зарплаты. Зарплату спецпоселенцам, как правило, выдавали путем авансирования по 20–30 рублей 3–4 раза в месяц. В результате по тресту

«Марилес» и Марбумкомбинату, по состоянию на 1 января 1949 года, задолженность по зарплате спецпоселенцам исчислялась в сумме 990765 рублей.

Постепенно положение спецпоселенцев улучшалось. Они обзаводились собственными домами, домашним скотом, огородами. На 1 января 1951 года спецпоселенцы имели: собственных домов – 145; крупного рогатого скота – 454, мелкого рогатого скота – 2366 голов. Но некоторые предприятия оставались глухи к нуждам спецпоселенцев. Так, например, в городе Волжске на апрель 1956 года часть поселенцев в количестве 17 семей проживала в бараке № 6, принадлежащем Марбумкомбинату, хотя данный барак был списан еще в 1951 году. В трех комнатах отсутствовал естественный свет, в двух комнатах отсутствовали двойные оконные рамы.

С прибытием спецпереселенцев на лесозаготовках начали строить школы и детские сады. Так, уже к 1 апреля 1945 года было организовано 18 школ, где обучались 1721 человек, 8 детских садов, где размещались 377 детей [1, д. 4, т. 3, л. 24]. Обучение производилось на русском языке. Школами была охвачена основная масса детей спецпоселенцев.

Кончина «вождя народов» пробудила у основной массы спецпоселенцев надежды и даже уверенность в скором освобождении. Среди «спецпоселенцев» настроения были отнюдь не траурными. В поселке Октябрьский Моркинского района комендантура сумела собрать на митинг из 500 поселенцев только около 50 человек, жители в бараках и своих домах отказывались вывешивать траурные флаги. Возбуждение наблюдалось и в других поселках. В документах МГБ отмечалось, что потребовалось «усиление режима, весь личный состав райотделений МГБ и спецкомендатур мобилизован, на помощь спецкомендатурам направлен весь оперсостав 9 отделения МГБ» [2, д. 33–42, л. 97–98].

По Постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» с учета снимались:

- а) дети спецпоселенцев, не достигшие 16-летнего возраста;
- б) дети спецпоселенцев старше 16-ти лет, обучающиеся в учебных заведениях.

Однако проведенное освобождение лиц моложе 16-ти лет в значительной степени было условным, ведь дети, хотя и были сняты с учета, но продолжали жить со своими родителями, находившимися на спецпоселении.

9 мая 1955 года Президиум ЦК КПСС принял Постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и членов их семей». Все семьи коммунистов были сняты с учета спецпоселений. По Постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» освобождению подлежали следующие лица: участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР; женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, чеченцами и другими по признакам супружеских отношений, которые позднее прекратились; одинокие инвалиды и лица, страдавшие неизлечимым недугом, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование; члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны; преподаватели учебных заведений.

В отношении лиц, оставшихся на спецпоселении, принимались решения, призванные смягчить режим, приблизить их к статусу полноправных граждан.

Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года предоставляло спецпоселенцам право заниматься общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

13 декабря 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Освобождению подлежали оставшиеся на спецпоселении немцы подконтингентов «выселенные» и «репатриированные», но без права возвращения к прежним местам жительства и без компенсации ущерба, нанесенного при выселении.

Этот Указ взбудоражил всех спецпоселенцев. Крымские татары и другие буквально атаковали сотрудников местных властей, МВД, прокуратуры вопросами: «Почему немцев освободили, а нас – нет?», «Чем мы хуже немцев?», «Когда нас освободят?» и т. п. Ситуация была такова, что, отменив особый режим в отношении одного депортированного народа (немцев), уже нельзя было не принять аналогичных решений в отношении других депортированных народов, что и было сделано в первой половине 1956 года.

Указы об отмене особого режима в отношении депортированных народов и других групп людей отличались половинчатостью, стремлением не подвергать критике проводившуюся ранее политику массовых депортаций. Речь шла о том, что люди были выселены «в связи с обстоятельствами военного времени», а теперь, мол, их пребывание на спецпоселении «не вызывается необходимостью». Это не означало никакой политической реабилитации депортированных народов. Они как считались народами-преступниками, так таковыми и оставались, с той разницей, что из наказанных народов превращались в помилованные. Во всех указах констатировалось, что снятие людей с учета спецпоселений не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

В докладе на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев среди репрессированных и «как бы» реабилитированных народов не назвал крымско-татарский народ.

С «освобождаемых» спецпоселенцев брались соответствующие расписки. Интересна была реакция среди спецпереселенцев на эти указы. Так, спецпоселенка Алиева Алима Эмировна, получив справку об освобождении, высказала: «Это не освобождение, а наказание, так как, будучи спецпоселенцами, мы имели защиту от органов МВД, а сейчас нас лишили этой защиты и заставили добровольно отказаться от родины и имущества». Айвазов Расим после ознакомления с распиской об освобождении заявил, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года для спецпоселенцев – самый страшный из всех ранее объявленных, что ни один Указ не лишал их родины, а пожизненное лишение родины – это самое тяжелое наказание. Он высказал намерение написать заявление в ООН за подписью 100–150 спецпоселенцев с просьбой рассмотреть их вопрос.

Кемалетдинов Абдул и Тохтаров Амет во время получения справок заявили, что «никакого Указа они не признают, а обязательно поедут в Крым, выкинут из своих домов живущих там людей, а если этого не удастся, то все сожгут». Подобные намерения высказывались и другими спецпоселенцами.

Значительная часть спецпоселенцев после снятия их с учета намеревалась выехать за пределы Марийской АССР, главным образом – в Среднюю Азию и Казахстан, на соединение с родственниками для работы в хлопководческих районах. Только за 1955 год выехали из Марийской АССР в Узбекскую ССР для соединения с семьями 1086 человек и временно выезжали 590 человек. В 1-м квартале 1956 года было выдано разрешений на выезд 211 спецпоселенцам, главным образом, в Среднюю Азию [1, д. 4, т. 1, л. 40].

Выезд спецпоселенцев за пределы Марийской АССР противоречил желанию органов МВД республики, которые главной задачей своей работы ставили закрепление освобождаемых из спецпоселений рабочих в постоянные кадры леспромхозов.

В сентябре 1967 года вышли два Указа Президиума Верховного Совета СССР. Первый из них выразительно назывался «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму». Он снимал с крымских татар огульные обвинения в измене Родине. Второй же – «О порядке применения Части второй Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года» (именно эта часть подтверждала запрет на въезд в Крым) – формально разрешал крымским татарам селиться по всей территории СССР, в том числе и в Крыму, но только «в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме». (А это сводилось к следующему: на работу не принимали без прописки, не прописывали без справки с места работы). На практике это означало, что новым «орудием государственной защиты» от крымских татар стали паспортный режим и прописка.

В мае 1990 года Госкомиссия по проблемам крымско-татарского народа приняла концепцию Государственной программы возвращения крымских татар в Крым, по которой признавалось право крымских татар на возвращение в Крым.

Работая на предприятиях Марийской АССР, крымские татары и другие «спецпереселенцы» внесли существенный вклад в поднятие и развитие послевоенной экономики Марийской АССР, в особенности лесозаготовительной промышленности. Большое число современных лесных поселков являются бывшими спецпоселками.

1. Архив МВД РМЭ, ф. 20.
2. Архив УФСБ РФ по РМЭ.
3. Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1.
4. Известия, 1994, 14 апреля.
5. Репрессированные народы Советского Союза: Отчет Хельсинкской группы по правам человека. 1991.
6. Трагедия народа. Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Т. 1–3.

1. Arhiv MVD RMJe, f. 20.
2. Arhiv UFSB RF po RMJe.

3. Zemskov V. N. Massovoe osvobozhdenie specposelencev i ssyl'nyh (1954–1960 gg.). *Sociologicheskie issledovanija*. 1991, no. 1.
4. Izvestija, 1994, 14 aprelja.
5. Repressirovannye narody Sovetskogo Sojuza: Otchet Hel'sinkskoj gruppy po pravam cheloveka. 1991.
6. Tragedija naroda. Kniga Pamjati zherty politicheskikh repressij Respubliki Marij Jel. T. 1–3.

**CRIMEAN TATARS IN EXILE SETTLEMENTS
IN MARI ASSR IN 1940-50S**

K. N. Sanukov

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

On the basis of rare archival and published documents the researcher reconstructs a part of history of exile settlements for the Crimean Tatars on the territory of the Mari ASSR in 1944–1956. The article covers legal aspects of the organization of such settlements, living and working conditions of the Crimean settlers. The author demonstrates the role of such settlements in the further development of the timber industry in the Mari area.

Keywords: the Crimea, Crimean Tatars, Mari ASSR, exile settlements, deportees, timber camp.

Об авторе:

Сануков Ксенофонт Никанорович, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола.

About the author:

Sanukov Ksenofont Nikanorovich, Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola.

УДК 94(47)"17/1917"(470.4)

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА
В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIX ВЕКЕ**

О. Б. Земцова

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия

Статья посвящена анализу реформ в мусульманском обществе Среднего Поволжья в XIX веке. Изменения в философии мусульманской элиты, касающиеся отношений с имперским центром, образом жизни и образовательной системы постепенно привели к возникновению феномена джадидизма. Термин, поначалу применяемый в образовании для обозначения новометодной системы, позже распространился на другие сферы жизнедеятельности.

Ключевые слова: джадидизм, мусульманские реформы, мусульманское образование.

The issue of education of Muslim Tatars of the Middle Volga, and especially of the Kazan province, is a multifaceted problem which, although discussed in the present-day historical research, still retains several aspects to explain and to uncover, actors to introduce and outcomes to analyze [1; 2; 3; 8; 12; 13]. This relatively closed Muslim community, in the second half of the nineteenth century experienced internal reforms, which were first characterized as reforms within Islam, but gradually acquired a more social and political coloring. Muslims' encounter with modernity steadily led to their social mobilization and to transformation of the communal identity.

The first changes in the philosophy of the Middle Volga Muslim thinkers are connected with the name of Usman Utyz-Imiani al Bulgari who became the leader of Tatar theologians protesting against the Muslim Spiritual Assembly (the highest official Muslim body established in 1788 by Catherine II). Utyz-Imiani regarded the Assembly as an institution that controlled, among other things, Muslim process of schooling and supported those mullahs who did not teach the *shakirds* (students) other than Qur'an and scholastic texts. That was why the majority of *shakirds* did not even understand what they were studying since most of the texts were written in Arabic and Persian.

Utyz-Imiani, assessing the laws of the *sharia*, came to the conclusion that learning the laws themselves did not provide good Islamic education. That is why, he claimed, it was necessary to revise critically the works of Muslim thinkers, to get rid of scholasticism at madrasah and, supporting the idea of another prominent scholar Al Kursavi to 'open the doors of *idzhtikhad*', meaning the ability of every Muslim to pass judgments

in the questions of faith. He came to the idea of necessity of reform in the laws of *sharia* which became known as ‘the concept of Utuz-Imyani’ – development of critical thinking, *idzhtikhad*, which was not – and could not be – accepted by the mullahs-traditionalists [9, p. 33].

Quite a different line of reform was the Vaisov movement, described by Robert Crews as a ‘distinctive product of the Russian imperial environment.’ [2, p. 319]. Indeed, the claims of the leader demonstrate the reaction to the outside influence and also show that the process of Muslim reformation was not homogenous. Bakha ad-din Vaisov, a peasant of the village of Molvino, protested against the mullahs and Muslim Spiritual Assembly who, as he thought, misinterpreted Islam. He claimed that constant living together with the Russians influenced the life in Tatar communities. Tatars began to copy the Russian way of life, women stopped covering their faces; madrasah’s curriculum started to let in the European education and young Muslims started to enter Russian educational institutions. These innovations, Vaisov believed, were contrary to the teaching of the Qur’an. Thus, according to him, one should not go to a mosque and believe mullahs nor trust local authorities but only the tsar.

As a manifestation of his protest, Vaisov organized a society called ‘God’s regiments’ (*bozh’i polki*) [9, p. 35] of Muslim Old Believers (*musul’manskie starovery*). The term ‘Old Believers’ was used in order to differentiate themselves from the rest of the Muslim community while the word ‘Muslim’ distinguished them from the Orthodox Old Believers [21]. Claiming to be the descendants of the Volga Bulgars and underlining the difference between themselves and Tatars, the members of the sect said on various occasions: ‘The difference between us and Tatars is equal to the difference between the sky and the earth’ [16].

The attitude to Vaisov’s people from the Muslim community was generally quite positive, as to the people of the same faith whose delusions could be tolerated. Followers of Vaisov promised that those who joined the sect were safe from Russian missionaries who could otherwise baptize them, make them study at Russian schools and subject them to conscription [14]. In the end, more than three hundred families took part in the movement.

However, neither Russian authorities nor the Muslim Spiritual assembly were willing to tolerate the sect: the members of the community did not use the state passports, kept their own registers, refused to serve in the army or pay taxes. The only tax they recognized and paid was the eight kopecks from each *desiatina* which had been introduced by Ivan IV in the sixteenth century. After several cases of confrontations between the sect and the authorities, Vaisov was sent to prison and, later, to a mental asylum while the majority of the sectarians were exiled to Siberia and the movement was suppressed.

Turning back to the transformations suggested by the Muslim learned community leaders, one cannot avoid mentioning the name of Shigabutdin Mardzhani. In the second half of the nineteenth century, his ideas reformed Muslim education and transformed the Tatar society itself, bringing it to the new level of development. The ideas of Mardzhani were more moderate than those of Vaisov, but they had a steadier conceptual basis: according to him, it was necessary to make a reform in the religious consciousness of the Muslims, without reforming the dogmas of Islam. He proposed the return to early Islam, its purification from the shortcomings of later development.

An educated Muslim should know the sources of the religion and on their basis he should be able to make the *idzhtikhad*. Proper Muslim education, free of scholasticism should borrow the achievements of the western civilization and this combination was to trigger the rise of Tatar ethnic consciousness.

It is here that the Muslim ethnic claims appear – Mardzhani imagined that the reformed society would first get its autonomy in the Russian empire and then its own statehood [9, p. 36]. According to Uli Schamiloglu, Mardzhani was the first person who tried to identify the Muslims of the Volga-Kama region in ethnic terms. In 1880s he called them ‘Kazan Tatars’ and linked their genealogy to the Volga Bulgar state, existing in this region between the tenth and the thirteenth centuries [18]. The questions he studied were the ones that still now await their answers: ‘Did the Turkic-speaking Muslims in the Russian empire constitute a common ‘Turk-Tatar’/‘Bulgar’/‘Muslim’ nation or multiple small nations? And did the Volga-Ural Muslims descend from the Tatars of the Golden Horde, the Bulghar Khanate, or a combination of both?’ [15].

It was more the traditionalists who found fault with Mardzhani’s ideas, not the authorities, and his name often remains in the shade and he is called ‘not a real reformist.’ [1, p. 38]. Mardzhani’s views on education were progressive enough for his time, as he understood the necessity of both conscious studies of Islamic heritage and receiving modern Russian education. He maintained that learning Russian was not against the rules of the *sharia* as many mullahs tried to show (in fact, he taught Muslim religion in the Kazan Tatar teacher training College for nine years) and won the fame of a missionary, heretic and an apostate in the Muslim conservative circles. Marzhdani, being a religious reformer, claimed that Islam did not contradict European science and school reforms, but on the contrary could profit from coexistence with them.

Mardzhani’s student, Kh. Faizkhanov, suggested a project of Tatar lay secondary school similar to the Russian gymnasia. In 1857 he became a teacher of eastern languages in St. Petersburg University where he was teaching Turkic languages (Turkic, Tatar and Arabic). Besides, he spoke Russian, Chuvash, Mari, Kazakh, Kirghiz, Mari, Uzbek, Farsi. Faizkhanov was also the one to produce a ‘Short Grammar of the Tatar Language’ (1862). Having understood that it was important to borrow Russian and European values without having to renounce Muslim ones, in the 1860s he introduced his own project of ‘school reform’ [19, p. 34]. According to the project, schooling was to last ten years. During the first three years the students were to learn geography, geometry, Russian, Persian, Turkic and Arabic. After the third year the students were to be divided into two subgroups – the first one was to study mathematics, medicine, astronomy, natural sciences, literature and the Qur’an. The students of the other subgroup were supposed to study the program of a gymnasium to be able to enter a University later. Geography, natural sciences, medicine and European languages were to be taught in Russian and other subjects – in Tatar. Besides, the school was supposed to have its own Tatar print shop. The author thought that the school was supposed to be financially supported by the state and in case the state refused to pay, the money was to be collected from the Tatar community. It is unknown why it did not receive the state support. What concerns the community, an innovation like this was seen as a step against Muslim religious ideology and philosophy [11, p. 35].

Kaium Nasyri, another Tatar scholar, also wanted to reform the traditional Tatar school which would include lay subjects and study history, traditions and customs of Tatars and Russians alike. In 1855 he became a teacher of Tatar in the Kazan Ecclesiastic School and later in the Ecclesiastic Academy where he worked until 1871. When he left the academy, he decided to devote himself to teaching Russian to the Tatar children, and organized a school which functioned until 1876. Much like Mardzhani, Kaium Nasyri maintained the independence of the Tatar language from the universal Turkic language and created several grammar books, books on lay subjects and dictionaries of Tatar [22, p. 63]. Mardzhani, Faizkhanov and Nasyri at the origins of the new-method (*jadid*) school in Kazan province.

Ismail bei Gasprinskii, the head of Bakhchisarai in Crimea and the editor of the newspaper *Terdzhiman* [Translator] that was printed from 1883 to 1918 in both Russian and Ottoman Turkish, was the founder of *jadidism*, or the use of the new, sound method in teaching. *Qadimists*, old-method teachers, used the system of syllables in teaching reading, when letters were made into syllables and syllables into words. The method of *jadids* was based on the approach that every letter corresponded to a sound. This not only simplified the process of learning to read, but generally shortened the time of studies, leaving thus enough time to study secular subjects at madrasah. Gasprinskii was greatly inspired by Mardzhani's ideas and he himself published a number of philosophical works, which were often read by his Russian contemporaries as appeals to pan-Islamism and pan-Turkism [5; 6]. These texts are far more important than the newspaper in understanding of the rise of nationalism among the Russian Muslims.

A Turkish scholar A. Kanlidire argues that the *jadid* movement had two sources for national and political ideas of Muslims – Islamic one and the Russian one [10]. According to Kanlidire, *jadids* borrowed the idea of Pan-Islamism from a Sirian Abd ar-Rakhman Kawakibi, who protested against tyranny and called for the organization of a conference for the unification of Muslims. Gasprinskii from the Crimea, as well as Musa Bigiev from Kazan and Zia Kamaev from Ufa, were quite familiar with these ideas.

In response to the civilizing attempt of the imperial centre, Gasprinskii wanted to create a united Muslim community. Some of his ideas can be found in his novel "Letters from France" where he used a literary trope, a dream, in which the main character found himself in an ideal country, where a high level of civilization was united with the perfect morals of Muslims who were very religious and consciously performed their devotional duties. The ideal country was, in fact, no other than the Russian empire, provided that the Turkic peoples were united and autonomous. Gasprinskii was dreaming of raising 'a Russian national flag in the middle of which there would be a small green field with a white crescent,' although he admitted that his ideas at that time were utopian [7, p. 38].

I believe, one cannot offer a single assessment of Gasprinskii's idea of Orthodox-Muslim coexistence and of his idea of unification of the Russian Muslims. This, however progressive, was not going to happen and the reason for it was not only the suspicion and resistance coming from the imperial centre, but also the fact that Islamic peoples of Russia stayed at different levels of cultural and linguistic development and different groups had their own projects.

1. Benningsen Alexander, Quelquejay Chantal. *Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: Le "sultangalievisme" au Tatarstan* (Paris: Mouton, La Haye, 1960).
2. Crews Robert. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. (Cambridge; London: Harvard University Press, 2006).
3. Dudoignon S. A., Georgeon F. (Eds.). "Le réformisme musulman en Asie Centrale. Du 'premier renouveau' à la Soviétisation 1788–1937" *Cahiers du monde russe* 37, no. 1–2 (Jan-Jun 1996).
4. Gankevich V. Iu., Shendrikova S. P. *Ismail Gasprinskii i vozniknovenie liberal'no-musul'manskogo politicheskogo dvizheniia* (Simferopol:Dolia,2008).
5. Gasprinskii Iu. *Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nabliudeniia* (Simferopol': Spiro), 1881.
6. Gasprinskii Iu. *Russko-vostochnoe soglashenie. Mysli, zametki i pozhelaniia* (Bakhchisarai: Perevodchik, 1896).
7. . Gankevich Iu., Shendrikova S. P. *Ismail Gasprinskii i vozniknovenie liberal'no-musul'manskogo politicheskogo dvizheniia* (Simferopol: Dolia, 2008), 38.
8. Geraci Robert. *Window on the East, National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* (Ithaca and London: Cornell University Press, 2001).
9. Iuzeev Aidar, *Mirovozzrenie Sh. Mardzhani i arabo-musul'manskaia filosofiiia* (Kazan: Rossiiskaia Akademiia Nauk, 1992).
10. Kanlidere A. *Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movement among the Kazan Tatars (1809–1917). Conciliation or Conflict?* (Istanbul, 1997).
11. Khanbikov Ia. I. *Istoriia pedagogiki Tatarstana* (Kazan, 1964).
12. Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1998).
13. Khalid A. "Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan" *Slavic Review* 5, no. 2 (1996).
14. NART, f. 41, op. 15, d. 1, ll. 3–5.
15. Quoted in Mustafa Ozgur Tuna "Imperial Russian Muslims: Inroads of Modernity" (PhD Diss., Princeton University, 2009): 17.
16. RGIA, f. 821, op. 133, d. 508, ll. 77–88.
17. *Rokina G. V., Zemtsova O. B.* Pan – Turkism and Discussion On Muslim National School in the Middle Volga region after 1905. *Review of European Studies*. 2015, vol. 7, no. 8, pp. 95–105.
18. Schamiloglu Uli. "The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Shihabuddin Marjani and the Image of the Golden Horde," *Central Asian Survey* 9, no. 2 (1990): 39–49.
19. Tuna Mustafa Ozgur. "Imperial Russian Muslims: Inroads of Modernity" (PhD Diss., Princeton University, 2009).
20. Usmanov M. A. *Zavetnaia mechta Kh. Faizkhanova. Povest' o zhizni i deiatel'nosti* (Kazan, 1980).
21. Usmanova D. *Musul'manskoe sektanstvo v Rossiiskoi imperii* (Kazan: Academia Nauk RT, 2009), 5.
22. Validi D. *Ocherki istorii obrazovannosti i literatury tatar* (Naberezhnye Chelny, 1998).

**THE FIRST STEPS OF JADID MOVEMENT AMONG RUSSIAN
MUSLIMS (MIDDLE VOLGA REGION, NINETEENTH CENTURY)**

O. B. Zemtsova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

The article deals with the reforms in the milieu of Muslim *ulama* of the Middle Volga region in the nineteenth century. The reforms, concerning the relations with the state, the Muslim way of life and the Muslim education led to the appearance of what is called *jadidism* that is, new method system first used only in the sphere of education but later spread onto other spheres of life.

Keywords: jadidism, Muslim reforms, Muslim education.

Об авторе:

Земцова Оксана Борисовна, кандидат педагогических наук, PhDr, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, oxana.zemtsova@gmail.com

About the author:

Zemtsova Oksana Borisovna, Candidate of Pedagogical Sciences, PhDr, Mari State University, Yoshkar-Ola, oxana.zemtsova@gmail.com

УДК 94(47)"17/1917"

КРЫМСКАЯ ИСТОРИЯ МАРФЫ САБИНИНОЙ

Г. В. Рокина

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия

В данной статье на основе опубликованных и архивных материалов реконструированы некоторые эпизоды жизни и деятельности одной из основательниц Российского общества Красного Креста Марфы Стефановны Сабининой. В статье использован гендерный подход в изложении исторического материала: показана роль семьи и особого отношения российского государства и церкви второй половины XIX века к участию женщины в государственных делах. Показана роль М. Сабининой в организации деятельности Общества Красного Креста в период русско-турецкой и франко-прусской войн. Наиболее подробно описаны годы проживания и благотворительная деятельность Марфы Сабининой в Крыму.

Ключевые слова: Марфа Сабинина, Стефан Сабинин, штатная фрейлина, Мария Фредерикс, Крым, Красный Крест, Джемеит.

Историческая справка. Марфа Стефановна Сабинина (1831–1892) – одна из основательниц и активных деятельниц Российского общества Красного Креста и Крымской Благовещенской общины сестер милосердия, – второй по времени появления и значимости после Петербургской. Многочисленные заслуги Марфы Степановны Сабининой были по достоинству оценены современниками. Она являлась кавалером бронзовой медали за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, знака Красного Креста 1877–1878 годов, Командорского креста сербского ордена Такова, виртембергского ордена Ольги, румынского ордена Елисаветы, сербского ордена Красного Креста за 1876 год.

Моя личная история обращения к судьбе Марфы Сабининой началась в далекие 1980-е годы, когда я работала над кандидатской диссертацией, посвященной проблеме русско-словацких научных и культурных связей XIX века. В это время

часто приходилось работать в Центральном государственном историческом архиве СССР (ныне РГИА), который в то время располагался на Сенатской площади в Ленинграде. Здесь хранились обширные коллекции документов и уникальные аналитические каталоги, во многом облегчавшие архивные изыскания исследователей. В читальном зале архива мне посчастливилось познакомиться со священнослужителем Русской православной церкви игуменом Макарием (Веретенников). Сегодня архимандрит Макарий известен как крупный церковный деятель, богослов, историк-медиевист, профессор Московской духовной академии. В те годы отец Макарий учился на богословском факультете Галле-Виттенбергского университета им. Мартина Лютера в Галле, где в 1988 году защитил диссертацию на тему «Церковь равноапостольной Марии Магдалины в Веймаре», за что ему было присуждено ученое звание доктора теологии. Наши исследовательские интересы пересеклись на изучении судеб двух ученых – С. Сабинине и Я. Колларе. Эти люди были также современниками, но их временем был XIX век: Стефан Карпович Сабинин (1789–1863) – служитель Русской православной церкви, духовник эрцгерцогини Марии Павловны, дочери русского императора Павла I, с 1862 года – настоятель веймарского храма Святой Марии Магдалины в Веймаре, богослов и церковный историк; Ян Коллар (1793–1852) – евангелический священник из Австрийской империи, словацкий ученый, автор теории славянской взаимности. Следы сотрудничества или переписки этих ученых мы одновременно искали в архивах. К сожалению, прямых доказательств личных контактов Сабинина и Коллара в то время так и не было обнаружено, однако, сохранились косвенные свидетельства о том, что они знали друг друга и имели взаимные интересы. Их объединял не только Веймар, в котором они провели долгие годы своей жизни, но и общие интересы в области истории, филологии и богословия. Из разговора с отцом Макарием я впервые узнала о необыкновенной судьбе духовника великой княгини Марии Павловны и его семье. В истории семьи православного священника из протестантского немецкого города меня особенно заинтересовала личность старшей дочери С. Сабинина – Марфы, которая, по словам отца Макария, была одной из основательниц Красного Креста в России. Тогда же я узнала печальную судьбу семейного архива Сабининых, сгоревшего во время пожара в Крыму. Впоследствии мне стала доступна публикация отца Макария о семье Сабининых «Памяти протоиерея Стефана Сабинина» в «Журнале Московской патриархии» за 1984 год. Здесь же была опубликована фотография ухоженной могилы Стефана Сабинина на старинном немецком кладбище и изящного надгробия у алтаря храма святой Марии Магдалины, где он был похоронен в 1863 году. За четыре года до смерти С. Сабинин проводил в последний путь свою духовную дочь – эрцгерцогиню Марию Павловну, рядом с которой и был похоронен.

С этого знакомства в ленинградском архиве для меня началась «крымская история» Марфы Сабининой, к которой я вернулась лишь через тридцать лет. В каких бы архивах и библиотеках мне удавалось работать в последующие годы – везде я искала свидетельства семейной саги Сабининых. Так, в пражском архиве «Литературный памятник» посчастливилось найти неопубликованную до сих пор переписку С. Сабинина с известным чешским ученым, директором Чешского музея в Праге Вацлавом Ганкой. В архивах Российской академии наук, рукописных отделах и фондах «Салтыковки» (Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, в те годы – Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)

и «Ленинки» (ОР РНБ, Российская государственная библиотека в Москве), в официальных документах и в частной корреспонденции, периодической печати XIX века часто встречались упоминания о русском священнике Стефане Сабинине. Однако история жизни Марфы Сабининой так и оставалась для меня *tabula rasa*, хотя интерес к ее необыкновенной судьбе сохранялся все эти годы.

Летом 2015 года, после сорокалетнего перерыва, я побывала в Крыму, в Ялте. Во время поездки удалось собрать подборку новейших публикаций в основном крымских авторов – историков, музейных работников, краеведов по истории Крыма, в первую очередь по истории «долгого» XIX века, а также познакомиться с экспозицией Ялтинского историко-литературного музея, выпусками историко-краеведческого альманаха «Старая Ялта». В этих материалах вновь промелькнуло имя Марфы Сабининой: в связи с историей пребывания царской семьи в Крыму и жизни двора, утраченными достопримечательностями Ялты. Я искала в Крыму сохранившиеся следы далекой своей соотечественницы. К сожалению, на заброшенном Поликуровском кладбище Ялты нет могилы Марфы Сабининой и даже неизвестно место, где она была похоронена в декабре 1892 года. Работники Ялтинского историко-литературного музея не слышали этого имени и не знали с достоверностью, где находятся хоть какие-то свидетельства созданного ею храма и Общины сестер милосердия. В Ялте, Феодосии, Кастрополе, Отрадном, где в свое время жила и трудилась Марфа Сабина, нет ни одного памятника, улицы или здания с ее именем, которые бы напоминали о жизненном подвиге этой удивительной женщины, хотя именно с Крымом связаны наиболее яркие годы ее жизни, целиком посвященной служению России.

*«Женщины у нас поднимаются
и, может быть, многое спасут ...
Женщины – большая надежда,
может быть, послужат всей
России в роковую минуту...»*

Ф. М. Достоевский,
«Дневник писателя», 1876 год

Сомнения Ф. М. Достоевского о роли женщин в российской истории, его двукратное «может быть» в одной фразе во многом можно рассеять приведенным ниже рассказом о судьбе лишь одной из тех, чья жизнь является ярким примером служения России.

Один из наиболее достоверных и обширных источников о семье Сабининых и жизненном пути самой Марфы Сабининой – это ее «Записки», которые были опубликованы в журнале «Русский Архив» в 1900–1902 годах. Инициатором публикации был издатель и редактор журнала Петр Иванович Бартнев. В письме к издателю Сабина писала 21 мая 1891 года (хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства): «За добрую память благодарю душевно, счастливое Веймарское время незабвенно в моей памяти ... Если я буду в силах писать, услышите обо мне». В основу ее записок положены дневниковые записи, а они, как источник, предпочтительнее мемуаров. Отдельные факты биографии М. Сабининой сохранились в некрологе «Памяти М. С. Сабининой», помещенном в «Историческом вестнике» в 1893 году.

В семье Марфы сохранилась легенда, что ее отец Стефан Карпович происходил из рода Сусаниных, его предок женился на дочери русского национального героя Ивана Сусанина Антониде. Отец Стефан был женат на Александре Тимофеевне Вещезеровой, дочери петербургского протоиерея. Брак этот, несомненно, был счастливым, несмотря на разницу в возрасте, муж был старше на 17 лет. Он обучил жену немецкому, датскому и французскому языкам. Латынь, греческий и другие языки Александра Тимофеевна изучила сама, была деятельной помощницей супругу в научной работе. Занималась переводами. В основном она переводила сочинения мужа, но известен также и ее перевод «Торквато Тассо» Гете. Кроме того, Александра Тимофеевна была прекрасным живописцем, одна из ее картин маслом получила медаль Академии художеств.

Дочь российского императора Павла I великая княгиня Мария Павловна вела в Веймаре активную благотворительную деятельность и была достаточно влиятельна и за пределами княжества. Поговаривали, что ее брат, император Николай I, не принимал важных решений, не написав ей и не посоветовавшись с ней. Великая княгиня была покровительницей литературы и искусства, любила музыку, также и русскую. Несмотря на многолетнюю жизнь в протестантской стране, Мария Павловна оставалась православной, но предпочитала не афишировать свою веру. Многие деятели русской культуры с радостью посещали семью Сабининых в Веймаре. Исключительный интерес представляет малоизвестный факт: когда в 1845 году Н. В. Гоголь переживал тяжелый душевный кризис, собирался оставить литературу и уйти в монастырь, он обратился за советом к протоиерею Сабинину. Его дочь Марфа вспоминала, что Гоголь «приехал в Веймар, чтобы поговорить с моим отцом о своем желании поступить в монастырь. Видя его болезненное состояние, следствием которого было ипохондрическое настроение духа, отец отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения».

Бытующая полусуштливая фраза о том, что на детях гениев природа отдыхает, неприменима к семье Сабининых, где было одиннадцать детей, и все они обладали разнообразными талантами. Среди них – переводчики, живописцы и музыканты. Все дети в семье Сабининых отличались разнообразными талантами. Старший сын Дмитрий издал в 1840 году первую часть переведенных на немецкий язык повестей Пушкина (вторая вышла в 1848 году) с краткой биографией поэта и письмом Жуковского к С. Л. Пушкину с описанием последних минут жизни поэта. Другой сын был живописцем. Марфа выделялась и на этом ярком фоне. Она родилась в Копенгагене в 1831 году, на момент ее рождения ее отец служил настоятелем храма при посольстве Российской Империи в Дании. Девочка обладала не только выдающимися музыкальными способностями, но и прекрасным голосом. В 9 лет она уже исполняла сложнейшие произведения Листа. В 12 лет Марфа стала членом музыкального кружка, основанного в Веймаре великой княгиней. Марфа пела в хорах под руководством Листа и Берлиоза, брала уроки музыки и вокала у лучших немецких профессоров, участвовала в благотворительных концертах и даже организовала свой собственный хор. Успехи ее были столь блистательны, что Ференц Лист предложил ей заниматься с ним. Лист был дружен с семьей Сабининых, и виртуозная пианистка Марфа Сабина стала его лучшей ученицей (в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге сохранились шестнадцать писем Ф. Листа к Марфе Сабининой). Известно, что Лист занимался

с учениками бесплатно, но и выбирал их сам по своему усмотрению. Сабинаина особо отмечала это, вспоминая иных знакомых ей музыкантов, вынужденных преподаванием зарабатывать себе на жизнь – например, Гензельта в Петербурге, который «ради денег превратился из хорошего артиста в механического учителя и этим занятием уничтожил в себе всякую струйку поэзии». В 1854 году Сабинаина и сама стала преподавательницей музыки в институте благородных девиц Sophienstift, покровительницей которого была принцесса София. Одновременно с этим началась ее придворная служба в качестве приват-пианистки. При дворе к ней относились ласково и дали ей прозвище Марципан, соединив в одно слово ее имя и труднопроизносимое для немцев отчество. В семье благодаря службе отца поддерживался русский уклад: говорили по-русски и были по-русски гостеприимны. «Мы, дети, всегда были чичероне всех русских, приезжавших в Веймар. В летние месяцы редкий день проходил без того, чтобы кто-нибудь не приехал». Жизнь Сабинаиной в Германии была насыщена событиями, художественными впечатлениями и общением с литераторами, артистами и музыкантами, в изображении которых Сабинаина являет свой литературный талант. Наиболее яркие и запоминающиеся портреты – чета Берлиозов («Его вид производил тяжкое впечатление; видно, что он много страдал, жена его составляла ему совершенную противоположность и наружность имела вульгарную»; Сабинаина вспоминала, что на премьере «Лознгринна» под управлением Листа жена Берлиоза, соскучившись, достала яблоко и «вонзилась в него», на что чопорный немецкий двор смотрел с неодобрением), Антон Рубинштейн («веселый, шуточный, исполненный надежд, молодой артист был любимцем всего нашего семейства»), князь В. Ф. Одоевский («он был живой энциклопедией», вдобавок «кулинарное искусство знал лучше всякого Вателя, к его услугам была походная кухня, на которой он сам изошрялся») и многие другие.

Дом Сабинаиных в Веймаре стал своеобразным культурным центром: здесь останавливались едва ли не все проезжавшие по Германии путешественники-соотечественники – ученые, писатели, композиторы. Русский историк Михаил Петрович Погодин оставил описание своей первой встречи с этим семейством: «... Жена со старшей дочерью писали картину масляными красками, которая с честью могла бы занять место в академическом классе; другая твердила урок на фортепиано, какую-то сонату Моцарта, сыновья сидели за латинскими авторами, а отец читал католический журнал. Столько образованности, любознательности, вкуса нашел я во всем семействе, сколько мудрено найти у какого-нибудь русского князя или графа...».

Однако ощущение жизни на чужбине было у Марфы уже в детском возрасте. В своих «Записках» Марфа сохранила описание рождественского сочельника 1854–1855 года: «Вечером в наш рождественский сочельник у нас была елка; в тесном семейном кругу встретили мы праздник. На чужбине к празднику как всегда примешивается что-то грустное, потому что там не существует той общей, объединяющей праздничной радости, которая бывает в Отечестве. У нас Рождество, а у протестантов простой будничнейший день, базар, уроки, занятия; вот когда больше всего чувствуется одиночество на чужой стороне». В семье Сабинаиных очень внимательно следили за событиями в России, сопереживали все успехи и поражения. Так, 17 марта 1855 года С. Сабинин писал в Прагу В. Ганке о своем отношении к Крымской войне: «Галлы в Крыму настоящие петухи (galli) и истинные потомки

праотцов своих 1812 года. Праотцов их прогнал из России Александр I, надеемся, что Александр II укажет дорогу потомкам из Крыма».

Можно предположить, что Россию Марфа впервые увидела в 1856 году. Ее отец вместе со всем семейством приехал в Петербург, чтобы участвовать в коронации Императора Александра II в августе 1856 года. В письме к Ганке в сентябре этого года Сабинин писал об этой поездке: «Путешествие в Россию было почти совсем бесполезно, кроме того, что я посетил моих родных далеко от Москвы на юге жительствовавших и то, за краткостью времени, не всех. В Москву прибыл прямо с коронации, и ровно никого не видел за суетами праздника и по краткости времени. В Петербурге видел немногих, из того, что большая часть знакомых жила на дачах, Бог знает где расположенных ... Для меня было оно (путешествие – Г. Р.) очень трудным». О родных С. Сабинина известно очень мало. Из его письма к С. Сербиновичу от 11 августа 1844 года, обнаруженном в Российском государственном историческом архиве, известно, что племянник С. Сабинина Иван Иванович Базаров был духовником великой княгини Елизаветы Михайловны.

В апреле 1857 года Марфа Сабинина вместе с матерью вновь едет в Санкт-Петербург. Она еще не знала, что через три года навсегда вернется в Россию и проведет оставшуюся жизнь в Петербурге, а затем в Крыму; ее учениками станут столь же высокородные отпрыски уже русского императорского семейства. Тогда же это была гастрольная поездка: «Я приехала, чтобы представить свой талант на суд публики». Концерты в салонах и в зале университета прошли с успехом, который разделила вместе с Сабининой молодая певица, ее сверстница Александра Дормидонтовна Кочетова; ее пение показалось Сабининой немного холодным, но все равно очень понравилось. Кочетова вдобавок оказалась близкой родственницей Марфы Степановны, женой ее двоюродного брата, в доме которого она гостила в детстве.

Очень мало свидетельств сохранилось о братьях Марфы Сабининой. В ранних письмах Сабинина к С. П. Шевыреву (в Отделе рукописей «Салтыковки» выявлено всего 8 писем за 1840–1853 годы) он рекомендует своего сына Дмитрия на учебу в Московский университет на медицинский факультет. Некоторые данные о братьях Марфы удалось узнать из переписки С. Сабинина с В. Ганкой. В 1958 году семейство Сабининых постигло несчастье, которое отец Марфы описывает в письме к В. Ганке в феврале 1858 года: «Нынешний год был не милостив для рода человеческого ... В ноябре месяце (1857 года – Г. Р.) были у Вас мои два сына Иван и Василий ... Первый отправился на шесть месяцев в Рим для усовершенствования себя в живописи на счет правительства. Второй – Василий, окончивший курс в педагогическом институте по филологическому факультету и занимавшийся особенно чешским языком (из других писем известно, что он учил чешский язык у И. И. Срезневского – Г. Р.), но сделавшись под конец больным, поехал в Рим для поправки своего здоровья. Но едва пролежал там один месяц, заболел и к крайнему моему сожалению, скончался 21 году и 14 дней от роду, унеся с собой по ту сторону гроба самые отличные дарования...». Из письма Сабинина Ганке от 6 марта 1858 года стало известно, что Василий Сабинин был похоронен в Италии, «в земле классической», в Риме на кладбище Тестаччо, недалеко от могилы русского живописца Брюлова и сына Гете. Тремя годами раньше Сабинин сообщал в письме к Ганке, что его сын Иван находится в Мюнхене, а двух других сыновей – Ивана

и Василия он «отправил в Россию, где они обучаются филологии у академиков Давыдова и Срезневского в Педагогическом институте».

В 1856–1857 годах Марфа в Москве и Петербурге дала несколько концертов, и выступления виртуозной пианистки имели шумный успех. Первое публичное выступление в салоне графини Разумовской Сабинину разочаровало – присутствующие «стали говорить так громко, чтобы музыка не помешала их разговору, что я невольно вспомнила, как совершенно иначе слушают музыку в Германии. Тут я поняла, на какой степени развития стоит музыка в моем дорогом отечестве» (Русский архив. 1901. № 6. С. 270). Роковым для великой артистки оказался приезд в Россию в 1857 году. Она была представлена императрице Марии Александровне. Государыня запомнила талантливую девушку и вскоре через фрейлину А. Ф. Тютчеву (дочь поэта) пригласила ее преподавательницей и воспитательницей к своей дочери, великой княжне. «Императрица около часа говорила со мной обо всем возможном. Я все спрашивала себя, какой интерес ее величество может найти в моем разговоре, и ничего не понимала; гораздо позже для меня все стало ясно: это был своего рода экзамен, сделанный мне ее величеством, в виду будущего призвания моего на службу к великой княжне Марии Александровне». В 1860 году Марфу Сабинину официально призвали ко двору и назначили преподавательницей музыки к семилетней великой княжне Марии Александровне, поручив одновременно заниматься и с трехлетним великим князем Сергеем Александровичем. К тому времени вся семья Сабининых уже жила в России. В своих «Записках» Марфа Степановна вспоминает: «30 сентября получила официальную бумагу о моем назначении <...> Приближался день моего отъезда, 6 (18) октября. Я утешалась только мыслью, что восемь лет не вечность, а я приняла это место с условием, что по истечении этого времени я могу его оставить. По условиям, служба моя должна была состоять в том, что я ежедневно буду давать уроки музыки великой княжне Марии Александровне, с обязательством жить там, где будет находиться царская семья». Ференц Лист подбадривал свою ученицу, утверждая, что перемена мест полезна, что «оставаться в том городе, где учился, значит киснуть, чтобы узнать свои силы и знание, надо пробить себе дорогу в чужой обстановке». Перед Марфой открылась придворная карьера, она пробыла при дворе восемь лет, но артистическое поприще закрылось перед ней навсегда.

В качестве штатной фрейлины она служит при императорском дворе на протяжении восьми лет. Здесь в 1860 году Марфа знакомится с другой фрейлиной – баронессой Марией Фредерикс, соседкой по Фрейлинскому коридору Зимнего дворца. Мария Петровна Фредерикс до конца ее жизни оставалась ее ближайшей подругой и соратницей во всех делах, в том числе и в общественном служении. Вместе они стали одними из основательницами Красного Креста в России. Подруга и соратница М. Сабининой Мария Фредерикс (Фредерике) родилась в 1832 году. Ее крестным отцом был император Николай I. Любопытно, что она родилась в доме, на месте которого позже построят Министерство государственных имуществ. Через 35 лет после ее рождения, в 1867 году, в этом здании М. П. Фредерикс открыла первый в России склад «Ея Императорского Величества» – Дамского комитета Российского общества Красного Креста. Исключительное положение семейства Фредериксов при Императорском дворе обеспечило юной даме штатное место фрейлины при императрице Александре Федоровне, которое она получила

в 16 лет. Поскольку М. П. Фредерикс росла при императорском дворе, она была завидной невестой и императрица неоднократно пыталась выдать ее замуж. Однако «варианты» не складывались, и Мария Фредерике замуж так и не вышла, как и ее подруга – Марфа Сабина.

Маша Фредерике жила жизнью императорской семьи. Бесконечные придворные развлечения, достаточно хлопотная профессия «штатной» фрейлины, знакомства с интересными людьми поглощали все ее время. Так, Маша неоднократно танцевала на балах с «железным канцлером» Бисмарком, сидела за придворным обедом рядом с Александром Гумбольдтом. Позже она писала, что если бы ей сказали в 1850-х гг., что она окажется в 1870 г. на Франко-Прусской войне в качестве сестры милосердия, – «вот посмеялась бы я и сочла это предсказанием сумасбродным, однако же, оно было так».

В начале 1850-х годов молодая фрейлина потеряла родителей, а в 1860 г. умерла ее высочайшая покровительница – императрица Александра Федоровна. Несколько позже, осенью 1864 г., у 28-летней фрейлины вызревает мысль по достижении 35 лет оставить императорский двор. Возможно, именно тогда баронесса М. П. Фредерикс начала задумываться о том, чем она будет дальше заниматься в жизни. Уже тогда Фредерикс решает создать общину сестер милосердия. В своих записках М. П. Фредерикс упоминает, что она уговорила Марфу Сабину «идти на это поприще со мной».

В неопубликованной части «Воспоминаний старушки» Фредерикс пишет, что, готовясь к новому поприщу, она стала посещать Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия не позднее 1860 года: «Мысль быть сестрой милосердия мне так запала в душу, что, когда я находилась в Петербурге, еще до моего знакомства с г-жой Сабининой, я ездила дежурить в Крестовоздвиженскую Общину, основанную, как известно, великой княгиней Еленой Павловной во время осады Севастополя в 1855 году. В амбулаторной Общине я работала под непосредственным руководством известной сестры милосердия Елисаветы Петровны Карцовой.. Утром я была испытуемой сестрой, а вечером я являлась на балы, театры и проч. светской барыней, и это в продолжение довольно многих лет».

О деятельном характере М. П. Фредерике свидетельствует то, что, приняв решение, она последовательно начала готовиться к его реализации. Так, понимая, что «ввиду устройства общины и необходимости иметь церковь при оной, и так как у меня больших средств не было, то мы придумали соорудить эту нашу будущую Церковь по возможности собственноручно. В Ницце же преподавались очень хорошие уроки скульптуры по дереву; вот мы и употребили свое свободное время учиться вырезать. Нам эта работа удалась и, когда пришло время, то мы сами вырезали свой иконостас для церкви из орехового дерева».

К практической реализации своей идеи Фредерике и Сабина приступили осенью 1866 года. Толчком для начала «практической работы» послужила женитьба наследника-цесаревича великого князя Александра Александровича на датской принцессе Дагмар в октябре 1866 года.

Уточняя версию о мотивах образования Общества, следует добавить, что, по сведениям, отложившимся в личном архиве М. П. Фредерикс, летом 1866 г. лейб-медик Ф. Я. Карелль предлагал устроить в честь приезда датчанки «поликлинику с новейшими усовершенствованиями “по образцу берлинских”». В ходе

обсуждения этого предложения с М. П. Фредерике и М. С. Сабининой последние, вероятно, аккуратно «навели» врача на новую идею, связанную с созданием Общества попечения о раненых и больных воинах. О том, что эта идея не была «родной» для Карелля, говорит и то, что лейб-медик очень скоро вышел из руководящих структур Красного Креста, а Фредерике и Сабинина работали в Обществе вплоть до середины 1880-х гг. и до конца жизни оставались его почетными членами. Следовательно, можно утверждать, что Красный Крест в России создан именно по инициативе двух придворных дам – М. П. Фредерикс и М. С. Сабининой, живших тогда во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца.

Об организационных талантах Фредерикс и Сабининой свидетельствуют темпы создания Общества. К декабрю 1866 года сформировался круг заинтересованных лиц, из-за границы выписана и проработана литература, связанная с деятельностью структур Красного Креста в Европе. 14 декабря 1866 года состоялось первое организационное совещание будущего Общества на квартире баронессы М. П. Фредерике в Зимнем дворце. В совещании приняли участие лейб-медик Ф. Я. Карелль, помощница воспитательницы дочери Александра II – М. С. Сабинина и еще несколько приглашенных лиц. На этом совещании определили цель будущего Общества – «облегчение участи раненых и больных воинов на поле сражения», и обязанность – «заготавливать мирным временем весь тот материал, о котором не время уже будет думать во время войны». Было определено, что доступ в Общество открыт для всех. Под «всеми» имелись в виду, конечно, женщины. На совещании в Зимнем дворце приняли решение обратиться за высочайшим покровительством к императрице Марии Александровне.

15 декабря 1866 года фрейлины Фредерикс и Сабинина доложили императрице о желании основать Общество. Императрица Мария Александровна одобрила их инициативу и согласилась принять над Обществом высочайшее покровительство. Следует подчеркнуть, что статус «высочайшего покровительства» для вновь образуемого общества получить было совсем не просто, однако Фредерикс и Сабинина, используя свои «служебные связи», решили этот вопрос с легкостью. Более того, как следует из записок М. С. Сабининой, императрица Мария Александровна «согласилась с радостью». На протяжении января 1867 года шла активная выработка устава Общества. Проектов подготовили несколько. Первый вариант текста устава, состоявшего всего из 19 параграфов, разработали именно фрейлины М. П. Фредерикс и М. С. Сабинина. В основу их проекта были положены уставы аналогичных западных обществ, его рассмотрели на заседании 14 февраля 1867 года. В числе прочего, в этом проекте было сформулировано название – «Русское общество попечения о раненых и больных воинах». С начала марта 1867 года в Зимнем дворце началась выработка окончательной редакции устава Общества. Несколько позже для составления окончательной редакции устава Общества был образован «Особый комитет» из 8 человек, куда вошли М. П. Фредерикс и М. С. Сабинина. Это был очень сложный процесс, требовавший многочисленных согласований.

Например, острые разногласия между Москвой и Петербургом возникли по поводу организационных форм участия женщин в деятельности Общества. Так, влиятельнейший митрополит Московский и Коломенский Филарет категорически возражал против совместной деятельности женщин и мужчин в структурах местных

комитетов Общества. Митрополит Филарет настаивал на создании отдельных и организационно самостоятельных Дамских комитетов. В письме (10 марта 1867 г.) генерал Тотлебен писал фрейлине Фредерикс: «Высокопреосвященный не допускает, чтобы дамы заседали вместе с мужчинами в управлениях». Генерал подчеркивал, что в этом вопросе Филарет, чье имя знала вся страна, не пойдет на уступки. Надо заметить, что М. П. Фредерикс возмутила позиция митрополита «по поводу изоляции дам», однако, она прекрасно понимала всю степень его влияния на самые различные социальные слои общества, поэтому написанное ею ответное письмо предельно корректно. Более того, она завизировала текст письма у императрицы Марии Александровны, та написала на черновике письма: «Мне кажется, что так будет хорошо».

В своем письме М. П. Фредерикс писала, что «государыня с сожалением усматривает из приложения к письму Вашему, что высокопреосвященный Филарет видит залог успеха Общества в резком отделении дам от мужчин в заседаниях». 22 марта 1867 года генерала Тотлебена, вернувшегося в Петербург, приняли Александр II и императрица Мария Александровна: он доложил им мнение Филарета. Более того, он передал монархам слова Филарета, что он не останется членом Общества и не напишет для него воззвания, «если Общество образуется, не отделив от него, дам от мужчин. Так как Филарет была сила, которому противодействовать было опасно, то пришлось сделать ему уступку».

В результате баронесса М. П. Фредерикс, несмотря на свое категорическое несогласие с позицией Филарета, сообщала председателю Общества А. А. Зеленому: «...по поручению Государыни Императрицы имею честь передать Вам, что вопроса о дамах Ея Величество не берет на себя решить, а поручает это комиссии. Что же касается до Московских дам, то Ея Величество изволила сказать, что оне могут устраиваться по их собственному усмотрению».

Не одну М. П. Фредерикс болезненно задела позиция митрополита Филарета. Наперсница баронессы Марфа Сабина даже всерьез рассматривала вариант организации «отдельного Общества». Однако от этой идеи дамы вскоре отказались. Поскольку дело начинало затягиваться, грозя потонуть в дискуссиях, веское слово сказала императрица Мария Александровна. Она вызвала к себе министра государственных имуществ А. А. Зеленого, которого планировала назначить руководителем Общества, и прямо выразила желание, чтобы к 17 апреля 1867 г., то есть ко дню рождения Александра II, «все было кончено».

В результате 13 апреля 1867 года устав Общества единогласно приняли учредители. Окончательную редакцию устава Общества представили на рассмотрение Государственного Совета. В качестве докладчика «вопроса» по воле императрицы Марии Александровны назначили генерал-адъютанта А. А. Зеленого. «Тяжелая артиллерия» в лице близкого к императорскому двору министра государственных имуществ и личная заинтересованность императрицы Марии Александровны сделали свое дело. В результате на заседании Государственного Совета 28 апреля 1867 г. устав Общества приняли без всяких изменений. Примечательно, что именно с Марией Фредерикс императрица Мария Александровна решала вопрос о выборе эмблемы Общества. Дискуссий по этому вопросу и не возникло, поскольку международная эмблема Красного Креста уже была хорошо известна. До нас дошел текст записки императрицы Марии Александровны, адресованный М. П. Фредерикс,

по этому вопросу: «Полагаю, что Красный Крест, как в Женеве, потому что мы примкнули к Конвенции. Я уже писала м-м Мальцевой. М.» 3 мая 1867 г. устав Общества высочайше утвердил Александр II. С этого дня начался отсчет официальной истории Красного Креста в России, идея создания которого родилась и реализовалась при непосредственном участии Марфы Сабининой.

В связи с начавшейся франко-прусской войной императрица предложила Сабининой и Фредерикс выехать в Германию к королеве Вюртембергской, великой княгине Ольге Николаевне с тем, чтобы ознакомиться с работой немецкого и французского Красного Креста во время военных действий. На специальном санитарном поезде подруги объездили всю линию фронта, тыловые госпитали и лазареты. По возвращении Марфа Степановна устроила образцовый барачный лазарет в Петербурге, ставший образцом для разворачивания впоследствии его аналогов в системе Российского Красного Креста. Императрица уговаривала Марфу остаться в столице и руководить этим лазаретом.

Марфа отказалась, ее призывал, другой, пока еще неисполненный долг – это было обещание, данное баронессе Фредерикс устроить в ее крымском имении церковь и общину сестер милосердия в память императрице Александре Федоровне. После завершения службы при дворе в 1867 году Марфа Сабинина с Марией Фредерикс переезжают на постоянное жительство в имение последней Джемиет (ныне поселок Восход) под Ялтой. Мать и четыре сестры Марфы поселяются по соседству, в поселке Магарач (ныне Отрадное). Марфа выполнила свое обещание, переселилась в Крым, и четыре года – с 1872 по 1876 – устраивала церковь и общины сестер милосердия в имении «Джемиет», где неподалеку поселилась овдовевшая мать Сабининой с четырьмя дочерьми – сестрами Марфы. Проблем было немало: средства ограничены, рабочих рук не хватало, все материалы приходилось выписывать. Но все трудности были преодолены. Деревянный иконостас в церкви собственноручно вырезали баронесса Фредерикс и сестры Сабинины. Всю живопись, каждую деталь в храме женщины выполняли собственноручно. На освящении церкви присутствовали императрица, великий князь Сергей Александрович и великая княжна Мария Александровна. Императрица приняла Крымскую общину сестер милосердия Святого Благовещения под свое покровительство, а Марфу Сабинину назначила настоятельницей. Приехавшая впоследствии в Ливадию императрица в знак благодарности за их деятельность пожаловала Марфе Степановне и Марии Петровне только что утвержденный в России знак отличия – драгоценную брошь с изображением Красного Креста.

В Джемиете ввиду относительного безденежья Марфа Сабинина неожиданно проявляет себя как талантливый менеджер, восстановитель крайне запущенного виноградарского и винодельческого хозяйства Марфа стала приводить в порядок запущенное имение, возродила виноградники и занялась виноделием настолько успешно, что получила за вино на ялтинской и одесской выставках золотую и серебряные медали. Уже через три года имение стало высоко прибыльным. Основным приложением полученных доходов, делом жизни Марфы Сабининой и Марии Фредерикс стала постройка на территории имения Джемиет храма (вызванная недостаточностью православных храмов на Южном Берегу Крыма) и основание при нем бесплатной больницы (которых там не хватало еще в большей степени). Все это и было успешно реализовано благотворительницами в 1876 году.

По примеру Джемиета в 1885 году в Ялте была создана Община сестер милосердия во имя Божьей Матери «Всех скорбящих радости». Ее покровительницами стали императрица Мария Федоровна и княгиня Александра Петровна, супруга князя Николая Николаевича-старшего. Организаторы новой ялтинской Общины впоследствии расширили ее задачи, создав в 1910 году в больнице императрицы Марии Федоровны санаторий для тяжелобольных.

И вновь война – Сербско-турецкая 1876–1877 годов. Марфа организует в Ялте дамский комитет. За месяц ялтинки сделали полный комплект на сто кроватей для раненых. В начале июля 1876 года пришла депеша от императрицы: Марфа Сабинина должна была отправиться со своими сестрами милосердия в Сербию. За несколько дней до отъезда Марфа приняла присягу, и архиепископ Гурий возложил на нее настоятельский крест. Сестры милосердия общины оказывали помощь раненым в 1876 году в Сербии. С богатым запасом белья, перевязочного материала и лекарств для лазарета на сто кроватей, напутствуемая молитвами и благословением всех жителей Ялты, Марфа Степановна с сестрами милосердия отплыла в Одессу и 15 августа прибыла в Белград. Община проработала там до 18 ноября, оставив в окрестных поселениях самые благодарные воспоминания. В тяжелых условиях, при огромном количестве раненых она проработала несколько месяцев. Благодарные сербы называли ее «сладкой Майкой». Во время сербо-турецкой войны 1876–1877 годов и последовавшей за ней русско-турецкой войны Марфа Сабинина и ее сестры работают в лазаретах (и организуют таковые), а также активно занимаются эвакуацией раненых на территориях боевых действий в Сербии и Румынии. За свою военно-медицинскую деятельность Марфа Сабинина была награждена рядом орденов и медалей Российской империи. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов Марфа Сабинина и сестры милосердия Общины ухаживали за ранеными на санитарных поездах в Румынии. И здесь Марфа Степановна сумела проявить свои организаторские способности, талант, энергию, знание и такт. Немалых трудов стоило ей поддержание необходимой дисциплины и согласия между сестрами (а их число доходило до 136-ти) и поездными врачами, комендантами, уполномоченными Красного Креста. И это не день, не два, а целых 18 месяцев! Именно Марфа Степановна организовала эвакуацию больных и раненых по Дунаю. Крымская община сестер милосердия получила широкую известность в России, ее самоотверженная работа была отмечена благодарными словами тысяч спасенных воинов. Но, к великому сожалению, домой вернулась лишь половина состава общины, многие сестры умерли от тифа.

Активные труды Марфы Сабининой прервались внезапно и страшно. В 1882 году случилась трагедия, о которой жители крымского южного бережья с ужасом вспоминали спустя много лет. В ночь с 8 на 9 июля каменный дом Сабининых сгорел. В огне погибла мать Марфы вместе с тремя взрослыми дочерьми – Надеждой, Еленой и Магдалиной. Четвертая дочь – Александра – была вытащена из огня дворником, но через неделю умерла от ожогов и нервного потрясения, успев перед этим дать свидетельские показания. Это не был простой пожар: веревка на шее несчастной умирающей женщины, ее слова о каких-то людях в красной одежде наводили на подозрения, все это похоже было на убийство и поджог с целью грабежа. Только счастливая случайность избавила Марфу от страшной смерти – она

задержалась по делам Благовещенской общины у Марии Фредерикс и осталась там ночевать. Арестовали женскую прислугу Сабининой и несколько турок-табаководов. Почти четыре года велось следствие, преступление доказано не было, и по Высочайшему повелению дело прекратили. Мотивом преступления был обыкновенный грабеж. Виновные были найдены, однако, некоторых из них суд присяжных оправдал и оставил на свободе. Силы Марфы Степановны были подточены этой тяжкой потерей. Она вместе со своей любимой подругой переехала подальше от места трагедии, в самый конец Южного берега Крыма, в Кастрополь, в имение юной баронессы Маргариты Толль (впоследствии Извольской) дочери русского дипломата барона Карла Карловича Толля. Почти десять лет Марфа Сабинина жила уединенно, выращивала цветы, музицировала, писала мемуары. Последним делом ее жизни стало сооружение совместно с подругой М. Фредерикс маленькой переносной церкви. Женщины увлеченно трудились, и храм получился очень изящным. Последние полтора года жизни были тяжелы, развилась болезнь сердца. Вскоре Марфа Степановна тяжело заболела: лишилась речи, отнялись правые рука и нога. Но наступила поправка, она стала вновь, хотя и с трудом, говорить, рисовать, играть несложные музыкальные пьесы.

В 1892 году М. К. Извольская продает имение Кастрополь. Благотворительницы Сабинина и Фредерикс переезжают в Ялту, а основанный ими кастропольский храм передают в Феодосию, феодосийскому подворью Топловского монастыря. Владыка Мартиниан освятил его во имя св. великомученика и целителя Пантелеимона. Позже на этом месте был основан феодосийский Казанский собор. Вскоре после переезда в Ялту, в последние дни 1892 года, Марфа тяжело заболела. Очевидец ее последних часов жизни, автор некролога в историческом вестнике писал, что за несколько часов до кончины Марфа силилась уловить какой-то мотив, напевала, хотя дыхание ее уже останавливалось. «Я сочиняю», – говорила она ... Марфа Сабинина скончалась в Ялте на шестьдесят втором году жизни.

Все эти свидетельства жизненного подвига Марфы Сабининой во многом дополняют страницы русской истории Крыма, которая долгие годы оставалась вне интересов исследователей.

Судьба Марфы Сабининой, вместившая детские годы в Дании и Германии, долгое служение при дворе российского императора, участие в военных походах русской армии во время сербо-турецкой и русско-турецкой войн, более всего проявила свою жертвенность на благо России в крымский период. Именно здесь, в Крыму, в Ялте или Феодосии, она заслужила памятный знак, который станет знаком прощения за долгие годы забвения.

1. Алмазова Н. И. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М., 1892.
2. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7.
3. «... Если я буду в силах писать, услышите обо мне» // Сайт православного женского журнала [Электронный ресурс] режим доступа http://samaryanka.in.ua/articles_view.php?id=135
4. Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский архив. 1900. № 3–10.

5. Игумен Макарий. Памяти протоиерея Стефана Сабинина // Журнал Московской патриархии. 1984. № 4. С. 15–20.
6. Колесникова Н. Основательница Российского Красного Креста // Газета «Крымские известия», 6 июня 2009 г. № 101 (4304).
7. Лосев Д. Крымский альбом – 1999. Феодосия-М.: Коктебель, 2000.
8. Марфа Сабинина – от Сусанина к Джемиету // Старая Ялта. 18 марта 2015.
9. Н. А. Памяти С. С. Сабининой // Исторический вестник. 1893. Т. 51. № 2. С. 510–517.
10. Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867–1875 гг. Систематический сборник материалов. Т. 1. СПб., 1881.
11. Рокина Г. В. Миссия С. Сабинина в Веймаре // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1991. С. 120–129.
12. Рокина Г. В. Семья православного священника С. К. Сабинина (1789–1863) // Гендерные исследования в гуманитарных науках. Йошкар-Ола, 2005. С. 110–117.
13. Фредерике М. П. Воспоминания старушки // ОР РНБ. Ф. 432.
14. Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 1.
15. Ясельская Л. Подвижники благочестия. Судьба как перед Господом свеча [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lida.deil.ru/marina/sabin.doc>

1. Almazova N. I. K dvadcatipjatiletiju Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta. M., 1892.
2. Barsukov N. Zhizn' i trudy M. P. Pogodina. SPb., 1893, kn. 7.
3. «... Esli ja budu v silah pisat', uslyshite obo mne». *Sajt pravoslavnogo zhenskogo zhurnala*. URL: http://samaryanka.in.ua/articles_view.php?id=135
4. Zapiski Marfy Stepanovny Sabininoj. *Russkij arhiv*. 1900, no. 3–10.
5. Игумен Макарий. Памяти протоиерея Стефана Сабинина. *Zhurnal Moskovskoj patriarii*. 1984, no. 4, pp. 15–20.
6. Kolesnikova N. Osnovatel'nica Rossijskogo Krasnogo Kresta. *Gazeta «Krymskie izvestija»*. 6 ijunja 2009 g., no. 101 (4304).
7. Losev D. Krymskij al'bom – 1999. Feodosija; M.: Koktebel', 2000.
8. Marfa Sabinina – ot Susanina k Dzhemietu. *Staraja Jalta*. 18 marta 2015.
9. N. A. Pamjati S. S. Sabininoj. *Istoricheskij vestnik*. 1893, t. 51, no. 2, pp. 510–517.
10. Osnovanie Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta i razvitie ego dejatel'nosti v period 1867–1875 gg. Sistematicheskij sbornik materialov. T. 1. SPb., 1881.
11. Rokina G. V. Missija S. Sabinina v Vejmare. *Social'no-politicheskaja bor'ba v stranah Evropy i Ameriki v srednie veka i novoe vremja*. Joshkar-Ola, 1991, pp. 120–129.
12. Rokina G. V. Sem'ja pravoslavnogo svjashhennika S. K. Sabinina (1789–1863). *Gendernye issledovanija v gumanitarnyh naukah*. Joshkar-Ola, 2005, pp. 110–117.
13. Frederike M. P. Vospominanija starushki. *OR RNB*. F. 432.
14. Frederike M. P. Iz vospominanij baronessy M. P. Frederike. *Istoricheskij vestnik*. 1898, no. 1.
15. Jasel'skaja L. Podvizhniki blagochestija. Sud'ba kak pered Gospodom svecha. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://lida.deil.ru/marina/sabin.doc>

MARTHA SABININA: HER CRIMEAN STORY

G. V. Rokina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

The article is based on archival and published sources which are used to reconstruct several episodes from the life of Martha Stephanovna Sabinina, who was one of the founders of the Red Cross society in Russia. The research methodology is based on gender approach. Central to the analysis is the role of family and a special attitude of the Russian society to the participation of women in the affairs of the state. The activities of M.Sabinina in the establishment of the Red Cross society during Russian-Turkish and Franco-Prussian wars are given their due attention. Her years of stay and charity activities in the Crimea are covered in full detail.

Keywords: Martha Sabinina, Stephan Sabinin, Dame, Maria Fredericks, The Crimea, Red Cross.

Об авторе:

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, galina@rokina.ru

About the author:

Rokina Galina Viktorovna, Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, galina@rokina.ru

**«НЕГОДНЫЕ ЛЮДИ ЕВРОПЫ»:
ВЗГЛЯД ИЗ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ**

(Рец. на книгу: *The Clumsiest People in Europe, or: Mrs. Mortimer's Bad-Tempered Guide to the Victorian World*, edited and with an introduction by Todd Prusan. Bloomsbery. First U. S. Edition 2005. 198 p.)

В 2005 году в нью-йоркском издании «Bloomsbury» были опубликованы избранные главы из книги известной британской писательницы Ф. Л. Мортимер «Самые негодные народы Европы, или Вредный путеводитель миссис Мортимер по викторианскому миру». Фовелл Ли Мортимер (1802–1878 гг.) – автор книг религиозного и образовательного характера, предназначенных для детей и юношества, дочь лондонского банкира, в двадцать пять лет обратилась к вере и полностью посвятила себя духовному воспитанию подрастающего поколения. Как истовая протестантка, миссис Мортимер начала свою писательскую карьеру с назидательных детских книжек. В свое время она была одним из самых востребованных детских авторов, по ее иллюстрированному букварю «Чтение без слез» (1857 г.) учился У. Черчилль. В 1849–1854 годах выходят все три тома путешествий, мир – от Европы до Южной Африки, от Мексики до Цейлона. Занимательный факт, что сама автор этого путеводителя по миру Ф. Л. Мортимер за всю жизнь не покидала пределов родной Англии: если не считать поездок с семьей в годы отрочества и короткого визита в Эдинбург.

В последнее время тема представления народов друг о друге стала весьма актуальной и вписывается в контекст изучаемой исторической наукой проблемы феномена «другого» [1; 2; 3; 4]. В связи с этим интересным представляется реконструировать представления о жизни европейских стран XIX века по материалам книги английской писательницы викторианской эпохи Ф. Л. Мортимер «Самые негодные люди Европы» (избранное из книги «Описания стран Европы») [6], представляющей викторианскую специфику восприятия различных европейских стран, в том числе и собственно Британии, учитывая при этом особенности социальной, политической и культурной среды, в которой писалась эта книга. Викторианская эпоха – промежуток времени между 1837 и 1901 годами характеризовалась постоянными и быстрыми изменениями в экономической, социальной, политической и культурной жизни. Общим для всей викторианской эпохи можно считать необычный динамизм, ощущение «происходящего переворота», изменившего облик

всей страны. Мироощущение англичан складывалось под влиянием экономического процветания, национальной безопасности, развития парламентской системы, стабильности государственных институтов, постепенных и позитивных реформ [5, pp. 9–12, p. 42]. Достижения Британии производили неизгладимое впечатление не только на самих викторианцев, но и на представителей многих европейских стран. В то же время на сочинение Ф. Л. Мортимер накладывали отпечаток и субъективные факторы – ее воспитание, образование, ее уже сложившиеся взгляды. Все это, безусловно, отразилось на восприятии писательницы как собственно Англии, так и других европейских стран.

«Негодные люди Европы» – это череда стран, их особенностей, обыденной жизни людей. Ни один сюжет не выходит за рамки составленного Ф. Л. Мортимер плана. Но вместе с тем красноречивое и многозначное название книги указывает, что в предлагаемом читателю тексте не только предпринимается попытка создать образ Европы, но и отражается желание поиронизировать. Важную роль в восприятии стран играла система ценностей викторианского общества, сквозь фильтры которой проходила вся информация, предлагаемая читателю. Автор в названии глав дает легко запоминающиеся, доступные детям и взрослым характеристики европейского мира, отдельных стран, ограничивая и даже упрощая эти описания, но в то же время названия глав не обычны для современного читателя: Англия – «Они (англичане – Г. Г.) не приветливы в компании, так как им не нравятся чужие; Уэльс – «Что касается уэльсцев, то они не без пороков, но стремятся сделать их коттеджи безупречными, скрывая их недостатки»; Шотландия – «Они (шотландцы – Г. Г.) не похожи на звуки своих волынок»; Ирландия – «Во вселенной нет лачуг таких жалких, как ирландские домики и коттеджи»; Франция – «им нравится существование щеголей (или модная жизнь), но и они не без пороков»; Россия – «Улицы Петербурга наполнены шатающимися пьяницами»; Германия – «Они (немцы – Г. Г.) не так часто пьют чай, но зато хорошо знают, как его готовят»; Австрия – «Нигде нет столько любящих компаний, как в Вене»; Пруссия – «Что касается пруссаков, то они не любители поесть, они любители выпить» и т. д. [6, pp. 5–6]. Европейские страны выступали на страницах ее книги не только как объект изучения, но и как пример превосходства Англии. В соответствии с этим Ф. Л. Мортимер выстраивает текст своей книги.

Для понимания особенностей данного источника важными представляются структура текста глав, лексика, речевые обороты, даже название, иногда явно скептические, иронические, но вместе с тем отражающие ценностные ориентиры викторианской эпохи. Можно выделить два «уровня» описания страны автором. Первый «уровень» – это наиболее характерные события, достижения в различных областях, повлиявшие на жизнь страны. Говоря о самом важном для Англии, автор пишет, что в конце 1840-х годов викторианская Англия вступила в «болезненную юность, страживая с себя вековые поместья, луга и рыцарские поединки, и вступая в яму курения, мерзости, болезней ... Прогресс не был абсолютно невыносимым, ... так, отмена хлебных законов премьер-министром сэром Пилем принесла процветание..., но десять лет спустя – в середине 1848 годов – началось чартистское движение, и в следующем году Карл Маркс, русско-еврейские диссиденты поселились в Лондоне; «Дэвид Копперфилд» Чарльза Диккенса выходит в 1850, сестры Бронте... издают «Джейн Эйр»; сэр Эдвард Франкленд открыл амилоид алкоголя

в 1849, Артур Албригс изобрел в 1852 году фосфористые спички [6, р. 24]. Очевидно, что Ф. Л. Мортимер, вводя определенную информацию, стремится выделить значимость важных изменений для страны, но, главное – это сформировать у читателей представление о превосходстве англичан не только над другими европейцам, но и внутри Соединенного Королевства. Ее понимания значимости Англии находит свое продолжение в изложении существенных изменений в Уэльсе и Ирландии. Так, автор обращает внимание читателей на то, что «валлийский язык испытывает медленный спад в течение всего XIX века ... использование английского распространяется достаточно быстро. С 1811 по 1851 население увеличилось в два раза, на 1,2 миллиона человек, из них 808 мужчин и 202 женщины проводили остаток своей жизни в тюрьме, ... нехватка продуктов и высокие пошлины «выбили регион из колеи», но производство чугуна было на подъеме.... В середине века в Уэльсе «содействовали десяти еженедельным религиозным журналам и ежеквартальным журналам, не относящимся к какому-либо вероисповеданию» [6, р. 27]. Так, описание Ирландии автор начинает «мрачной картиной» жизни острова: неурожай картофеля, сопровождающийся такими болезнями, как брюшной тиф, холера, дизентерия, заставили умирать миллион ирландцев, началось «движение миллионов в поисках убежища в Британии и Северной Америке ... Ирландия “упрекала” (порицала английских сторонников невмешательства, оказывающих слишком маленькую помощь или финансовое облегчение во время упадка сохраняющегося голода, который сократил население с 8,2 до 6,5 миллиона человек в последующее десятилетие)». Но вместе с тем были открыты Королевские университетские колледжи в Белфасте, Корке, Гэлвее; количество провинциальных газет с 79 в 1843 г. увеличилось до 140 в 1863 [6, с. 32]. Рассматривая другие европейские страны, в частности Францию и Германию, автор уделяет особое внимание событиям 1848 года. И это неслучайно, так как сам факт революции 1848 года вызвал всеобщее волнение. Рухнул прежний социальный и политический порядок. В связи с этим рисуемая автором «картина» представлена следующими изменениями: «февральский бунт освободил короля Луи Филиппа от королевских обязанностей и ввел избирательное право для французов, которые изберут Луи Наполеона Бонапарта...», он постепенно будет укреплять свою личную власть. При этом, как и в характеристике других стран, автор выделяет ценности, которые тоже менялись: композитор Берлиоз дебютировал с «Проклятием Фауста», появился страстный роман «Кармен» Проспера Мериме, в 1854 году газета «Фигаро» «захватила» улицы [6, р. 36]. Казалось бы, что описание событий 1848 года в Германии идет в том же направлении: вопрос о монархии, об имперской короне. Но здесь автор акцентирует внимание на «отсутствии силы и единства», на неудачах в 1849 году Франкфуртского парламента, после того как прусский король Фредерик Уильям IV отказался от короны. Угроза со стороны Австрии сохранялась, Германский союз был подписан в 1850 году. И здесь, как и в других описаниях, присутствуют достижения в технике – это «циферблатный телеграф», изобретенный Вернером фон Сименсом, «бензиновый автомобиль» Карла Бенца [6, р. 57]. Выбор описываемых Ф. Л. Мортимер событий и достижений можно объяснить не только отношением автора к стране. Необходимо также учитывать, что в этот период даже в Британии, где не было революции, чартисты уже после революции обсуждали вопросы политического

лидерства, классового конфликта. При этом в каждой стране, и в том числе в Британии, были и противники революции, которые считали, что Европа пострадала от этих событий. Но вместе с тем автор выделяет и отдельные позитивные черты реальной жизни: в Великобритании шло бурное развитие экономики, начиналась техническая революция, в Германии, Пруссии, Австрии, Франции – технические достижения, новинки в литературе, музыке и т. д. Не менее любопытным является характеристика событий в России. Образ России ассоциируется у писательницы с «экспансионистскими амбициями царя Николая I, которые привели страну к «антиимперским восстаниям в Польше в 1830 и в Венгрии в 1849», к Крымской войне с «Оттоманской империей» и последовавшему поражению России. И в этих словах явно звучит определенная враждебность автора к стране, в них отражается и официальная позиция британского правительства и общественного мнения, считавшего, что Россия угрожает интересам их страны. Впрочем, не отступая от избранной схемы изложения достижений, например, об увеличении количества школ, о публикации «Мертвых душ» Николая Гоголя, Ф. Л. Мортимер пишет и о «бросающейся в глаза» жесткой цензуре, об анархисте Михаиле Бакунине и о развитии с 1850 года нигилистского движения [6, р. 48]. Как нам представляется, приведенные примеры иллюстрируют стереотипы восприятия Ф. Л. Мортимер страны, ее явно скептическое отношение к России.

Второй «уровень» – это описание стран, в котором особый интерес представляют визуальные характеристики (внешность, одежда), атрибуты повседневной жизни (еда, жилище), города и особенности городской жизни, черты национального характера и религия. Специфика текста представляется в неразрывной взаимосвязи взглядов автора и предлагаемого текста. В описании внешнего вида европейцев автор придерживается простых, наглядных, легко запоминающихся образов. Маркерами служили такие эпитеты: «высокий», «сильный», «крепкий». Шотландцы выглядят «степенными и задумчивыми», ирландцы – «сильными и цветущими», так как «солнце здесь не слишком жаркое, а ветер не слишком холодный», такая погода благоприятно влияет на цвет их кожи, итальянцы – «очень темнокожие», цвет их кожи зависит от большого количества солнца, волосы и глаза черные, но не столь «яркие и веселые, как у французов», но более задумчивые и печальные», и это вполне объяснимо, так как их страна «уныла и грустна» [6, р. 30, 33, 54]. Следует выделить описание немцев, которые в большинстве своем «крепкие, высокие, отлично выглядящие мужчины, потому как у них обилие продуктов; женщины – прекрасны и свежи», с улыбками на лице [6, р. 58]. Внешность англичан, ирландцев, шотландцев, французов и немцев не вызывает у писательницы иронии в отличие от внешности русских и испанцев. Здесь автор использует совсем другие эпитеты: «длинноволосые, бородатые, неуклюжие, с большими ногами», испанцы ассоциируются у нее с «грабителями, убийцами», живущими в горах и лесах [6, р. 40, 48]. Подобная характеристика европейцев лишь вершина айсберга, в книге выделены наиболее понятные, доступные детям и не только «портреты» европейцев. Иными словами, в тексте скрывается мощный подтекст восприятия европейцев самим автором, отражающимся в названии книги. В связи с этим неслучаен и интерес писательницы к различным атрибутам обыденной жизни европейцев. При конструировании повседневной жизни она прежде всего обращается к наиболее доступным восприятию элементам этой жизни – одежде,

пище, жилью (коттеджам). Описание этих атрибутов более детализировано. Можно предположить, что это не просто вопрос внешней атрибутики. Эти детали создавали определенный образ страны. Так, Ф. Л. Мортимер с явной иронией пишет, что внешний вид и одежда русских вызывает удивление: мужчины носят «длинные бороды», «огромные ботинки из бараньей кожи» хотя женская одежда более приятная – «их одежда висит, скрывая талию поясом, а меховые сапоги делают ноги толстыми, как у слона» [6, р. 48]. В отличие от ирландских бедняков, одежда которых «поношенная, заштопанная и сшита из грубой ворсистой ткани», в описании англичан писательница обращает внимание на тот факт, что даже представители «низших классов» носят добротную одежду: «мужская одежда сшита из сукна, а женское платье из хорошей хлопчатобумажной ткани» [6, р. 33, 25]. Нетрудно заметить, что у автора одежда служит показателем не только социальной разобщенности, но и достижений страны. Примером тому служат наиболее развитые страны Европы, в первую очередь Великобритания, поэтому значимость Великобритании в европейском мире, и не только в нем, ее ценности порождали и особенности описания страны. Ф. Л. Мортимер достаточно трепетно и бережно относится к своей стране. И неслучайно писатель начинает свое повествование со слов о том, «что каждый ребенок любит свою страну больше всего» и стремится узнать о ней как можно больше. Именно в этих словах проявился, на наш взгляд, воспитательный момент и цель автора – привить и укрепить любовь к Англии. Автор рисует картину «доброй» Англии с ее зелеными полями, белыми коттеджами и маленькими садами, с поющими птицами. Но, главное – это люди, живущие в Англии: их образ жизни, их характер. По крайней мере, одну нацию Ф. Л. Мортимер знала не понаслышке.

Следует отметить, что использование «своего» как инструмента познания «чужой» культуры является важным приемом для автора и, по-видимому, не зависит от страны, которую она описывает. Писательница не проводит прямых аналогий, но стремится сделать познание «чужой» страны понятным и заставляет читателя, хотя бы мысленно, сравнивать с Британией. Нельзя утверждать, что британцев вовсе не занимали особенности повседневной жизни других стран или их обычаи. Но для Ф. Л. Мортимер эта информация была значимой лишь с точки зрения сопоставления с британской действительностью: а вот «петербургские магазины не столь приметны, как лондонские, хотя их много на улицах, но большее количество товаров все же продают на рыночных площадях. Впрочем, русский рынок в ее восприятии нечто необычное, здесь можно увидеть странные вещи: «целиком замороженные туши и тушки – коров, телят, зайцев, – которые стоят, словно живые на рынках Санкт-Петербурга; зимой людям приходится быстро бегать по улицам, чтобы избежать подобной участи», ... при этом Петербург поражает огромным количеством дворцов, среди которых Зимний дворец – резиденция русского императора, самый большой в Европе из красивейших зданий [6, р. 51]. В отличие от Санкт-Петербурга, Москва менее величественная, но более «приятная», ее особенностью является Кремль, «состоящий из нескольких зданий, расположенных на вершине горы, ... это «старый дворец царей, живших много лет назад» [6, р. 52]. Прежде всего Ф. Л. Мортимер, как и другим англичанам, интересным и, можно сказать, занимательным фактом представлялись не столько походы по субботам в баню, сколько описание этих бань: помещение заполнено паром, «люди лежат на скамьях, ...

мужчины бьют друг друга вениками, затем обливаются холодной водой ... Русские чувствуют себя плохо без такого купания» [6, р. 51], но при этом они моются раз в неделю. Это прежде всего, по ее мнению, касается бедных слоев или, как их называет автор, «черных людей». Восприятие же представителей высших сословий несколько иное и представляет собой симпатизирующие отзывы о европеизированном русском из высшего общества: они очень любят компании, устраивают прекрасные празднества, во время которых «разговаривают, смеются, танцуют с утра и до вечера»; ... детям богачей дана большая свобода: они очень быстро обучаются танцам и пению», но при этом Ф. Л. Мортимер выделяет и такие негативные моменты в образовании мальчиков: они растут невеждами – мальчики «не хотят учить латынь и греческий, они слишком безрассудны для того, чтобы думать об изучении языков, на которых никто не говорит» [6, р. 49]. Безусловно, здесь присутствует достаточно распространенное в английском обществе мнение о русских. Общий тон повествования должен помочь читателям в восприятии русских и России как чего-то интересного, но вместе с тем и необычного. Для Ф. Л. Мортимер Россия – страна множества противоречий.

Перед нами определенная информация, которая в основе соответствует прочно вошедшим в сознание викторианцев устойчивым стереотипам о европейцах. Автором определены типичные черты характера европейцев и их особенности: французы – «любители поговорить», они «излишне оптимистичны», немцы – «добросердечные, предусмотрительные, заботливые в семье», русские – «любители развлечений, ненадежные в деловых отношениях, не платят долгов и не заботятся о своих слугах» [6, р. 36, 58, 53]. Давая свою оценку, Ф. Л. Мортимер подчеркивает «сдержанность и благородство» англичан. Складывается своеобразная и не очень лестная мозаика личных качеств европейцев. Мы получаем набор представлений английской писательницы о «чужом».

С одной стороны, автор обращает внимание читателей на описание различных деталей обыденной жизни европейцев, пытается найти подходящие элементы сходства этой жизни, тем самым осмысливает некую схожесть между британцами и другими европейцами, а с другой – в книге присутствуют неуважительные, порой самонадеянные и противоречивые заявления Ф. Л. Мортимер, отражающие викторианские предубеждения по отношению к другим странам и ее жителям. Образ Европы и европейцев проходит через фильтр английского восприятия. Ксенофобия Ф. Л. Мортимер наполнена созданными ею образами, системой стереотипов, своеобразными, достаточно занимательными ориентирами для читателя.

Данный литературный памятник – источник специфический, отражающий два образа: первый – образ европейцев, которому посвящен, второй – в сфере которого создан. Книга содержит суждения, которые были свойственны викторианцам и являлись не только важнейшим ключом к пониманию того, как английский читатель воспринимал не только Британию, но и другие европейские страны. Их оценки были легко запоминающимися, доступными детям и взрослым и составляли систему приоритетов, в которой жил автор и читатели этой книги. Таким образом, восприятие Европы и европейцев второй половины XIX века нельзя отделить от самосознания викторианского общества. Вместе с тем данный литературный памятник как исторический источник представляется интересным по многим причинам. В первую очередь, он не только иллюстрирует характерные викторианские

стереотипы восприятия «другого», но может служить примером суждений и наблюдений, по-видимому, не очень доброжелательной представительницы викторианской эпохи в Британии. Кроме того, интересен сам текст, имеющий свою структуру, включающую два «уровня» описания стран; в тексте не приводятся прямых аналогий. Анализ источника (литературного памятника викторианской эпохи) позволяет сделать вывод о том, что дозированность информации (события, достижения, достопримечательности, личные качества европейцев и т. д.) объясняется обращением к особой группе читателей – молодому поколению англичан – и, безусловно, убеждением Ф. Л. Мортимер, что восприятие своей и других стран чаще всего формируется в детстве. По большому счету, ксенофобия Ф. Л. Мортимер играла определяющую роль в описании Европы и европейцев. В книге Ф. Л. Мортимер находится мало место сочувствию и много нелюбимому любопытству к нелепым инородным обычаям.

1. Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре»: науч. альманах / отв. ред. А. Гуревич. М.: Наука, 1994. 331 с.
2. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого»... поляки и русские глазами друга // «Диалог со временем». Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
3. Россия и Британия. Вып. 4: Связи и взаимные представления. XIX–XX в. М. 2006.
4. Румянцева М. Ф. «Чужое Я» в историческом познании: И. И. Лапшин и А. С. Лаппо-Данилевский // История и историки. № 1. С. 161–173.
5. Briggs A. Victorian People. A Resessment of Person and Jhemes 1851–1867. Harmendsworth, 1970.
6. Mrs. F. L. Mortimer. The Clumsiest People in Europe, or Mrs. Mortimers Bad-Tempered Guide to Victorian World. Ed. By Todd Prison. Copyright. Bloomsbery. N. Y. 2005.

1. Odissej. Chelovek v istorii. 1993: Obraz «Drugogo» v kul'ture»: nauch. al'manah / отв. red. A. Gurevich. M.: Nauka, 1994. 331 s.
3. Repina L. P. «Nacional'nyj harakter» i «obraz Drugogo»... poljaki i russkie glazami drug druga. «Dialog so vremenem». Al'manah intellektual'noj istorii. 2012, vyp, 39, pp. 9–19.
4. Rossija i Britanija. Vyp. 4: Svjazi i vzaimnye predstavlenija. XIX–XX v. M. 2006.
5. Rumjanceva M. F. «Chuzhoe Ja» v istoricheskom poznanii: I. I. Lapshin i A. S. Lappo-Danilevskij. Istorija i istoriki. No. 1, pp. 161–173.
6. Briggs A. Victorian People. A Resessment of Person and Jhemes 1851–1867. Harmendsworth, 1970.
7. Mrs. F. L. Mortimer. The Clumsiest People in Europe, or Mrs. Mortimers Bad-Tempered Guide to Victorian World. Ed. By Todd Prison. Copyright. Bloomsbery. N. Y. 2005.

Горбашова Галина Федоровна,
кандидат исторических наук, доцент,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, gg-1005@mail.ru

Gorbashova Galina Fedorovna,
Candidate of Historiy, Associate Professor, Mari State University,
Yoshkar-Ola, gg-1005@mail.ru

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ КРЫМСКИХ КОЛЛЕГ

(Рец на книгу: История Крыма.
М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 464 с.)

В 2014 году произошло событие международного масштаба – возвращение Крыма в состав России. Реакция общественности была весьма бурной: от обсуждения геополитических последствий до выпуска новых художественных и документальных фильмов. На фоне опубликованных статей об отдельных эпизодах, главным образом, военной истории Крыма XIX–XX веков, выход книги «История Крыма» под патронатом Российского военно-исторического общества (РВИО) является весьма актуальным и своевременным.

По словам создателей книги, работа над изданием началась сразу после выступления президента В. В. Путина в Георгиевском зале Кремля и длилась полгода [5]. Среди авторов – представители вузов и научных организаций Симферополя, Москвы, Севастополя, Липецка: И. А. Спивак, В. В. Хапаев, Е. Е. Бойцова, Н. Н. Петрухинцев, Я. В. Вишняков, А. А. Непомнящий, В. В. Калиновский, А. А. Смирнов, А. В. Севастьянов, А. В. Ганин, А. В. Исаев, А. В. Кузьмина, А. Н. Романов.

Обращаясь к читателям, министр культуры Российской Федерации В. Р. Мединский в предисловии пишет, что данный уникальный проект – первая в новой России «История Крыма» – будет интересен как профессиональным историкам, так и любителям прошлого [1, с. 8].

Не случайно издание уже рекомендовано для изучения в высших учебных заведениях. Уже в 2014 году появились первые отклики. Неоднозначная, а порой противоположная оценка данного издания [3] вызывает дополнительный интерес к его прочтению.

Структура работы представлена тринадцатью главами, хронологически последовательно прослеживающих историю Крымского полуострова с древности до середины 2014 года.

Первая глава – «На эллинско-варварском пограничье. Крым в древности» – основана на изданных ранее научных работах. Как справедливо считает И. А. Спивак, некоторые вопросы данного периода остаются до сих пор загадкой. Например, языковая принадлежность киммерийцев, ареал их первоначального обитания, тождество данной культуры с другими известными археологически культурами [1, с. 12–13].

Не менее интересной является история этноса «тавры»: как от происхождения самого этнонима, причин миграции в предгорья Крыма, так и исчезновение памятников, связанных с таврами [1, с. 14–19]. И, конечно, автор более подробно останавливается на описании других народов – скифов, сарматов, а также роли греческих полисов в освоении Крыма.

Как считает автор второй главы – «Северный форпост Византийской империи. Крым в IV – начале XIII века» – В. В. Хапаев, с началом Великого переселения

народов возросло значение Крымского полуострова и для Римской империи, а позднее – и для Византийской империи. К VII веку Таврика была благополучным и благоустроенным регионом, где христианство было объявлено государственной религией [1, с. 37–44]. Описывая дальнейшие жесточенные, а порой кровавые события борьбы за власть, автор рассматривает дискуссионный вопрос о степени влияния хазар на Крым. В. В. Хапаев приводит весьма интересные факты о пребывании Константина (Кирилла) в Херсонесе, о «русских письменах», об истинных условиях заключения русско-византийского союза между киевским князем Владимиром и Василием II [1, с. 51–52, 58–63].

Историческую эпоху XIII–XVII веков раскрывает третья глава «Между крестом и полумесяцем». Как считают авторы – Е. Е. Бойцова и В. В. Хапаев, особенность исламизации Крымского улуса – решающая роль светской власти, политика веротерпимости, сохранение конфессионального разнообразия. Определенный интерес вызывает описание государственного управления Крымского ханства.

Новая веха – борьба России за выход к Черному морю и присоединение Крыма к России (1687–1783) – отражены в главе четвертой «Путь к Тавриде» (авторы Н. Н. Петрухинцев, Я. В. Вишняков).

А. А. Непомнящий и В. В. Калиновский в пятой главе «Под скипетром России», рассматривая события конца XVIII – начала XIX века, делают вывод о том, что «вхождение Крыма в состав Российской империи кардинально сказалось на развитии полуострова». Отмечают при этом, что процесс увеличения русского присутствия не всегда проходил безболезненно, сопровождался массовой эмиграцией крымских татар [1, с. 195].

Шестая глава «Севастопольская страда. Крымская кампания 1854–1856 годов» достаточно подробно проанализирована С. Ченнык [10], поэтому сразу перейдем к следующей главе – «Южный фасад империи», посвященной пореформенной эпохе второй половины XIX – начала XX века. Кроме общеизвестных фактов, авторы приводят сведения о межконфессиональном конфликте первого десятилетия после Крымской войны, об изменениях этнической структуры населения Крыма [1, с. 253–254]. Значительное место А. А. Непомнящий и А. В. Севастьянов отвели торгово-экономическому развитию полуострова, возрождению Черноморского флота. Интересные сведения можно узнать о курортно-оздоровительной инфраструктуре Крыма, системе образования, культуры, деятельности общественно-политических организаций.

Годы революции и Гражданской войны отражены в главе с весьма красноречиво точным названием «Между красными и белыми». А. В. Ганин подробно описал все крымские события 1917–1920 годов, сделал вывод об влиянии Гражданской войны на Крым, в частности: эскалация межнациональных конфликтов, этнические чистки, разгул террора, уничтожение культурных ценностей [1, с. 328].

В девятой главе – «Красный Крым (1921–1941)» – отмечается, что «процесс установления Советской власти в Крыму носил более затяжной характер, чем в других регионах России» [1, с. 346]. Авторами А. А. Непомнящим и А. В. Севастьяновым весьма точно отмечены настроения крымских рабочих и крестьян, представителей «старого режима» по отношению к Советской власти. Указаны

последствия ее установления – массовый террор, жертвами которого, по разным оценкам, стали от 12000 до 120000 человек [1, с. 333].

Заметная роль отведена авторами выбору статуса Крыма. К причинам отклонения варианта национальной крымско-татарской автономии авторы относят следующие: «руководство РКП(б) опасалось усиления влияния Турции на события в Крыму, а скорее всего – не воспринимало крымских татар как надежных союзников в деле строительства социализма», «относительное преимущество славянских народов» в структуре населения. Тем не менее ЦИК КрАССР возглавил латыш Юрий Гавен, а СНК КрАССР – татарин Сахиб-Гарей Саид-Галиев [1, с. 334–335]. Интересно сравнить, что образование национальных автономий в Среднем Поволжье строилось с большим учетом этнических особенностей (Татарская АССР, Чувашская автономная область, Марийская автономная область [6; 8; 4]).

Далее представлена система органов власти КрАССР, сохранившаяся до 1937 года, и влияние на их работу РКП(б) – ВКП(б). Авторы считают, что особенность деятельности партийных органов – областной статус секретаря комитета партии. Отмечается отсутствие дублирования должностей (до второй половины 1930-х годов), внешняя независимость друг от друга законодательной, исполнительной и партийной ветвей власти.

Как и по всей стране, в 1920–30-е годы Крым претерпел несколько волн районирования. Правда, не указан экономический эффект данного процесса.

Авторы более подробно остановились на процессе «коренизации» (в случае Крыма – «татаризации»), которая, с одной стороны, дала импульс развитию национальных культур, а с другой, нанесла ущерб сбалансированному развитию всех народов Крыма [1, с. 339].

В вопросе освещения хозяйственной жизни Крыма авторы справедливо отмечают, что голод более 100 тысяч человек стал следствием политики продрозверстки, а разруха, бандитизм, эпидемия тифа усугубили ситуацию. Это вызвало открытые антибольшевистские выступления крестьян, преимущественно в тех районах, где проживали крымские татары.

По мнению авторов, новая экономическая политика как вынужденная (и временная) мера способствовала восстановлению ряда отраслей промышленности и аграрного сектора, а индустриализация – росту бюджетных влияний в тяжелую индустрию. Однако поспешная коллективизация снизила уровень жизни населения и сломала судьбы тысяч крымских крестьян [1, с. 346].

Далее А. А. Непомнящий и А. В. Севастьянов отмечают, что до начала 1930-х годов активно развивались система образования (в том числе высшего), работа по сохранению культурно-исторического наследия, краеведение. Вместе с тем, как и по всей стране, с середины 1930-х годов атмосфера нетерпимости к инакомыслию вылилась в массовый террор.

Годы Великой Отечественной войны отражены в главе «Крах проекта «Готенланд». Автор главы, А. В. Исаев, вводит в научный оборот новые источники, в том числе на немецком языке.

Материалы достаточно большого исторического отрезка времени (1945–1991 годы) включены в главу «Всесоюзная здравница». Помимо достаточно хорошо известных сведений, автором А. В. Кузиминой включены новые источники,

отражающие процесс депортации крымских татар (с упоминанием и Марийской АССР) [1, с. 408–409]. Относительно новыми можно назвать и сведения о событиях в Крыму конца 1980-х годов.

В следующей главе «Головная боль Киева» А. Н. Романов анализирует различные трактовки о нахождении Крыма в составе Украины периода 1991 – начала 2014 годов. Автор справедливо отмечает, что пока еще нет достаточного массива источников, «необходимых для полноценного исторического исследования» [1, с. 433].

Заключительная тринадцатая глава «Георгиевские цвета снова над Крымом. Воссоединение Крыма с Россией. 2014 год» (автор – А. Н. Романов) так же захватывающе интересно представляет читателю предпосылки крымского вопроса, сухие факты бурных событий февраля-марта 2014 года в интерпретации различных точек зрения.

Подводя итог, можно отметить, что для всей книги характерна некоторая неровность как стиля (от научного – до публицистического), так и источниковедческой базы исследования. И дело не в «территориальной принадлежности» авторов. Эффект восприятия информации можно было бы усилить, включив иллюстрации, таблицы и карты (особенно в первых главах). Наиболее удачными, с научной точки зрения, стали главы восьмая и десятая: в них представлены не только разнообразные опубликованные российские и зарубежные источники, но и архивные материалы.

Формат изложения книги можно, скорее, назвать просветительским. С этой точки зрения цель издания – внести ясность в споры об истории полуострова – достигнута. Подобного рода книги нужны, хотя и не отменяют необходимость написания фундаментального научного труда по истории Крыма.

1. История Крыма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
2. Куликов К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг.: монография. Ижевск: УИ ИЯП УрО РАН, 1993. 277 с.
3. Лабиринт.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.labyrinth.ru/reviews/show/986624/>
4. Минеева Е. К. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик исторический опыт и уроки. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос ун-та, 2007. 300 с.
5. Первая российская книга по истории Крыма появилась на прилавках // Известия. 2014. 18 ноября.
6. Сануков К. Н. Марийская автономия. К 90-летию образования Мар. авт. обл. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. 172 с.
7. Соколов Д. «История Крыма»: плюсы и минусы. Рецензия. URL: <http://military.sevstudio.com/d-sokolov-istoriya-kruma-plyusy-i-minu/>
8. Сутырина О. Н. Социально-экономическое развитие Марийской автономной области в условиях новой экономической политики (1921–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. 334 с.
9. Хайрутдинов Р. Г. Трудное возрождение (февр. 1917–1920 гг.): [Образование Татар. АССР]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 182 с.
10. Ченнык С. «История Крыма»: хотели как лучше... URL: <http://military.sevstudio.com/istoria-krima/>

1. Istorija Kryma. M.: OLMA Media Grupp, 2015.
2. Kulikov K. I. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo vostochno-finskih narodov v 1917–1937 gg.: monografija. Izhevsk: UI IJaP UrO RAN, 1993, 277 p.
3. Labirint.ru [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.labirint.ru/reviews/show/986624/>
4. Mineeva E. K. Narkomnac i stanovlenie Marijskoj, Mordovskoj, Chuvashskoj avtonomnyh respublik istoricheskij opyt i uroki. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. gos un-ta, 2007. 300 s.
5. Pervaja rossijskaja kniga po istorii Kryma pojavilas' na prilavkah. *Izvestija*. 2014, 18 nojabrja.
6. Sanukov K. N. Marijskaja avtonomija. K 90-letiju obrazovanija Mar. avt. obl. 2-e izd., dop. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 2010. 172 p.
7. Sokolov D. «Istorija Kryma»: pljusy i minusy. Recenzija. URL: <http://military.sevstudio.com/d-sokolov-istoriya-kryma-plyusy-i-minu/>
8. Sutyryna O. N. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Marijskoj avtonomnoj oblasti v uslovijah novoj jekonomicheskoy politiki (1921–1928 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 1997, 334 p.
9. Hajrutdinov R. G. Trudnoe vozrozhdenie (fevr. 1917–1920 gg.): [Obrazovanie Tatar. ASSR]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1992, 182 p.
10. Chennyk S. «Istorija Kryma»: hoteli kak luchshe... URL: <http://military.sevstudio.com/istoria-krima/>

Сутырина Ольга Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола,
sutyryna.olya@yandex.ru

Sutyryna Olga Nikolaevna, Candidate of History, Associate Professor,
Volga State Technological University, Yoshkar-Ola, sutyryna.olya@yandex.ru

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В КРЫМУ

(рец. на книгу: Е. М. Литвинова. Царская семья в Крыму.
Симферополь: ООО «Рубин – Плюс»,
«Амазонка – Крым», 2014. 480 с., илл.)

В 2017 году исполняется 100 лет Октябрьской революции в России, с которой непосредственно связано уничтожение последних представителей Царской династии Романовых. На протяжении трех веков Россией управляли разные правители: как сильные, так и слабые. Но при всех явных и неявных просчетах во внутренней, внешней политике они сумели сделать Россию сильной и могущественной империей. О правлении и жизни представителей династии Романовых в различное время написано достаточно много. Однако до настоящего времени сохраняются малоизвестные страницы жизни и деятельности русских самодержцев, одна из которых связана с Крымом. Говоря об этом, исследовательница Е. М. Литвинова справедливо замечает, «что нынешний облик благодатного края с его удивительной по красоте и разнообразию природой, знаменитыми дворцами и парковыми ансамблями не существовала бы без благословения и колоссального материального вклада со стороны Царской семьи».

Известно, что на протяжении нескольких веков Крым был очагом агрессии для русского государства, крымчане неоднократно совершали опустошительные набеги на русские земли. Крымскую проблему удалось решить только императрице Екатерине II в ходе двух русско-турецких войн (1768–1774; 1787–1791), 8 июня 1783 года состоялось знаменательное событие – подписание Екатериной II манифеста о присоединении Крыма к России.

Вызывают большой интерес сюжеты книги Е. М. Литвиновой, посвященные 12-дневной поездке Екатерины II по Крыму, состоявшейся в 1787 году. Поездка царицы, замечает автор, «оказала огромное влияние на экономическое развитие многих губерний, и прежде всего юга России. Естественные богатства края привлекли внимание промышленников и торговцев. Морские порты, например Феодосия, получили право беспошлинного ввоза и вывоза товаров, что оживило торговлю с иностранными державами». Разумеется, что во главе почти всех этих бессмертных начинаний стоял Григорий Александрович Потемкин – выдающийся политик и администратор... Автор не оставила без внимания события, связанные с пребыванием императора Александра I в Крыму в конце октября 1825 года, незадолго до его кончины.

Справедливо, на наш взгляд, замечание Е. М. Литвиновой, что Александр I, будучи убежденным сторонником сухопутной армии как главной ударной силы на войне, уделял мало внимания флоту, в связи с этим Севастополь, как главный военный порт Черноморского флота, сдал свои позиции. В казне денег ни на крепость, ни на корабли не было, боеспособность флота упала.

В качестве положительного момента деятельности императора Александра I в Крыму автор называет назначение главнокомандующим флотом и военным

губернатором городов Николаева и Севастополя вице-адмирала Алексея Грига, внесшего большой вклад в повышение боеспособности военно-морских сил в Крыму.

Для императора Николая I Крым имел весьма важное экономическое значение. В сентябре 1837 года состоялась инспекционная поездка царя по западным и южным губерниям России и Закавказья. Крым очаровал императора и его семью. Уже тогда у Николая I возникла идея о строительстве Ореандского дворца для своей любимой жены Александры Федоровны, который был готов в 1852 году. Однако, как пишет Е. М. Литвинова, царь интересовался не только обустройством комфортного жилья. В центре его внимания стоял вопрос об укреплении обороноспособности Крыма, в частности Севастополя. Именно с подачи императора начинаются активные работы по укреплению береговой обороны города, проверяются и утверждаются финансирование.

Один из выдающихся правителей Российского государства Александр II очень любил Крым и был там неоднократно с семьей, не только отдыхая, но и занимаясь благоустройством края. Начало царствования Александра II совпало с драматическим временем – Крымской войной, поэтому поездка царя туда осенью 1855 года была вовсе не случайной, Александр II хотел лично разобраться в сложившейся ситуации и принять правильное решение. Речь идет о подписании 18 марта 1856 года мирного договора в Париже.

Много страниц книги отводится личности императрицы Марии Александровны – принцессе Дармштадтской Максимилиане-Вильгельмине Софье-Марии Августе – жене императора Александра II, которая многих приводила в восторг широтой интересов и высокими душевными качествами.

Первое посещение Ливадии царской семьей в 1861 году стало определяющим в выборе места отдыха – Крым был всеми признан лучшим. Отдых в Ливадии, где специально для этого был построен дворец под руководством талантливого архитектора И. А. Монигетти в 1866 году, сочетался с работой, именно здесь император принимал министра иностранных дел Турции Фауд-пашу, американских туристов, в числе которых был молодой журналист Сэмюэль Клеменс – будущий писатель Марк Твен.

Без преувеличения можно сказать, что на отдыхе в Крыму император Александр II много размышлял о судьбах России, его народа, реформах. Он находил здесь утешение, обретал душевное спокойствие особенно в период покушений на него со стороны народовольцев. Здесь он был «незадолго до своей трагической смерти».

Александр III, будучи ребенком, бывал в Крыму вместе с отцом-императором, а став правителем России, оставался горячим поклонником Крыма. С именем Александра III и князя Л. С. Голицина связано успешное развитие виноделия в Крыму. К 1891 году площадь виноградников в удельных имениях Крыма и Кавказа достигла 600 десятин, а общий выпуск вина превысил 100 000 ведер в год.

Приезды августейших особ в Крым, как было отмечено ранее, способствовали бурному развитию крымских городов, так в Ялте строились дома, гостиницы, пансионаты, лечебницы. Многие школы, училища, санатории в Ялте возникли благодаря щедрым пожертвованиям Романовых. В Крыму происходили исторические для всей России события: в книге особенно ярко описаны те, которые

произошли в Ливадии в 1891 году: императорская чета отмечала 25-летний юбилей, и здесь же спустя четыре года император умер. Слова, сказанные императором Александром III на смертном одре цесаревичу Николаю, стали хрестоматийными: «В политике внешней – держись независимой позиции. Помни, – у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию, в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Так сложилось, что цесаревич Николай 20 сентября 1894 года в Крестовоздвиженской церкви Ливадии принял царский венец, там был зачитан манифест о вступлении его на престол. В этой же церкви на следующий день приняла православие немецкая принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис-Гессен-Дармштаттская, ставшая императрицей Александрой Федоровной.

1898 год стал важным этапом в жизни Ливадии, здесь проходила напряженная работа императора Николая II, его окружения по подготовке и проведению международной конференции в Гааге, состоявшейся в мае-июне 1899 года. В Крыму благодаря инициативе Николая II в конце 1890-х годов началось строительство санаториев для детей, моряков, офицеров. Были построены лечебницы для больных туберкулезом.

Николай II и его семья были достаточно частыми гостями солнечного Крыма. В книге Е. М. Литвиновой содержится немало редких исторических фотографий, посвященных семейному отдыху, путешествиям по краю царской семьи.

Николай II горячо поддерживал все инициативы, направленные на исследование прошлого Крыма и сохранение памятников его истории и культуры. По распоряжению царя финансировалась работа искусствоведов, архитекторов и общественных деятелей. Весной 1916 года царская семья посетила крымскую землю, не предполагая, что это последний визит, впереди была кровавая революция, мужнический подвиг августейшей фамилии.

Появление книги Е. М. Литвиновой – несомненно, важное событие в отечественной исторической литературе. Детально, увлекательно, с привлечением обширного исторического и краеведческого материала представлена история жизни и деятельности монарших особ. Реконструирована история жизни монарших особ и членов их семей на протяжении длительного периода времени, показано значение Крыма и крымских периодов жизни царской семьи в российской истории.

Левенштейн Олег Генрихович,
кандидат исторических наук, доцент,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, nel-levenshtein@yandex.ru

Levenshtejn Oleg Genrihovich,
Candidate of History, Associate Professor,
Mari State University, Yoshkar-Ola, nel-levenshtein@yandex.ru

**ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОБЫТИЯХ 2015 ГОДА**

2015 год в жизни историко-филологического факультета Марийского государственного университета был отмечен знаменательными научными мероприятиями, связанными со знаменательными датами истории. Семидесятилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне, окончание Второй мировой войны, столетие с начала великой войны 1914–1918 годов стимулировали интерес преподавателей, аспирантов, студентов факультета к этим, без сомнения, трагическим событиями всеобщей истории, способствовали появлению новых исследовательских проектов, популяризации военной истории, развитию патриотизма среди молодежи и студенчества.

На базе историко-филологического факультета в течение года прошла серия исторических реконструкций «В этот день семьдесят лет назад», патриотических акций «Бессмертный полк», «День памяти и скорби», творческих конкурсов для студентов и учащихся общеобразовательных учебных заведений, спортивных состязаний. Преподаватели-специалисты в области филологии и журналистики организовали конкурсы и литературные вечера, посвященные книгам о Первой и Второй мировым войнам.

Большой вклад в восстановление памяти о Великой Отечественной войне внес студенческий поисковый отряд СПО «Воскресение», действующий на базе историко-филологического факультета Марийского государственного университета с 2013 года. Бойцы поискового отряда совершили несколько экспедиций на места боев (Ленинградская область, о. Гогланд, Смоленская область) с целью обнаружения и захоронения останков участников Великой Отечественной войны, приняли участие в региональных и всероссийских слетах поисковых отрядов, организовали просветительскую работу в общеобразовательных учебных заведениях, прежде всего, в кадетских классах. В мае 2015 года в корпусе историко-филологического факультета состоялось торжественное открытие Музея поискового движения Марийского государственного университета, экспозиция включила как находки поисковиков, так и копии важнейших исторических документов, карты и фотографии, оказывающие мощный эмоциональный эффект на посетителей музея.

Неотъемлемой частью памятных мероприятий 2015 года стали научные форумы, посвященные Великой Победе – внутривузовская конференция по итогам научно-исследовательской работы, конкурс научно-исследовательских проектов «Поколения памяти», заседания дискуссионных клубов при факультете – исторического («Хронос»), политического («Сократ»), филологического («Логос»), журналистского («Журналист»). Следует также отметить создание интерактивного музея, в котором содержатся сведения о преподавателях, сотрудниках и студентах университета – участников войны. В отличие от традиционного музея,

интерактивный предполагает индивидуальное, без помощи музейного работника, получение информации, с использованием специального портала.

Особо необходимо упомянуть об издании книги воспоминаний ветеранов Марийского государственного университета (Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской) «Мы сражались за родину», подготовленной Ю. Н. Смирновым. Презентация сборника воспоминаний – важнейшего исторического источника о Великой Отечественной войне – прошла 20 октября 2015 года в Музее истории Марийского государственного университета.

Без сомнения, не может не радовать расширение исследовательских возможностей марийских ученых. 19 ноября 2015 года на базе ГБУК РМЭ «Национальная библиотека им. С. Г. Чавайна» по инициативе представительства Министерства иностранных дел Российской Федерации состоялось открытие выставки «Нюрнбергский процесс: история и современность», посвященной семидесятилетию международного военного трибунала, осудившего преступников – лидеров гитлеровской Германии. Выставку посетили как ведущие историки, так и студенты Марийского государственного университета. По общему мнению, введение в научный оборот рассекреченных материалов приведет к появлению новых трактовок отдельных эпизодов Второй мировой войны, созданию более рельефных образов идеологов и практиков Третьего рейха, поможет переосмыслить роль событий середины XX столетия в формировании современного политико-правового поля, пресечь попытки фальсификации истории Второй мировой войны.

С сентября 2015 года при Йошкар-Олинском отделении Российского общества интеллектуальной истории в форме научно-дискуссионного клуба «Запад – Восток» начала действовать молодежная секция, объединившая начинающих исследователей Марийского государственного университета, изучающих идеи, социальные, политические, религиозные, культурные контексты, в которых они рождаются, распространяются и развиваются.

Тема первого заседания молодежной секции Йошкар-Олинского РОИИ была сформулирована как «Забытая война? Первая мировая война в современной российской историографии». Предметом обсуждения стали новейшие, вышедшие накануне 100-летнего юбилея научные статьи, монографии и коллективные издания, частично представленные в выставке научных работ «Первая мировая война», подготовленной сотрудниками библиотеки Марийского государственного университета.

Работу заседания открыла председатель Йошкар-Олинского отделения РОИИ, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Г. В. Рокина, отметив важность обращения к теме Первой мировой войны с учетом новых методологических подходов. В качестве экспертов присутствовали: ученый секретарь РОИИ, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Е. В. Лежнина, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории А. А. Соловьев, а также младший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева при Правительстве Марий Эл А. Н. Кудрявцев.

В ходе обсуждения участники заседания клуба «Запад – Восток» пришли к выводу, что Первая Мировая война перестала быть «белым» пятном истории, так как за последние годы издавались как обобщающие, так и специальные работы по истории экономики, внутренней и внешней политике воюющих стран,

международной дипломатии, военных действий, военному искусству и боевой технике 1914–1918 гг., психологии человека, оказавшегося на войне, быту и повседневности, как в России, так и за рубежом, с учетом новых методологических подходов. В то же время присутствующие отметили, что период Первой мировой войны недостаточно хорошо исследован в истории Марийского края. Данное явление можно объяснить недостатком источников, сложностью сбора и обработки информации, а также искажением исторической памяти об этой войне, которая продолжает восприниматься современниками как несправедливая, «империалистическая», имевшая лишь негативные для нашей страны последствия.

В этой связи большую ценность приобрело выступление А. Н. Кудрявцева на тему «Опыт работы со сводными данными о солдатах Первой Мировой войны», в котором были описаны основные методы изучения биографий участников Первой мировой войны на базе архивных, в том числе и местных, материалов. Предложенный А. Н. Кудрявцевым алгоритм поиска данных позволяет, оттолкнувшись от недостаточных, фрагментарных данных, собрать максимум информации об отдельном воинском подразделении, призыве, конкретном солдате-участнике Первой мировой войны. Применение количественных методов и новейших информационных технологий в историческом исследовании дает возможность сформировать единый банк данных участников Первой мировой войны. Написание индивидуальных или коллективных биографий солдат Первой мировой войны будет «очеловечивать» участников сражений, приближать современных людей к пониманию психологии их поведения, менять стереотипный негативный взгляд на это историческое событие.

В докладе аспиранта кафедры всеобщей истории Г. С. Морозова «Проблема русского плена в современной отечественной историографии» анализировались последние научные работы, освящающие судьбы пленных солдат и офицеров. В этом ключе большой интерес представляют судьбы иностранных военнопленных, прежде всего австрийцев, оказавшихся в военные и послевоенные годы на территории Марийского края.

По общему мнению, изучение различных аспектов истории Первой мировой войны – одно из наиболее перспективных направлений российской и зарубежной историографии, которое активно представлено, в том числе и в проблематике интеллектуальной истории.

Среди важнейших научных мероприятий 2015 года также следует упомянуть события, приуроченные к 95-летию образования Марийской автономной области (4 ноября 1920 года). Накануне праздника 29 октября на базе Марийского государственного университета были проведены парламентские слушания «Развитие законодательства в Марийской автономной области – Марийской АССР – Республике Марий Эл. Этапы становления». С историческим экскурсом в период образования Марийской автономной области выступил доктор исторических наук, профессор С. В. Стариков, отметив, что складывание политических институтов советской власти на марийской земле проходило достаточно болезненно. 3 ноября 2015 года в актовом зале историко-филологического факультета состоялась презентация книги доктора исторических наук, профессора А. Г. Иванова и доктора исторических наук, профессора К. Н. Санукова «История Марий Эл» – учебного пособия, рассчитанного на школьников старших классов, а также любителей региональной истории. Написанная

живым понятным языком, «История Марий Эл» в доступной форме излагает события прошлого Марийского края.

Несомненно, отличительной особенностью научной жизни историко-филологического факультета 2015 года стало широкое дискуссионное пространство, которое позволило обсудить наиболее интересные, волнующие как авторитетных ученых, так и начинающих исследователей, проблемы всеобщей и отечественной истории, наметить планы на будущее.

1. Кудрявцев А. Н., Соколов А. В. В окопах и плену: солдатский дневник Первой мировой войны // Запад – Восток. 2014. № 7. С. 136–152.
2. Рокина Г. В. Предисловие // Запад – Восток. 2014. № 7. С. 5–6.
3. Комелина Л. Н. Первая мировая война и город Царевококшайск // Запад – Восток. 2014. № 7. С. 126–135.

1. Kudrjavcev A. N., Sokolov A. V. V okopah i plenu: soldatskij dnevnik Pervoj mirovoj vojny. *Zapad – Vostok*. 2014, no. 7, pp. 136–152.
2. Rokina G. V. Predislovie. *Zapad – Vostok*. 2014, no. 7, pp. 5–6.
3. Komelina L. N. Pervaja mirovaja vojna i gorod Carevokokshajsk. *Zapad – Vostok*. 2014, no. 7, pp. 126–135.

Лежнина Елена Владимировна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, elena-lezhnina@yandex.ru

Lezhnina Elena Vladimirovna,
Candidate of History, Senior Lecturer,
Mari State University, Yoshkar-Ola,
elena-lezhnina@yandex.ru

**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Прошедшее лето 2014 года для членов Йошкар-Олинского отделения Российского общества интеллектуальной истории и ученых вузов марийской столицы было по-настоящему жарким и трудовым. Активная творческая деятельность продолжалась и во время летнего отпуска – творческие коллективы ученых приняли активное участие в конкурсах научных и социальных проектов, которые были объявлены Российским государственным научным фондом и Министерством социальной защиты населения Республики Марий Эл. Члены Йошкар-Олинского отделения РОИИ приняли участие в проектной группе в качестве соисполнителей с учеными Института всеобщей истории и Института славяноведения РАН в составлении заявки на основной конкурс РГНФ «Международная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (руководитель проекта – председатель РОИИ, председатель российской части российско-словацкой комиссии историков при Национальном комитете историков РАН и Института истории Словацкой академии наук Л. П. Репина). Словацкая тематика была продолжена в заявке руководителя Йошкар-Олинского отделения РОИИ, члена российско-словацкой комиссии историков Г. В. Рокиной «Россия и Словакия в Первой мировой войне: перекрестки судеб». Эта заявка – результат многолетнего сотрудничества ученых России и Словакии, в ней принял участие ректор Высшей школы Данубиус, профессор, заведующий кафедрой Университета им. Я. А. Коменского, член словацко-российской комиссии историков М. Даниш.

На конкурс поддержки молодых ученых в РГНФ была подана заявка творческого коллектива Республики Марий Эл «Процессы ассимиляции и аккультурации в истории империй нового времени: компаративное исследование на примере Великобритании, Австро-Венгрии и России»; в ее составлении приняли участие заведующая кафедрой всеобщей истории Марийского госуниверситета Г. Ф. Горбашова, старший научный сотрудник учебно-исследовательской лаборатории этногендерных исследований МарГУ О. Б. Земцова, секретарь Йошкар-Олинского отделения РОИИ – Е. В. Лежнина.

В соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации «Об обеспечении в 2015 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина» Министерством социальной защиты населения и труда Республики Марий был объявлен конкурс социальных проектов. На этот конкурс свой проект «Мы нужны друг другу» представила группа ученых Межрегионального открытого социального института в сотворчестве с членами Йошкар-Олинского отделения РОИИ. Проблема межнациональных

и межконфессиональных отношений – одна из приоритетных в научных изысканиях ученых-гуманитариев Республики Марий Эл. Изучение диаспор и землячеств, особенностей осуществления государственной национальной политики в Марий Эл всегда находится в центре внимания исследователей. Один из выпусков ежегодника «Запад – Восток» был специально посвящен этой проблематике. Цель данного проекта – сохранение самобытности этнической культуры белорусов, проживающих в Республике Марий Эл в условиях формирования единой гражданской российской идентичности.

В Марий Эл, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживает 940 белорусов. Разные пути привели их в Республику Марий Эл: одни были эвакуированы в эти края в годы Великой Отечественной войны, другие получили распределение после завершения высших учебных заведений, техникумов Беларуси, кто-то проходил службу в рядах Советской Армии. Многие белорусы остались здесь навсегда. Среди них есть известные врачи, юристы, служащие.

Настоящий проект предполагает объединить белорусов, проживающих не только в столице, но и районах Республики Марий Эл; общими усилиями сохранять, развивать и знакомить другие народы с белорусской культурой. Объединение белорусов Республики Марий Эл (руководитель – доцент кафедры всеобщей истории В. М. Новик) будет способствовать укреплению национального самосознания и любви к своей малой Родине, уважительному отношению к духовным и материальным ценностям других народов.

Эти задачи проекта предполагается реализовать в следующих мероприятиях: форум «Многоцветие земли марийской», с участием представителей общественных организаций РМЭ, научно-практическая конференция «Беларусь и Россия – пути сотрудничества», посвященная подписанию Союзного договора 2 апреля 1996 года; фестиваль «Квитней, Беларусь», посвященный Дню независимости Беларуси (3 июля); фотовыставка «Путешествие по Беларуси»; поэтический вечер «Поговори со мною, мама» и вечер белорусской поэзии, посвященный члену Союза писателей СССР, поэтессе из РМЭ Н. И. Жибрик.

В ходе реализации проекта ученые и общественные деятели Республики Марий Эл продолжают работу по поиску материалов о белорусах в архивах РМЭ и созданию интернет-ресурса «Белорусы в Республике Марий Эл».

Таковы итоги «проектного» лета ученых-гуманитариев Йошкар-Олы, результаты которого все ожидают в конце 2015 – начале 2016 года. Возможно, заявки будут поддержаны и результаты новых научных исследований станут темами очередных выпусков ежегодника «Запад – Восток».

1. Рокина Г. В. Человек как субъект общественных изменений в поликультурном регионе // Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья: сборник материалов II Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Шкалина. Йошкар-Ола, 2009. С. 16–20.

2. Новик В. М. Социальный портрет белорусов Республики Марий Эл // Запад – Восток. № 4–5. 2012. С. 47–50.

1. Rokina G. V. Chelovek kak sub"ekt obshhestvennyh izmenenij v polikul'turnom regione. *Problemy revitalizacii tradicionnoj kul'tury narodov Volgo-Kam'ja: sbornik materialov II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Nauch. red. G. E. Shkalina. Yoshkar-Ola, 2009, pp. 16–20.
2. Novik V. M. Social'nyj portret belorusov Respubliki Marij Jel. *Zapad – Vostok*. No. 4–5, 2012, pp. 47–50.

Новик Вера Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент,
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

Novik Vera Mihajlovna,
Candidate of History, Associate Professor,
Mari State University, Yoshkar-Ola

Рокина Галина Викторовна,
доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, galina@rokina.ru

Rokina Galina Viktorovna,
Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, galina@rokina.ru

Лошадь

(Воспоминания очевидца о первом годе нахождения спецпереселенцев крымских татар в Марийской АССР, высленных в мае 1944 г. из Крымской АССР)

Д. Куртсеитов

Статья была опубликована в газете «Янъы дюнъя» («Новый мир») № 20–21 (185–186) 18 мая 1994 года в г. Симферополе на крымско-татарском языке. В номере, посвященном трагической дате в истории крымско-татарского народа – 50-летию памяти жертв изгнания с родной земли.

Шел первый год нашего нахождения в местах спецпоселений, быстро прошло лето, наступила осень, приближалась зима. Местные начальники, руководившие вырубкой леса на лесоучастках, видя наше состояние, все как один пугали суровой зимой этих мест и говорили: «Не выживете, все как один помрете». Все это еще сильнее усиливало и без того имевшийся в нас страх. Первая зима для нас, спецпереселенцев, прибывших весной 1944 года из Крыма, оказалось очень суровой, хотя температура и не опускалась до 60 градусов, как нас пугали местные жители, но зима сделала свое черное дело.

Еще осенью битком забитые спецпереселенцами и напоминающие рыбную бочку бараки, к весне значительно опустели из-за умерших от голода и болезни людей и представляли собой унылую картину.

Частые холодные дожди ранней весны 1945 г., растаявшие сугробы вокруг бараков заполнили водой все пространство и превратили его в настоящее болото. Окружающая нас природа постепенно оживала, на деревьях набухали почки, весеннее солнце стало греть теплее. К этому времени все, у кого были более-менее ценные вещи, уже давно обменяли у местного населения на картофель, который также давно уже был съеден.

Многим спецпереселенцам при выселении не дали взять с собой самое необходимое, не говоря о теплых вещах. Ранним утром 18 мая 1944 года в каждый дом, где проживали крымские татары, прикладами автоматов стучались солдаты войск НКВД. Всех подымали с постелей, детей, стариков, лежащих больных, зачитывали им постановление ГКО СССР от 11 мая 1944 года о выселении и давали пятнадцать минут на сборы, часто и это время сокращали. Мужчины-военнообязанные все были призваны в Красную армию и воевали на фронтах. Все достигшие за время войны призывного возраста и кто по разным причинам не был мобилизован в армию в 1941 году, после освобождения Крыма в 1944 году были призваны и направлены в трудовую

армию. В семьях не было мужчин. Матери, особенно многодетные, за 15 минут должны были собрать детей, стариков, многие не понимали что происходит. В нашей семье было восемь детей, отец Аблямит Куртсеитов был инвалидом Первой мировой войны, участником знаменитого «Брусиловского прорыва», во время которого был тяжело ранен, имел награду. До этого несколькими месяцами раньше, в декабре 1943 года, немецкие оккупанты сожгли полностью нашу деревню Ени-Сарай, как и другие села, за помощь партизанам. Все наше имущество сгорело, жили у родственников в разных селах.

Привыкшие за время оккупации к расстрелам и уничтожениям, люди думали о самом худшем. Брала с собой Коран и молились. Ведь еще вчера все с радостью встречали солдат освободителей, угощали их тем, что было.

После весны 1944 года прошел почти год. Голод забирал все больше и больше человеческих жизней. В длинных деревянных бараках населенного пункта «12 километр» Суслонгерского леспромхоза Марийской АССР были слышны глухие стоны умирающих стариков, плач голодных детей. Умерших хоронили на том месте, на которое указал комендант. Это было сырое песчаное место, где вырыть нормальную могилу не представлялось возможным, через полметра начинала проступать вода. Хоронили покойников без савана, читались только молитвы, стариками у которых еще были силы. Трупы предьявлялись в обязательном порядке представителям комендатуры, которая вела надзор, учет и следила за тем, чтобы спецпереселенцы не покидали этот самый настоящий лагерь, где до нас содержали немецких военнопленных, бараки были обнесены колючей проволокой, по углам со времен немецкого лагеря стояли сторожевые вышки.

Жителями бараков «12 километра» были выходцы из разных сел и районов Крыма. При выселении наш состав долго стоял на станции Сеитлер. Видимо, он был одним из последних, поэтому его забивали людьми, которых вылавливали в разных местах. В него бросали инвалидов войны, которые тянулись в родные села после освобождения Крыма, как наш дядя Бенсеит Ягъев, служивший в авиации, приехавший из госпиталя 17 мая, а 18 мая вместе со всеми был брошен в вагон для перевозки скота нашего состава. Как стало известно позже, большая часть спецпереселенцев крымских татар была выселена в Среднюю Азию и лишь небольшая часть на Урал, и мы оказались в их числе.

Жизнь бесправных спецпереселенцев была очень тяжелой. Скучный хлебный паек для работающих, а для иждивенцев в два раза меньше. В семьях было много детей и других непригодных к работе. Чтобы выжить в этих трудных условиях, дети-подростки работали вместе со взрослыми. В нашем бараке жила женщина по имени Шейде из села Семен Карасубазарского района (мужа расстреляли по решению тройки во время коллективизации, впоследствии его реабилитировали). Она вставала утром раньше всех, бежала к роднику, который находился на приличном расстоянии, набирала аккуратно кружкой ведро воды, накрывала его передником и таким образом приносила воду сыну Абдураману 16–17 лет, который с детства не мог пить мутную воду. Все остальные жители, брали воду из речки, которая протекала рядом с бараками и была достаточно мутной.

Как и каждое утро, тетя Шейде, взяв ведро, направилась к роднику, подходя к железнодорожному переезду, увидела, что на обочине полотна лежит сбита паровозом лошадь, внутренности которой были вывалены. Забыв про воду, она

прибежала в барак и начала кричать: «Люди на переезде лежит сбитая ночью паровозом лошадь». Эта новость молниеносно разлетелась по всем шести баракам. Вооружившись топорами (все работоспособные работали на лесоповале, грузили лес на вагоны, подростки работали сучкорубами), ножами, у кого что было под рукой, жители барачных побегали к лошади, это был подарок судьбы, надежда на выживание. Лошадь оказалась немецкой, трофейной, большой, без хвоста (их использовали на работах в лесу). Пока мы, дети, подростки, прибежали к лошади, те, кто первым оказались у лошади, успели отрезать самые хорошие куски мяса. Над тушей лошади работали всем, чем придется, это напоминало муравейник. Через полчаса, на месте где лежала большая лошадь, уже ничего не было. Все, кому что удалось отрезать, несли к баракам. Уже забывшие за год вкус мяса, голодные люди стали быстро разводить костры и варить мясо в приспособленной для этого посуде. Все это напоминало стихию, которая могла закончиться ничем. Наши старики, которые всегда подходили к делу взвешенно и обдуманно, решили этот процесс организовать с пользой для всех.

Один из старейшин Чалбаш Билял обратился к людям: «Народ, остановитесь! Не торопитесь нам необходимо сейчас все мясо спрятать в лесу, с часу на час ожидается приезд коменданта. Мы останемся без мяса, этот божий дар можем упустить. Тем более, мы не знаем, чья эта лошадь». Люди с большой неохотой подчинились слову старейшины, и начали уносить мясо в лес, где его надежно спрятали.

Действительно, через некоторое время приехал комендант и сопровождающий его вооруженный конвой. Старшие по баракам доложили о численности своих жителей. Старшая по нашему барачу, бывшая учительница тетя Нурие, также отчиталась о своих подопечных. К счастью, комендант куда-то торопился и вскоре он со своей командой удалился.

Коменданты спецпоселений в большинстве своем были людьми жестокими, о них всегда очень плохо отзывались, детей пугали словами: «Будешь плакать – комендант придет». Замершие при проверке жители барачных вновь оживились. После отъезда коменданта все мясо вынесли из леса и под руководством старейшин Чибереки Ильяс-ага, Чалбаш Билял-оджа (учитель), Сулейман-ага поделили между жителями барачных в соответствии с численностью жителей, с учетом тех, кто находился на рабочей смене или отсутствовал по другим причинам. Перед каждым барачом развели костры и начали варить мясо в имеющихся кастрюлях, ведрах и другой посуде. Запах варящегося мяса буквально кружил головы. Сухие поленья горели хорошо, самые нетерпеливые пытались попробовать не сварившееся мясо, утверждая, что горячее сырым не бывает.

Лошадь, несмотря на свою величину (не меньше полутонны), оказалась молодой, мясо через пару-тройку часов быстро сварилось. Сварили все, что можно сварить, поделили всем поровну. Билял-ага вел тайно учет всех, кого сюда привезли из Крыма, кто уже умер, и поэтому знал численность жителей каждого барака. До обеда все мясо было уже съедено, после трапезы, как принято у нас, совершили молитву. После этого убрали вокруг барачных все, что напоминало о лошади. Куски шкуры разобрали на обувь.

После такого нежданного пиршества, пришло насыщение, люди успокоились, появилась вера в то, что выживут, то есть доживут до спасительного лета. Одновременно с этим думающие люди стали задавать себе вопросы: «Откуда

взялась эта лошадь? Как она сюда попала? Кому она принадлежала?» И вместе с этими вопросами новая волна внутреннего страха стала искать ответы на них. И развязка не стала себя долго ждать. После обеда перед бараками появились двое военных, которые искали потерявшуюся лошадь.

Один из них был постарше, круглолицый, смуглый, с густыми черными усами, узковатыми глазами, второй был выше ростом и светлый, лет ему было 25–30. Они были из воинской части, которая располагалась недалеко от нас. Военные стали расспрашивать людей о пропавшей лошади, называть приметы. Стало ясно, что именно эта лошадь была сбита ночью паровозом. Все молчали. Появление солдат ничего хорошего не сулило, при первом подозрении они могли обратиться к коменданту, и все закончилось бы очень печально. Комендант бы вывернул всех на изнанку, и многие получили бы тюремные сроки, хотя и положение спецпереселенцев ничем не отличалось от положения заключенных. Все усугублялось тем, что спецпереселенцы являлись представителями одной национальности, вся вина их заключалась только в этом.

Видя то, что все это может принять очень плохие последствия, старейшины стали общаться с военными. Стали искать общий язык в прямом и переносном смысле, военные оказались башкирами по национальности, старшего звали Зекки, а младшего Фатхи. Их язык оказался близким к языку татар Поволжья, к которому мы также в течение года стали привыкать. Старейшины рассказали о том, как все произошло, признали свою вину и попросили снисхождения. Рассказали о том, как мы оказались в этих лесах, как много умерших от голода и болезней, что здесь в основном женщины, дети, старики и инвалиды, что мужчины воюют на фронтах и скоро они вернуться. Доживем ли мы до их возвращения или нет, мы не знаем.

Билял-оджа, всю жизнь проработавший учителем, чудом избежавший репрессий 30-х годов, умудренный жизненным опытом, объяснил всю сложность нашего положения. Он обратился от имени всех жителей бараков к военным с просьбой не докладывать коменданту о случившемся. Выслушав внимательно длинную и искреннюю речь Билял-оджа, военные смягчились, появилось понимание и сострадание. Человеческая доброта взяла вверх.

Старший из военных, Зекки, сказал: «Что случилось, то случилось, не переживайте сильно, пусть Аллах сохранит вас от худшего. Я возьму ответственность на себя». Военные положили в вещмешок копыта с подковами, еще кое-какие несъедобные места для отчета перед своим начальством и удалились в расположение своей воинской части. Благодаря благородству двух этих бойцов из Башкирии, мы избежали многих неприятностей, а благодаря посланному всевышним дару сотни людей избежали голодной смерти. После разрешения этой проблемы жители бараков стали читать все знающие ими молитвы, благодарить всевышнего за то, что на земле много есть хороших людей.

Этот, один из эпизодов трагической судьбы крымско-татарского народа времен высылки и нахождения в местах спецпоселений, был записан мною в черновом варианте в 1954 году в населенном пункте-лагере «12 километр» Суслонгерского леспромхоза Марийской АССР. В декабре 1993 года в Крыму, в селе Аргын (Балки) переписан набело и отправлен в редакцию газеты.

**«ПРИНЯТЬ МЕРЫ К УЛУЧШЕНИЮ УСЛОВИЙ»
(ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ ПО ИСТОРИИ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ КРЫМСКИХ ТАТАР
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)**

Ключевые слова: крымские татары, Великая отечественная война, Государственный архив, Республика Марий Эл, спецпоселение.

В 2015 году исполнилось 70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР. Война пришла в каждый дом, в каждую семью и навсегда изменила жизнь людей, целого поколения граждан нашей страны. В памяти навеки останутся подвиги солдат на полях сражений, но необходимо помнить также и о самоотверженной работе тружеников тыла, которые терпели лишения, преодолевая усталость, работали на помощь фронту. Мужчины уходили на фронт, на производстве и в поле их заменяли женщины и дети. Жизнь Марийской республики, как и всей страны, была перестроена на военный лад. Люди работали по-стахановски, зачастую отдавали последние продукты и теплые вещи – «Все для фронта, все для Победы».

Марийская АССР находилась в глубоком тылу, поэтому практически с первых дней войны в нашу республику стали поступать эшелоны с эвакуированным населением, эвакуировался также скот из прифронтовых районов, оборудование промышленных предприятий, заводов. По данным на 26 июля 1941, года в МАССР прибыло по эвакуации более пятнадцати с половиной тысяч человек [1, с. 94]. Особое место среди эвакуированных занимало выселенное из Крыма татарское население.

В 1944 году в Марийскую АССР прибыли спецпереселенцы с Крымского полуострова, выселенные согласно постановлению Государственного комитета обороны. Организацией переселения занимались органы НКВД-НКГБ [2, с. 49–50]. Вновь прибывших граждан необходимо было разместить, предоставить им кров и пищу. В Государственном архиве Республики Марий Эл документы о размещении спецпереселенцев, улучшении их жилищных условий хранятся в фондах республиканских и районных органов власти. Подобных документов немного, тем ценнее их содержание.

В данной публикации представлены материалы о размещении спецпереселенцев, улучшении их жилищных условий. Документы публикуются в соответствии с действующими правилами. Текст документов передается по современным правилам орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей. Явные ошибки и опечатки исправлены без оговорок. Неясные по смыслу слова и цифровые данные сохраняются без изменений и оговариваются в примечаниях: «Так в документе». Восстановленные по смыслу слова заключены в квадратные скобки, опущенные части текста обозначены отточиями (<...>). Сокращенные слова приводятся в примечаниях. Все документы публикуются впервые.

Приложения

№ 1

Постановление Совета Народных Комиссаров Марийской АССР «Об уплотнении жителей гор. Волжска для размещения спецпереселенцев»

26 мая 1944 года

В связи с необходимостью размещения в городе Волжске прибывающих спецпереселенцев и в соответствии с постановлением Правительства СССР Совет Народных Комиссаров Марийской АССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать исполком Волжского райсовета и городской совет города Волжска провести уплотнение жителей города Волжска, проживающих в коммунальных, ведомственных и частных домах, с тем чтобы не позднее 30 мая с. г. разместить по квартирам прибывающих спецпереселенцев. Установить, что вселение спецпереселенцев производится только с разрешения Волжского райсовета и горсовета.

2. Обязать исполком Волжского райсовета (тов. Седова) и горсовета (тов. Кирсанову) при проведении уплотнения жителей города Волжска предупредить их о том, что за уклонение от выполнения пункта первого настоящего постановления (отказ в предоставлении жилой площади вселяемым эвакуируемым семьям) или оскорбление эвакуируемых спецпереселенцев в момент вселения, так и после, виновники будут привлекаться к ответственности вплоть до отдачи под суд.

3. Обязать исполком Волжского райсовета и горсовета ознакомить с настоящим постановлением глав семей, всех жителей гор. Волжска, занимаемая жилплощадь которых подлежит уплотнению.

4. В связи с тем что часть населения проживает в гор. Волжске без соответствующих разрешений и прописки, поручить органам милиции (тов. Фатьянову) провести проверку и выявить всех лиц, проживающих в гор. Волжске без прописки, и вместе с горсоветом и райсоветом отправить этих лиц в районы для расселения по колхозам.

Председатель Совета Народных
Комиссаров Марийской АССР (подпись) Р. Мамаев
И. о. управделами Совета Народных
Комиссаров Марийской АССР (подпись) Ложкин
ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 208, л. 244. Подлинник.

№ 2

Постановление Совета Народных Комиссаров Марийской АССР «О расчетах со спецпереселенцами из Крыма за принятые от них в местах прежнего жительства зерно, шерсть и кожевенное сырье и мерах помощи по их быстрейшему хозяйственно-бытовому устройству»

11 октября 1944 года

В соответствии с постановлением ГОКО № 6600 от 25 сентября 1944 года в целях окончательного расчета со спецпереселенцами из Крыма, расселенными в Марийской АССР, за принятые от них по месту прежнего жительства зерно, шерсть и кожевенное сырье, а также в целях быстрейшего хозяйственно-бытового

устройства спецпереселенцев Совет Народных Комиссаров Марийской АССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать уполнаркомзаг СССР по МАССР тов. Щеглова отпустить 368 тонн зерна и 200 тонн картофеля для спецпереселенцев с распределением по организациям и районам согласно приложению № 1.

Выдачу всего зерна произвести в два срока: 60 % – в октябре 1944 года и 40 % – в январе 1945 года. Выдачу картофеля произвести в IV квартале 1944 года.

2. Обязать начальника Маритранлеса тов. Шеина, директора Марбумкомбината тов. Завельского дополнительно к ранее отпущенному продовольствию распределить бесплатно поровну среди спецпереселенцев из Крыма все зерно и картофель, полученные от уполнаркомзаг СССР по Марийской АССР.

3. Предложить уполнаркомзаг СССР по Марийской АССР тов. Щеглову отпустить для спецпереселенцев в октябре м-це с. г. Марбумкомбинату и тресту «Маритранлес» 18,3 тонны натуральной шерсти и 4560 штук овчин с распределением по районам согласно приложению № 2.

4. Поручить начальнику Маритранлеса тов. Шеину и директору Марбумкомбината тов. Завельскому передать полученные шерсть и овчины для изготовления и пошивки спецпереселенцам обуви и одежды перерабатывающим организациям согласно приложениям №№ 3 и 4.

5. Обязать начальника ОРСа Маритранлеса тов. Свирина, председателя президиума Маркоопинсоюза тов. Лаврентьеву, Кожвалмехсоюз (тов. Строителява), Управление легкой промышленности (тов. Дымникова) и Наркомместпром (тов. Лаптева) до 1 января 1945 года выработать валяных сапог в количестве 7320 пар и полушубков 760 штук с распределением по организациям и потребителям согласно приложениям №№ 3 и 4.

Зам. председателя Совета Народных
Комиссаров Марийской АССР (подпись) Романова
Управделами Совета Народных
Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов
ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 148–149.

Приложение № 1 к постановлению СНК МАССР от [11] октября 1944 года

План отпуска 200 тонн картофеля и 368 тонн зерна
для спецпереселенцев по районам МАССР (в килограммах)

№ п/п	Наименование ЛТХ	Подлежит отпуску картофеля в кг	Из какого района	За счет какой организации	Подлежит отпуску зерна	Из какого района
1	2	3	4	5	6	7
1.	Юринский	33844	Юринского	Марисоюза	62273	Юринского
2.	Руткинский	11215	Г-Мари	Марисоюза	20636	Г-Мари
3.	Волжский	38763	Г-Мари	Марисоюза	71322	Г-Мари
4.	Йошкар-Ола	32095	Й-Ола	Марисоюза	59053	Й-Ола

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7
5.	Суслонгерский	28332	Моркинского	Марисоюза	52135	Моркинского
6.	Б. Кокшага	15436	Звениговского	Марисоюза	28400	Звениговского
7.	М. Кокшага	7018	Звениговского	Марисоюза	12914	Звениговского
8.	Марбумкомбинат	33297	Волжского	Волжского торго	61267	Волжского
Итого		200000			368000	

Управделами Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов

ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 152.

Приложение № 2 к постановлению СНК МАССР от [11] октября 1944 года

План отпуска шерсти и кожсырья для спецпереселенцев по районам МАССР

№ п/п	Наименование ЛТХ	Отпустить шерсти кгр.	Отпустить шубных овчин т. штук	В каком районе
1.	Юринский	2797	0,714	Еласовском и Юринском
2.	Руткинский	927	0,255	Еласовском
3.	Волжский	3,247	0,743	Еласовском
4.	Йошкар-Ола	2,876	0,731	Куженерском и Ронгинском
5.	Суслонгерский	2,592	0,645	Торъял
6.	Б. Кокшага	1,412 ¹	0,352	Моркинском
7.	М. Кокшага	642	0,160	Моркинском
8.	Бумкомбинат	3807	0,960	Моркинском
Итого		18300	4,56	

Управделами Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов

ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 153.

Приложение № 3 к постановлению СНК МАССР от [11] октября 1944 года

План производства теплых вещей для спецпереселенцев в Марийской АССР в IV квартале 1944 года

Наименование изделий	Единица измерения	Всего	В том числе				
			ОРС Марилеса	Коопин-союз	Кожвал-союз	Управл. легкой пр-сти	НКМП
1. валенок	пар	7320	1800	2020	3000	–	500
2. полушубков	шт.	760	–	–	–	760	–

¹ Так в документе. Вероятно, имеется в виду тысячи килограмм.

Управделами Совета Народных
Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов
ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 154.

Приложение № 4 к постановлению СНК МАССР от [11] октября 1944 года

План распределения теплых вещей по потребителям в IV квартале 1944 года

Наименование продукции	Единица измерения	В том числе	
		спецпереселенцев в Марилесе	спецпереселенцев на Бумкомбинате
1. Валенки	пар	5797	1523
2. Шубняки	шт.	600	160

Примечание: выработку валенок для спецпереселенцев Бумкомбината производит Кожвалмехсоюз и шубные овчины – УЛП.

Управделами Совета Народных
Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов
ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 155.

№ 3

Из информационного отчета Суслонгерского лестранхоза о выполнении постановления бюро Марийского обкома ВКП(б) от 28 мая 1945 года о материально-бытовом обслуживании спецпереселенцев

24 июня 1945 года

<...>

1. Наличие спецпереселенцев по лестранхозу на 25 июня 45 г. – 1234, которые расселяются:

посел. 67 км – 226 ч. – занимают площадь 760 кв. м, или 3,4 м² на человека;
посел. 10–12 км – 531 ч. – занимают площадь 1502 м², или 2,8 м² на человека;
посел. 19–23 км – 345 [ч.] – занимают площадь 1119 м², или 3,2 м² на человека;
посел. Уба – 132 чел. – занимают площадь 528 м², или 4 кв. м на человека.
Средняя площадь, падающая на человека, составляет 3,2 м².

2. По расселению спецпереселенцев проделаны и намечены следующие мероприятия:

а) осуществлено переселение с 19 кил. и 23 кил. 30 чел. на посел. Уба. По окончании карантина на пос. 23 кил. 5. VII – 45 будет переселено на 15 кил. 21 чел., таким образом по поселкам 23 и 19 кил. к 15. VII – 45 занимаемая площадь на человека будет равна 3,5 м².

б) по поселку 10–12 кил. переселяются на пос. Уба 25. VI – 45 г. – 40 чел. и к 25. VII – 45 будет закончен строительством 10-ти квартирный дом на 60 чел. площадью 240 кв. м, следовательно занимаемая площадь на одного человека к I. IX – 45 г. будет равна 3,3 м².

в) к I/X – 45 г. будут подготовлены печи в квартирах поселка Уба на 60 человек, в подготовленные квартиры будут переселены спецпереселенцы 10–12, 19–23 кил., таким образом к I/X – 45 г. жилая площадь будет составлять в среднем по лестранхозу 4375 кв. м, или 3,6 м² на человека.

3. После проведения соответствующей работы партийно-хозяйственным активом лестранхоза санитарное состояние жилищ спецпереселенцев можно считать удовлетворительным, в каждом бараке выделены старшины, к тому же прикреплены т. т. из актива, которые повседневно следят за санитарией помещений и поселков.

4. Бани и дезокамеры работают бесперебойно. На 25. VI – 45 г. вшивость ликвидирована.

5. На всех спецпоселках открыты детсады и детясли, в которые приняты все дети вне зависимости, работает или нет глава семьи. Данное мероприятие проведено с целью поддержания детей питанием, детсады и детясли полностью обеспечены постельными принадлежностями и продуктами питания по существующим нормам.

6. По материальному обеспечению лестранхозом проделано следующее: за время с июля 1944 г. по н/в выдано: 1. мануфактуры – 2651 м; 2. нательного белья мужского и женского – 336 пар; 3. фуфаяк ватных – 527 шт.; 4. брюк ватных – 510 шт.; 5. гимнастерок – 192 шт.; 6. пиджаков летних – 107 шт.; 7. брюк летних – 170 шт.; 8. шинелей реставрированных – 150 шт.; 9. бушлатов реставрированных – 102 шт.; 10. башмаков, шапок, шлемов – 350 шт.; 11. простыней – 350 шт.; 12. наволочек подушечных – 280 шт.; 13. наволочек матрасных – 170 шт.; 14. валенок – 375 пар; 15. одеял – 4...¹; 16. ботинок – 229 пар; 17. портянок – 300 пар; 18. шерсти – 260 кг.; 19. рукавиц – 500 пар.

Все вышеуказанное не удовлетворяет полной потребности, для полного обеспечения необходимо иметь зимней одежды взрослой и детской 1300 пар, мануфактуры – 10,0 тыс. м, кож. об. – 1300 пар.

7. По индивидуальному огородничеству вспахано 15,0 га. Посажено картофеля 20,0 т., каковые приобретены за счет выплаты задолженности по муке. В переброске картофеля предоставлялся транспорт лестранхоза. Дополнительно посажено картофеля 3,0 га силами лестранхоза за счет задолженности по картофелю. Таким образом, картофеля всего посажено 18,0 га или 24, 8 т.

8. Продовольственные карточки рабочим спецпереселенцам отоварены полностью, включительно за июнь месяц 1945 г., к тому же выдается рабочим талон горячего питания, по которому рабочие питаются в столовых. Средний дневной расход талонов на горячее питание составил 450 шт.

Тяжелое положение с питанием иждивенцев, не работающих на производстве, которые за исключением 300 гр. хлеба других продуктов не получают, и в ОРСе лестранхоза продуктов подсобного хозяйства нет.

9. Задолженность по зарплате имеется за май и первую половину июня в сумме 60,0 тыс. руб., несмотря на наличие средств в банке (240,0 т. р.) банком средства не выдаются, что тяжело отражается на жизни спецпереселенцев.

10. Денежная задолженность по муке, крупе, выданные спецпереселенцам во II и III кв. 1944 г. полностью погашена.

11. Задолженность по муке, картофелю погашена полностью.

Начальник Суслонгерского лестранхоза (подпись) Рябов

Парторг ОК ВКП(б) по лесу (подпись) Ходоровский

ГА РМЭ, П-1, оп. 5, д. 800, л. 138–139.

¹ Так в документе. Часть текста отсутствует.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГОКО, ГКО – Государственный Комитет Обороны.

Уполнаркомзаг – уполномоченный Народного комиссариата заготовок.

Маритранлес – Марийский трест лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Марбумкомбинат – Марийский целлюлозно-бумажный комбинат Народного комиссариата бумажной промышленности СССР.

ОРС – отдел рабочего снабжения.

Маркоопинсоюз – Марийский союз кооперативных артелей инвалидов.

Кожвалмехсоюз – Союз промысловой кожевенно-валяльной кооперации МАССР.

Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности.

ЛТХ, лестранхоз – лесотранспортное хозяйство.

Так в документе. Вероятно, имеется в виду тысячи килограмм.

Марилес – Марийский лесозаготовительный и сплавной трест.

УЛП – Управление легкой промышленности.

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

1. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Йошкар-Ола, 2005.

2. Сануков К. Н., Мамаев А. М. Спецпоселенцы в Марийской АССР в 1940–1950-е годы // Марийский археографический вестник: научно-практический ежегодник. 2008. № 18.

1. Marijskaja ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Joshkar-Ola, 2005.

2. Sanukov K. N., Mamaev A. M. Specposelency v Marijskoj ASSR v 1940–1950-e gody. *Marijskij arheograficheskiy vestnik: nauchno-prakticheskiy ezhegodnik*. 2008, no. 18.

Попова Екатерина Александровна,
главный специалист отдела использования
и публикации документов Государственного архива
Республики Марий Эл, Йошкар-Ола, popova-k-a@mail.ru

Popova Ekaterina Aleksandrovna,
popova-k-a@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. В. Рокина</i> Крымские тексты в истории, литературе и политике (вместо предисловия)	5
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	9
<i>А. А. Ирхин</i> Россия и Запад: методологический уровень конкуренции	9
<i>Ю. С. Обидина</i> Тавры в древнегреческой мифологии: «Ифигения Таврическая» как образ в мифе и мифологичность образа	16
<i>А. Г. Бахтин</i> Французский ориенталист Луи-Матъё Лангле о крымских ханах XV–XVI вв.	23
<i>М. Даниш</i> Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея	35
<i>Н. Э. Демешко</i> Интеграционный опыт Российской империи в отношении Крыма в XIX веке	49
<i>И. Г. Чеснокова</i> А. И. Куприн о Крыме	54
<i>Е. П. Серапионова</i> Штрихи к портрету И. С. Шмелева (по воспоминаниям Ива Жангийома-Кутырина)	60
<i>Р. Д. Куртсеитов</i> Крымские татары в условиях спецпоселений в Марийской АССР в 1944–1956 гг. Долгий путь возвращения на родину в Крым	65
<i>К. Н. Сануков</i> Крымские татары – спецпоселенцы в Марийской АССР в 1940–1950-е годы	77
<i>О. Б. Земцова</i> Возникновение джадидизма в мусульманском обществе Среднего Поволжья в XIX веке	90
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	96
<i>Г. В. Рокина</i> Крымская история Марфы Сабининой	96
НАУЧНАЯ ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	111
«Негодные люди Европы»: взгляд из викторианской Англии	111
Новые публикации крымских коллег (Рец на книгу: История Крыма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 464 с.)	118
Царская семья в Крыму (рец. на книгу: Е. М. Литвинова. Царская семья в Крыму. Симферополь: ООО «Рубин – Плюс», «Амазонка – Крым», 2014. 480 с., илл.)	123

Историко-филологический факультет Марийского государственного университета: историческая память в событиях 2015 года	126
Проектная деятельность Российского общества интеллектуальной истории	130
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ	133
<i>Д. Куртсеитов</i>	
Лошадь (Воспоминания очевидца о первом годе нахождения спецпереселенцев крымских татар в Марийской АССР, выселенных в мае 1944 г. из Крымской АССР)	133
«Принять меры к улучшению условий» (публикация материалов из Государственного архива Республики Марий Эл по истории спецпоселений крымских татар периода Великой Отечественной войны)	137

CONTENTS

<i>G. V. Rokina</i> Crimean texts in history, literature and politics (instead of the foreword).....	5
ARTICLES AND POSTS	9
<i>A. A. Irhin</i> Russia and the West: methodological aspect of competition	9
<i>Yu. S. Obidina</i> Tauri in Greek mythology: “Tauris Iphigenia” as an image of the myth and the mythological image	16
<i>A. G. Bakhtin</i> Works of the French Orientalist Louis Matheu Langlès on the Crimean Khans of the Fifteenth-Sixteenth Centuries	23
<i>Miroslav Daniš</i> Baron Frantisek Tott, a diplomat of the Slovak origin at the court of the Crimean Khan Giray	35
<i>N. E. Demeshko</i> Policy of Integration of the Russian empire in the Crimea (Nineteenth Century).....	49
<i>I. G. Chesnokova</i> Works of A. I. Kuprin on the Crimea	54
<i>E. P. Serapionova</i> The sketches to the portrait of I.S.Shmelev (from the memoirs of Ive Jantijom-Kutyryn).....	60
<i>R. D. Kurtseitov</i> The Crimean Tatars in the Special Settlements in the Mari ASSR in 1944–1956. A Long way home	65
<i>K. N. Sanukov</i> Crimean Tatars In Exile Settlements in Mari ASSR in 1940-50s.....	77
<i>O. B. Zemtsova</i> The First Steps of Jadid Movement among Russian Muslims (Middle Volga region, Nineteenth century)	90
GENDER STUDIES IN THE HUMANITIES	96
<i>G. V. Rokina</i> Martha Sabinina: Her Crimean Story	96
CHRONICLES AND BIBLIOGRAPHY	111
«Wasted people of Europe»: A view from Victorian England	111
New publications of Crimean colleagues (Book review: Istorija Kryma (Moscow: OLMA Media Group, 2015).....	118

Family of the tsar in the Crimea (Book review E.M.Litvinov, Tsarskaia semia v Krymu (Simferopol: OOO Rubin-plus; Amazonka-Krym, 2014)	123
Department of History and Philology of Mari State University. Historical memory in the events of 2015	126
Project activities of the Russian society of intellectual history	130
PUBLICATION OF DOCUMENTS AND MATERIALS	133
<i>D. Kurtseitov</i>	
A Horse (Memoirs about the first year of life of the exile settlers from Crimea ASSR in Mari ASSR).....	133
“Taking measures to better the living conditions” (publication of the materials from the State archives of the Republic of Mari El on the history of exile settlements of the Crimean Tatars during the Great Patriotic War).....	137

ЗАПАД – ВОСТОК

8/2015

Главный редактор

Галина Викторовна РОКИНА

Адрес редакции:

424000, г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30, к. 313

Web-страница: <http://www.marsu.ru/nauka/zapad-vostok>

Электронная почта: galina@rokina.ru

Компьютерная верстка

О. Г. Земцова

Дизайн обложки

О. Г. Земцова

Тем. план 2015 г. № 119.

Подписано в печать 25.12.2015 г. Формат 60×84/8.

Усл.-печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 12,51. Тираж 300. Заказ № 12.

Оригинал-макет подготовлен к печати
в учебно-исследовательской лаборатории этно-гендерных исследований
и отпечатан в ООП ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.